

М а й я Э й х л е р

Изобретая защитника Отечества

Армия, война и гендер
в постсоветской
России

Современная
западная русистика

История

Maya Eichler

•

Militarizing
Men

Gender, Conscription,
and War in Post-Soviet Russia

Stanford University Press

2012

Майя Эйхлер
·
Изобретая
защитника Отечества

Армия, война и гендер
в постсоветской России

Academic Studies Press

Бостон

2022

УДК 305+355.11+355.01
ББК 68.4(2Рос)
Э34

Перевод с английского Ирины Редькиной

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Фото на обложке — Хейди Браднер

Эйхлер, Майя

Э34 Изобретая защитника Отечества. Армия, война и гендер в постсоветской России / Эйхлер М.; [пер. с англ. И. Редькиной]. — Бостон: Academic Studies Press, 2022. — 279 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

ISBN 979-8-887190-79-2 (Academic Studies Press)

ISBN 979-8-887190-78-5 (Open Access)

Способность государства поддерживать всеобщую воинскую повинность и вести войну опирается на идею, что «настоящий мужчина» — это тот, кто отслужил в армии. Однако мужественность не связана с милитаризмом по своей природе. Как утверждает Майя Эйхлер, представление об этой связи внушается для того, чтобы пополнять ряды армии, вести боевые действия и мобилизовать население на войну. В контексте постсоветской истории Эйхлер раскрывает эти проблемы, привлекая в качестве материала массовое уклонение от призыва и дезертирство, антипризывной и антивоенный активизм солдатских матерей на фоне общего недовольства боевыми действиями в Чечне.

УДК 305+355.11+355.01
ББК 68.4(2Рос)

С 31 марта 2021 года эта книга распространяется в соответствии с лицензией CC-BY-NC. Ознакомиться с условиями можно на сайте <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Помимо оговоренных в данной лицензии случаев, никакая часть книги не может быть использована без разрешения правообладателя.

This book is subject to a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International Public License (CC BY-NC 4.0). To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Other than as provided by these licenses, no part of this book may be reproduced, transmitted, or displayed by any electronic or mechanical means without permission from the publisher or as permitted by law.

- © Maya Eichler, text, 2012
- © Stanford University Press, 2012
- © И. Редькина, перевод с английского, 2022
- © Academic Studies Press, 2022

ISBN 979-8-887190-79-2
ISBN 979-8-887190-78-5

Я посвящаю эту книгу всем мужчинам и женщинам, живущим в России и за ее пределами, тем, кто бросает вызов власти военных и сопротивляется гендерной логике милитаризации, иногда рискуя собственной жизнью.

А также Прие Поэзии, с надеждой на более мирное будущее.

Пролог к русскому переводу

Впервые я заинтересовалась вопросом взаимоотношений гендера и милитаризации в России в середине 1990-х годов. У меня были друзья, которые активно участвовали в российском пацифистском движении, в основном квакеры из России и из-за рубежа, с которыми мы посещали разные общественные встречи и мероприятия. Многие российские мужчины, которых я встретила в той среде, искали у квакеров помощи, чтобы уклониться от призыва или получить право на альтернативную гражданскую службу. Однажды благодаря одному моему другу я попала в офис организации «Солдатские матери», которая весьма активно действовала в Санкт-Петербурге. Я была восхищена работой этих женщин и их находчивостью в борьбе с военной машиной. Несколько лет спустя я познакомилась с международными феминистскими концепциями на тему роли гендера в процессах милитаризации общества. Так я снова вернулась к теме уклонения от военной службы и к движению солдатских матерей. Особенно повлияли на меня работы Синтии Энлоу и Сандры Уитворт, которые послужили вдохновением для этой книги. Читая их тексты, я раздумывала над одним вопросом: что именно сделало движение солдатских матерей таким мощным? Как им удалось бросить вызов военизации и государству? Как я выяснила позже, разгадка была в том, что эти женщины бросали вызов не только идеям патриотического воспитания, но чему-то более фундаментальному — самой общепринятой идее, что служить в армии — гражданская обязанность каждого мужчины и что именно она делает мужчину мужчиной.

* * *

Это издание — перевод книги, написанной в 2009–2011 годах и опубликованной издательством Стэнфордского университета в 2012 году. Текст не обновлялся специально для настоящего перевода, в него были внесены лишь минимальные исправления. Тем не менее, я считаю, что книга по-прежнему содержит важный анализ гендерной милитаризации в России, особенно в контексте войны Российской Федерации с Украиной. Многие из проблем, с которыми сталкиваются молодые российские призывники и их семьи, продолжают существовать и по сей день, поскольку российское государство в очередной раз борется за милитаризацию своих мужчин. Государственная легитимность, полученная благодаря милитаризму, технологии постсоветской российской государственности, сегодня более авторитарна, чем когда-либо, но также соответствует особенно противоречивой и нестабильной форме правления. Понимание гендерной основы милитаризации в постсоветской России является одним из ключей к противодействию продолжающейся войне.

Я благодарна издательству Стэнфордского университета за разрешение на перевод на русский язык и Academic Studies Press за их поддержку в завершении перевода. Я особенно благодарна Ирине Редькиной, которая предоставила этот очень профессиональный перевод, и редакторам Academic Studies Press за внимательное прочтение перевода. Я хочу выразить мою глубочайшую благодарность мужчинам и женщинам, которых я встретила во время моей полевой работы в Самаре и которые согласились поделиться со мной своими историями и своими мыслями.

Введение

Политика милитаризации мужчин: личное и общественное

Именно потому, что военная сфера может так глубоко вкрадываться в семейную динамику, промышленные структуры, человеческую психику, избирательную систему, классовые и этнические взаимодействия, историческую память и поп-культуру в то время, когда женщины оспаривают само гендерное составляющее любых вооруженных сил, — они ставят под сомнение само определение личности и нации.

Синтия Энлоу [Enloe 2000a: 1373–1374]

Я познакомилась с Вадимом в офисе одного из комитетов солдатских матерей в Самаре, городе-миллионнике, расположенном на берегах Волги. Сейчас Вадиму около 30 лет, он был призван на срочную службу во время первой чеченской войны (1994–1996). По возвращении из Чечни ему было сложно адаптироваться; с помощью местного отделения Комитета солдатских матерей он прошёл курсы и позже смог найти работу в качестве финансового менеджера. Глава комитета, которая и организовала нашу встречу, рассказала мне, что Вадим награжден за свою службу орденом Мужества. Но Вадим не мог говорить о войне, и хотя прошло уже больше десяти лет, он все еще переживал последствия своего в ней участия. Зато мы смогли поговорить про его опыт военной жизни в целом. Несмотря на тяжелые воспоминания о боевых действиях, Вадим чувствовал, что военная служба

стала важной школой в его жизни, она помогла ему повзрослеть и стать мужчиной. Он считал, что его превращение из юноши в мужчину теперь засвидетельствовано обществом, которое по его возвращении стало относиться к нему как к взрослому¹.

Даже для тех многих молодых российских мужчин, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях, военная служба зачастую является разрушительным опытом из-за дедовщины, а также неадекватных питания и медицинского обслуживания. В начале 2006 года история призывника Андрея Сычева потрясла россиян и в лишней раз подтвердила опасность армии. Сычев подвергся жестоким издевательствам со стороны своих сослуживцев. При этом он не получил своевременную медицинскую помощь, из-за чего его ноги и гениталии пришлось ампутировать. Каждый год сотни тысяч молодых людей в России стоят перед этой дилеммой: рисковать своей жизнью и здоровьем, откликнувшись на призыв в армию, или избежать ее жестокости и боли и оказаться «ненастоящим мужчиной».

На решение, которое принимает молодой человек, влияют взгляды членов его семьи и окружающего его общества. Многие родители в России опасаются за здоровье и жизнь своих сыновей в армии и готовы сделать все возможное, чтобы их сын избежал этого опыта. Но часто именно матери, а не отцы готовы публично высказываться о своих опасениях и организовываться в группы солдатских матерей, чтобы улучшить условия службы или требовать отмены обязательной военной службы для своих сыновей. Для мужчин (будь то сыновья или отцы) выступить против призыва публично — менее социально приемлемое поведение, которое может восприниматься как «немужское». Идеи о том, что это значит — быть настоящим мужчиной или хорошей матерью, и лежат в основе государственной призывной политики и общественного ей сопротивления.

В Советском Союзе военная служба для мужчин была обязательной. Она была ключевой опорой Вооруженных сил СССР, но ее значение выходило далеко за рамки защиты страны. Как

¹ Из интервью с Вадимом. Самара, июнь 2006 года.

обязанность советского гражданина, военная служба была устроена таким образом, чтобы сформировать из молодого человека патриотичного и лояльного члена общества. Вооруженные силы считались единственным институтом мужской социализации, а военная служба рассматривалась как посвящение в мужчины. Несмотря на это, в 1980-е годы Советский Союз начал сталкиваться с распространяющимся уклонением от призыва и общей потерей престижа Вооруженных сил. Эти изменения частично связаны с войной в Афганистане и с проводимой Михаилом Горбачевым политикой гласности. Благодаря активной деятельности солдатских матерей внимание широкой общественности все больше обращалось на жестокое обращение и ужасные условия, с которыми сталкивались призывники во время службы в армии. Таким образом, в последние годы Советского Союза высокое положение Вооруженных сил в обществе и предписанные государством милитаризованные гендерные роли были поставлены под сомнение.

Всеобщая воинская повинность оказалась одним из ключевых вопросов диалога, начавшегося между государством и российским обществом после падения СССР и с переходом к посткоммунистическому режиму. Тем не менее новая власть России поддержала воинскую повинность как конституционную обязанность молодого мужчины, обещая когда-нибудь в будущем сделать воинскую службу добровольной. Первая чеченская война, в которой в основном участвовали срочники, еще больше подорвала привлекательность этой службы и обнажила глубокие проблемы российских вооруженных сил. Вдобавок к широко распространенной дедовщине, возможность быть отправленным на войну в Чечню стала еще одной причиной всерьез задуматься над службой в армии. Однако к участию во второй чеченской войне (с учетом партизанского движения — 1999–2009 гг.) активно привлекались не столько призванные в армию солдаты, сколько контрактники и силовые структуры (такие как Федеральная служба безопасности). Президент Владимир Путин стремился восстановить доверие общества к вооруженным силам и их личному составу и подчеркивал, что военная служба — граждан-

ская обязанность мужчин. Сам по себе путинский режим складывался из значительного числа мужчин, связанных с силовыми структурами. В то же время уклонение от призыва по-прежнему оставалось проблемой, а общественная поддержка отмены обязательной воинской повинности оставалась сильной. Интересно, что именно те механизмы, которые должны были служить реализации и утверждению мужественности, — например, дедовщина и участие в боевых действиях — подрывали привлекательность военной службы в России. Надежды на то, что в обозримом будущем страна полностью перейдет на добровольную службу, снова рухнули в начале 2010 года: Министерство обороны заявило, что для пополнения вооруженных сил страны будет и дальше полагаться на призывников и фактически даже увеличит их долю в армии [Фельгенгауэр 2010].

Проблема рекрутирования граждан на военную службу и на участие в военных действиях сегодня особенно актуальна, и у воинских подразделений многих стран имеются большие трудности с набором новых военнослужащих. Как именно государства организуют свои вооруженные силы и как рекрутируют граждан на военную службу — принципиально гендерно-окрашенный вопрос, в основе которого — особое понимание роли мужчины в обществе, которое связывает мужественность и армию. Военным институтам очень важно (вос)произведение этой взаимосвязи для привлечения солдат, повышения морального духа и непосредственного участия в боевых действиях. Мужественность лежит в основании государственной политики, включающей в себя призыв на военную службу и ведение войны. Важность маскулинности выходит за рамки военной сферы и становится основой государственной легитимации. Учитывая, что государствам необходимо оправдывать себя посредством военных действий и воспроизводства военного патриотизма, любое сомнение в необходимости наполнения вооруженных сил мужчинами подрывает легитимность власти.

Эта книга посвящена взаимосвязи между мужскими идентичностями, государственной политикой призыва на воинскую

службу и ведением военных действий в Чечне. Каким образом государственное и военное руководство, с одной стороны, и общественные деятели и отдельные личности, с другой, воспроизводили или подрывали связь между мужественностью и армейской системой в постсоветской России? Как постсоветская трансформация и российско-чеченские войны повлияли на представление о том, что настоящий мужчина — это тот, кто сражался в бою или по меньшей мере служил в армии? Что политика «боевой» мужественности в постсоветской России говорит нам о взаимоотношениях страны и общества и о милитаризме как источнике легитимности этого государства?

В книге показано, что в контексте постсоветской трансформации и чеченских войн мужской милитаризации был брошен вызов, в результате которого она лишь еще больше укрепилась. Государственная милитаризация мужчин в постсоветской России столкнулась с серьезными трудностями. Наиболее очевидным доказательством этого может служить количество уклоняющихся от призыва и дезертиров, антивоенный активизм солдатских матерей и их помощь уклонистам, а также непопулярность чеченских войн (за исключением начальной фазы второй войны) среди населения. Переход к капитализму также стимулировал появление новых видов мужественности, которые укрепляют представления о том, что значит быть мужчиной в рамках рыночной экономики, и вступают в конфликт с патриотической, милитаризованной маскулинностью. Помимо этих проблем в военной политике, в России произошло частичное возрождение милитаризованных гендерных представлений. Эту тенденцию можно наблюдать в официальном возрождении милитаристской идеологии при президенте Путине, а также в деятельности региональных групп солдатских матерей и ветеранских организаций. Процесс ремилитаризации, идущий как сверху, так и снизу, направлен на усиление военного патриотизма и на сокращение разрыва между государством и обществом. Несмотря на то что он не разрешает конфликта, связанного с военным призывом, ему удается укреплять способность милитаризма легитимизировать власть в постсоветском государстве.

Теоретический объектив: феминистские международные отношения и «боевая» мужественность

Есть много определений милитаризма и милитаризации, нередко противоречащих друг другу. Говоря «милитаризм», я имею в виду доминирование военной машины над государством или обществом. Для меня милитаризм — это, скорее, идеология, которая во взаимоотношениях общества и государства отводит центральную роль вооруженным силам и их личному составу. Эта роль определяется конкретным социально-историческим и политико-экономическим контекстом. Милитаризм может определять государственную политику через увеличение военных бюджетов, включение специальной социальной политики в отношении военных или через всеобщий призыв на военную службу. Война всегда опирается на милитаризм, отдавая предпочтение военному решению проблем даже при наличии других ненасильственных методов. Термины «милитаризм» и «милитаризация» иногда используются как синонимы. Я различаю милитаризм как идеологию (или набор идей) и милитаризацию как процесс. Я понимаю милитаризацию (военизацию) как процесс, который помогает установить и укрепить центральную роль вооруженных сил в системе взаимодействия государства и общества, а демилитаризацию (девоенизацию) как процесс, посредством которого позиция военных оспаривается и ослабляется. Таким образом, слово «милитаризация» (как и прилагательные «милитаризованный», «военизированный», «боевой») будет использоваться, чтобы подчеркнуть социально и политически сконструированный характер значимости вооруженных сил. Политические деятели, общество и отдельные лица становятся милитаризованными (и/или «боевыми»), когда они своими убеждениями и действиями поддерживают определяющее значение вооруженных сил. Таким образом, процесс милитаризации может считаться успешным, когда милитаризм не подвергается сомнению, но, наоборот, воспринимается как норма и неизбежность².

² За основу взято определение из [Enloe 2000a].

Основой для данной работы послужили научные исследования в рамках феминистского направления международных отношений (МО), которые появились благодаря желанию сделать видимыми жизнь и опыт женщин и переосмыслить гендерные основы этой дисциплины. Джоан Скотт утверждает, что «гендер есть первичное средство означивания отношений власти» [Скотт б/д: 13]. То есть гендер — это нечто большее, чем женщины, мужчины и отношения между ними. Он структурирует социальную жизнь в более широком смысле, поскольку наделяет властью те институты, практики и действия, которые ассоциируются с мужественностью. То, что традиционно считалось политическим (и, следовательно, актуальным), выходило на первый план благодаря ассоциации с мужчинами и мужественностью. Долгое время понятия «политический лидер», «гражданин», «воин» ассоциировались с мужчинами и мужскими качествами. Это воспринималось как нечто естественное, и, соответственно, мужественность и женственность оставались неизученными в рамках основных теорий МО [Tickner 1992]. В последние годы феминистские исследователи МО начали более подробно исследовать роль мужественности в глобальной политике [Hooper 2001: 147–164; Sharoni 2008: 147–164; Whitworth 2004; Zalewski, Parpart 1998; Zalewski, Parpart 2008]. Аналитически изучая мужественность, мы не возвращаемся к исходному субъекту исследований МО, но проблематизируем те категории, которые долгое время воспринимались в МО как сами собой разумеющиеся: идентичности мужчин, представления о мужественности и гендерные отношения власти. Изучать мужчин необходимо по отношению к женщинам, и наоборот. Гендерный анализ позволяет увидеть, насколько по-разному влияет международная политика на женщин и на мужчин, что от них ожидается и как их подталкивают к определенному, связанному с гендерными ролями поведению, а также как понятия мужественности влияют на ключевые концепции МО.

Термин «гендер» используется феминистками, чтобы подчеркнуть: идентичности женщин и мужчин — не биологические понятия, но выстроенные друг относительно друга конструкты. Понимание того, что значит быть женщиной или мужчиной,

зависит от исторического, культурного, социального и экономического контекстов. Гендер настолько структурирует социальную жизнь, что о любом обществе мы можем говорить как об определенном *гендерном порядке* — совокупности определяющих гендерных взаимоотношений и представлений о мужественности и женственности [Коннелл 2015]³. Гендерный порядок проявляется в гендерных отношениях власти, гендерном разделении труда и распространенных сексуальных практиках. Феминистские и гендерные исследования подробно изучили и доказали центральную роль современных государств (будь то государства государственного социализма, капиталистические или имеющие признаки и тех, и других) в воспроизводстве и формировании гендерного порядка, включая его материальные, институциональные и идеологические проявления [Abu-Laban 2008; Gal, Kligman 1997; Ashwin 2000b]. При этом для собственного функционирования и идеологического укрепления государства также опираются на гендерный порядок, что очевидно из их военной политики. Главные требования к государству: суверенитет, защита и безопасность, монополия на законные средства насилия — неразрывно связаны с определенными гендерными отношениями и представлениями о мужественности и женственности. Эти принципы исторически повлекли за собой разделение общества на тех, кто носит оружие и защищает государство и нацию (мужчины), и тех, кто передан частной сфере и определяется как нуждающийся в защите (женщины и дети). Представление о «боевой» мужественности лежит в центре укрепления государственного суверенитета и принудительной власти государства. Государства и военная система сделали немало, чтобы мужественность ассоциировалась с вооруженными силами, а женственность — с потребностью в защите [Тикнер 2007; Peterson 1992: 31–64; Stiehm 1982: 367–376; Young 2003: 1–25]. Без милитаризации

³ Коннелл обращается к определению гендерного порядка в том понимании, как его предложила Джилл Мэтьюс [Matthews 1984: 13]: «Порядок, основанный по половому признаку, является одним из основных идеологических и материальных порядков, в рамках которого создается социальный смысл, система, которая охватывает все общество».

мужчин и их подчинения государству последнее не могло бы выполнить своего обещания гарантировать безопасность. Таким образом, особый гендерный порядок встроен в укрепление военного порядка и в легитимацию государственной власти.

В центре внимания этой книги находится то, что лежит на пересечении гендерного порядка и милитаризации/войны, а именно роль милитаризованных представлений о мужественности в государственном и национальном строительстве. При концептуализации маскулинности я опираюсь на основополагающие идеи Рэйвин Коннелл, согласно которым, во-первых, мужественность необходимо понимать в связке с женственностью, поскольку она существует как часть гендерных отношений. То есть, чтобы понять мужественность и мужчин, нужно исследовать женственность и женщин, и наоборот⁴. Во-вторых, пространства производства мужественности (и женственности) разнообразны: на индивидуальном уровне, институциональном (например, через государства, рабочие места, ООН) и на идеологическом / культурном / дискурсивном уровнях (например, через рекламу, искусство и «здравый смысл»). В-третьих, мужественность связана с властью: мужчины приобретают власть в обществе не благодаря своей биологической идентичности мужчин, а благодаря своей «культурной ассоциации» с мужественностью. То, что в конкретное время и в конкретном месте считается мужским (или женским), зависит не от мужчин (и женщин) как таковых, а от того, что наделяет их властью, а что ее отнимает⁵. В-четвертых, нам необходимо различать множественные мужественности. Коннелл утверждает, что гегемонная мужественность существует только в связке с подчиненной и маргинализованной мужественностью (и женственностью). Так, в эпоху, когда гетеросексуальность определяется как норма, геи представляют собой подчиненную мужественность, а в обществе, сосредоточенном

⁴ Важность такого подхода также подчеркивается такими феминистскими исследовательницами, как Синтия Энлоу и Синтия Кокберн [Enloe 1993: 37; Cockburn 2004: 24–25].

⁵ См. обсуждение работ Коннелл Шарлоттой Хупер [Hooper 2001: 32, 41].

вокруг белых мужчин среднего класса, мужчины из рабочего класса олицетворяют маргинализованную мужественность. Наконец, понимание мужественности (и женственности) меняются, и поэтому их стоит понимать обусловленными не только культурно, но и исторически [Коннелл 2015; Connell 2000].

Указывая на пересечение гендерного порядка и милитаризации, мы можем увидеть, как легитимность государства частично организована вокруг представлений о гегемонной маскулинности (так, например, это солдат, или мужчина господствующей этнической/расовой группы или институционализированная гегемонная маскулинность, воплощенная через государственность или принадлежность к военным институтам). Эта доминирующая маскулинность определяется как антитеза представлениям о подчиненной маскулинности (например, враг, дезертир или гомосексуал). Кроме того, государства (и социальные силы, с которыми они связаны) опираются на различные конструкции женственности, включая женскую домашнюю жизнь, патриотическое материнство или женщин-работниц. Способность государства вести войну и легитимизировать свою власть через ведение этой войны зависит от строгого соответствия мужчин и женщин определенным милитаризованным гендерным ролям, а также от множества других факторов, таких как экономические ресурсы, технологии производства вооружения или общественное мнение.

Милитаризм влечет за собой глубокие гендерные последствия. Он наделяет привилегиями вооруженные силы как институт мужественности, а мужчин как защитников Отечества, чем вносит вклад в неравноправные гендерные отношения. Мужественность ассоциируется со многими качествами, включая силу, способность использовать насилие, агрессию, готовность к риску, доминирование. Вездесущность милитаризма очевидна благодаря такому факту, что большая часть людей интуитивно согласна с идеей, что мужчины более агрессивны и жестоки, и заметнее, чем женщины, готовы сражаться на войне. Действительно, исторически мужчины действовали в большинстве обществ как воины. Тем не менее феминистские исследователи МО

призывают нас не так быстро принимать на веру предположительно природную связь между мужчинами и воинственностью. Феминистки используют термин «милитаризованная маскулинность» («боевая» мужественность), чтобы побудить нас задуматься о том, как именно мужественность и мужчины становятся милитаризованными, о том, как мужественность и армия становятся связанными, вместо того чтобы полагать и принимать мужчин воинственно настроенными по своей природе⁶. Воинственность мужчин не может считаться само собой разумеющейся, поскольку она опирается на социализацию, государственную политику и все большее на экономические мотивы.

Военные институты, как и государства, давно продвигают идею о том, что за счет военного опыта может быть раскрыто мужское естество, или, проще говоря, именно военный опыт может сделать из мальчика мужчину. Обязательная военная служба уже давно служит одним из наиболее важных инструментов формирования представлений о мужчинах как воинствующих⁷. В милитаризованных обществах государственные и военные лидеры определяют патриотизм женщины с точки зрения ее готовности принести в жертву своего сына, а военную службу мужчины как неотъемлемую часть его гражданской и личной позиции. Учитывая, что идентичности женщин и мужчин могут определяться через военную позицию, милитаризация может проявляться по-разному, в зависимости от пола. Милитаризация матери выражается в гордости и общественном признании, которые она получает в результате военной службы сына. Личность мужчины становится милитаризованной, если он считает военную службу необходимой для выражения своей гражданской позиции и для своего перехода к зрелости.

⁶ Для феминистского анализа милитаризованной мужественности см. [Enloe 2004; Whitworth 2004].

⁷ Для феминистского анализа о влиянии военной службы на формирование представлений о мужественности и мужских идентичностях см. [Altinay 2004; Gill 1997: 527–550; Kwon 2000: 26–54; Moon 2005: 64–92; Sasson-Levy 2003: 319–345].

Под военизированной («боевой») мужественностью я понимаю представление о том, что военная служба (и военные действия) — важнейший элемент мужской идентичности, независимо от того, понимается ли это как гражданский долг или как необходимость мужского воспитания. Военизированная мужественность заложена в гендерную государственную политику и выражается, например, в публичных выступлениях, общественной политике и обязательной военной службе для мужчин. На социальном уровне изменения политико-экономической обстановки, равно как и восприимчивость общества к представлениям о военизированной маскулинности, влияют на связь между маскулинностью и военной системой. Отдельные мужчины и женщины, принимая военную службу как гражданский долг мужчины и/или как основу мужской идентичности, могут работать на укрепление представлений о милитаризованной мужественности или, наоборот, бросать им вызов, что может выражаться в готовности мужчин служить в вооруженных силах, а женщин — поддерживать мужчин, находящихся на военной службе.

Изучение вооруженных сил, военного дела и процессов милитаризации имеет для феминистских исследовательниц определяющее значение по аналитическим и политическим причинам. Военные системы — один из основных источников неравного гендерного соотношения сил в обществе. В обществах с воинской повинностью обязательная военная служба для мужчин определяет гражданскую позицию с гендерной точки зрения и фактически ставит гражданский статус мужчины выше гражданского статуса женщины. Поскольку гендер указывает на обладание властью в самом широком смысле, милитаризованная маскулинность служит показателем политической власти. Близость к категории доминирующего типа мужественности часто ставит субъекта в более выгодное положение в социальном и политическом контексте. Таким образом, изучение того, как представления о военизированной мужественности становятся ключевыми, или, наоборот, теряют доминирующую позицию, важно для понимания гендерной социальной и политической власти. В то же время осознание того, что мужчины подвержены милитаризации, а не

рождены воинственно настроенными, открывает пространство для пересмотра гендерных ролей и политики милитаризации, в реализации которых они участвуют.

Эмпирическая фокусировка: посткоммунистическая трансформация и русско-чеченские войны

Постсоветская трансформация России является основным фоном данного исследования. Либеральные исследователи и политики изначально предполагали линейный переход от коммунистических политико-экономических систем к демократии и капитализму. Сторонники традиционной школы указывали на негативные последствия социалистического наследия, которые могут возникнуть на пути к прогрессу⁸. Майкл Буравой и Кэтрин Вердери находят ошибочным «представление о переходе как о чем-то, что укоренено в прошлом или связано с воображаемым будущим. Переход — это процесс, свободно плавающий между этими точками» [Burawoy, Verdery 1999: 14]. Их подход позволяет лучше понять сложное взаимодействие преемственности и изменений, составляющих постсоветские преобразования.

Эти преобразования влияют на все стороны жизни. Лучше всего рассматривать их как множество взаимосвязанных экономических, политических, идеологических, социальных и культурных процессов, которые приводят к фундаментальным изменениям в экономической и политической системе, социальном и идеологическом порядке, а также в культурных нормах и практиках. Такая трансформация по самой своей природе спорна и динамична, ее результат неясен. Он зависит от политической и общественной борьбы за выбор пути реформ и за характер нового режима. Постсоветская трансформация включает в себя перераспределение экономической и политической власти, а также реструктуризацию общественных отношений в зависимости

⁸ Для обсуждения различных подходов к изучению посткоммунистических трансформаций см. [Pickel et al. 2002].

от класса, пола, возраста, региона или национальности. Ни государство, ни общество не определяют результат изменений в полной мере. Государство является главной действующей силой, но даже внутри него министерства, ведомства и правительственные палаты часто расходятся во мнениях относительно курса реформ. Точно так же и в обществе различные социальные субъекты пытаются влиять на политику правительства или оспаривать ее.

В начале 1990-х гг. легитимность нового российского государства основывалась на обещании правительства улучшить социальные и экономические условия. Россияне связали демократизацию с такими показателями, как «социальный порядок, экономическая стабильность, гарантированное благосостояние и большая степень справедливости при распределении доходов» [Sil, Chen 2004: 349]. Однако экономическая политика «шоковой терапии», проводимая реформистским правительством Бориса Ельцина, привела к общественному порядку с явно обозначившимся экономическим неравенством и концентрацией власти в руках «нового» правящего класса. Это подорвало популярность неолиберальных реформ правительства с их определением России как части Запада. Несогласные с программой Ельцина настаивали на альтернативных концепциях российской нации, на что правительство реагировало, изменяя свою позицию на более националистическую и антизападную. Такую позицию по отношению к Западу занял президент Путин — и, кроме того, предпринял шаги по укреплению государственности и возрождению российского патриотизма. Возрождая государственный патриотизм и милитаризм советской эпохи, с экономической точки зрения Россия продолжала свою интеграцию в мировую капиталистическую систему. В контексте такого экономического и идеологического кризиса постсоветского строя милитаризм вместе с национализмом и патриотизмом стал важнейшим инструментом для политических лидеров, стремящихся получить власть или укрепить ее [Laruelle 2009a].

Лучше всего понять милитаризм и милитаризацию можно в рамках диалектики преемственности и изменений, сопровождавших российскую постсоветскую трансформацию. Измене-

ния военной системы и военно-гражданских отношений не изолированы от других процессов этой трансформации и должны рассматриваться в контексте множественных пересекающихся изменений в экономике, социальной и культурной сферах, политической и ценностной системах. Настоящее исследование рассматривает милитаризм и милитаризацию как часть процесса реорганизации социальных отношений и политической власти, которая произошла в постсоветский период. Такой подход не принимает государственный и межгосударственный милитаризм как само собой разумеющееся, а вместо этого исследует причины его возникновения и механизмы его вписывания в более широкие социальные и политические изменения.

Военное противостояние между чеченскими сепаратистами и федеральными вооруженными силами России осложнило российскую посткоммунистическую трансформацию⁹. Государство вело две войны (1994–1996, 1999–2009) против сепаратистской республики Чечня, которая провозгласила свою независимость в ноябре 1991 года. Было выдвинуто несколько альтернативных версий причин этого конфликта, которые обращались к истории российского империализма, наследию противоречивой советской национальной политики, текущим экономическим и геостратегическим интересам России в кавказском регионе или к нескольким этим факторам одновременно. Некоторые авторы подчеркивают, что чеченское сопротивление российскому империализму восходит к XIX веку. Они помещают самые недавние конфликты в многовековой контекст российско-чеченского противостояния и рассматривают их в рамках исторической борьбы чеченцев за национальное освобождение [Fowkes 1998]. Другие утверждают, что российско-чеченские противоречия были усугублены советской национальной политикой, которая основывалась на «внутреннем противоречии между принципом этнотерриториального федерализма и фактическим подавлением национальных устремлений» [Lapidus 1998: 9]. С одной стороны,

⁹ Помимо российско-чеченских войн, Россия пережила военный штурм здания Верховного Совета в 1993 г.

чеченцы подверглись принудительной депортации и политике ассимиляции — в 1944 году около 500 000 чеченцев и ингушей по приказу Иосифа Сталина за предполагаемое сотрудничество с нацистской Германией были депортированы в Среднюю Азию. С другой стороны, принцип этнотерриториального федерализма поощрял самосознание чеченского народа [Lapidus 1998]. Кроме того, советская политика модернизации в 1960–1980-х гг. способствовала развитию экономики и системы образования республики, однако этническое неравенство при этом сохранялось [Tishkov 2004: 41, 45]. Авторы, предпочитающие скорее современные, а не исторические объяснения, указывают на приоритетность экономических и геостратегических интересов российского государства. Они отмечают ключевые транспортные маршруты (идущие от Ростова в Баку автомагистраль и железная дорога), проходящий через Чечню нефтепровод, местную нефтеперерабатывающую промышленность, а также близость республики к Каспийскому морю с его значительными запасами нефти [Evangelista 2002: 127–143].

Несмотря на то, что для ответа на поставленные вопросы важны все эти подходы, я отдаю свое предпочтение тому, который помещает указанные войны в процесс постсоветской трансформации России¹⁰, поскольку их можно рассматривать отчасти как ответ на угрозы единству российского государства. Однако эти войны необходимо анализировать и в контексте легитимации политической власти в эпоху экономического и идеологического кризисов постсоветского общественного порядка. Ввиду отсутствия других легкодоступных источников легитимации для укрепления своего правления политическое руководство России опиралось на милитаризм [Sperling 2003: 240]. Тем не менее, этот процесс был противоречивым. Новое российское государство использовало советское наследие господствующей военной

¹⁰ Трейси К. Герман и Маркус Зольднер анализируют первую чеченскую войну в контексте посткоммунистической трансформации России. Первый исследует, как слабость институций способствовала вспышке военного насилия [German 2003], тогда как второй делает упор на изменение политики элит [Soldner 1999].

культуры, при этом ему приходилось пробиваться через расшатанные на общественном уровне представления о военнизированной мужественности и «патриотическом долге». В рамках методов и способов ведения войны, присущих глобальной политике, такие чеченские войны — типовые. Военные кампании, которые велись против «сепаратистов», «бандитов» и «террористов», не заканчивались чистой победой или заключением мира. В эпоху непрекращающейся войны с терроризмом Россия сталкивается с проблемой, с которой сталкиваются многие другие страны: как мобилизовать на поддержку войны собственное население.

Полевые исследования

В основе этого исследования лежит полевая социологическая работа, которая проходила в административном центре Самарской области Поволжского федерального округа, что примерно в 1100 км к юго-востоку от Москвы. В советский период Самара (тогда — Куйбышев) по причине концентрации в ней военной промышленности была «закрытым городом». Я выбрала ее по нескольким причинам. Одной из важных составляющих моей работы на месте является проведение интервью с женщинами, которые были активными участницами движения солдатских матерей. Я не хотела заострять внимание на Центре России, которое часто встречается в западной литературе и уже нашло отражение в обширных исследованиях независимых групп солдатских матерей Москвы и Санкт-Петербурга. У меня было предчувствие, что такое внимание к двум главным городам России может привести к искаженному взгляду на гендер и милитаризацию. Неправительственные организации в Москве и Санкт-Петербурге с большей вероятностью будут контактировать с западными организациями и подпадать под влияние западных идей. Поэтому я поставила перед собой другую цель — изучение того, как неправительственные организации решают связанные с военными институтами проблемы в регионах России.

Таким образом, я хотела внести вклад в комплексное восприятие движения солдатских матерей¹¹. Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что для проведения полевых исследований по военным вопросам Самара оказалась хорошим местом, поскольку воинские части из Самарской области участвовали в обеих чеченских войнах, что привело к созданию многочисленных местных и региональных групп, работающих с ветеранами чеченских войн¹².

Во время моей полевой работы в Самаре с мая по август 2006 года я провела 24 интервью, в основном с матерями солдат, с уклонившимися от призыва и с ветеранами чеченских и других недавних войн¹³. Интервью были полуструктурированными,

¹¹ В этом вопросе я следую примеру Сергея Ушакина и Лизы Сундстром, которые расширили наши знания о группах солдатских матерей в регионах России [Oushakine 2009: ch. 4; Sundstrom 2006].

¹² Я провела в Самаре примерно одиннадцать недель: с конца мая до середины августа 2006 года.

¹³ Интервью были организованы через размещение публикации Самарского областного парламента о региональных и муниципальных неправительственных организациях. С некоторыми интервьюируемыми я познакомилась благодаря существующим контактам, с другими — по принципу снежного кома, согласно которому одни собеседники помогают устанавливать контакты и рекомендуют поговорить с кем-то еще. Все интервью, за одним исключением, были записаны и расшифрованы. Я проводила их самостоятельно, на русском языке, за исключением первых двух интервью, где меня сопровождал коллега. Я придерживалась этических принципов и всегда спрашивала согласия на интервью у всех моих собеседников. В целях сохранения анонимности имена интервьюируемых изменены. В интервью приняли участие четырнадцать мужчин и десять женщин. Подавляющее большинство респондентов получило либо высшее образование в той или иной степени на уровне университета, либо среднее профессиональное образование. По роду занятий среди опрошенных были студент, государственный служащий, инженер, техник аварийно-спасательной службы, архитектор, певец и военнослужащие в отставке. Среди опрошенных было также пять ветеранов чеченских войн (четыре мужчины, одна женщина), четверо уклонившихся от призыва, один активист, выступающий против всеобщей воинской повинности, четыре активистки из групп солдатских матерей (не считая председательниц двух комитетов), бывший солдат срочной службы, один ветеран Афганской войны (мужчина), который был активистом в местном движении ветеранов, мать сына-подростка, которого скоро должны были

вопросы касались взглядов респондентов на военную службу, влияния войн на их жизнь, а также деятельности организаций солдатских матерей и ветеранов. Интервью строились на основе моего феминистского интереса к представлениям мужчин и женщин о «боевой» мужественности. Тем не менее, большая часть вопросов не была прямо связана с гендером, и все же позволяла раскрывать гендерные отношения и допущения (например: «Что, на ваш взгляд, привлекает мужчин к военной службе или удерживает их от нее?», «Как чеченские войны повлияли на вашу жизнь?»). Я исследовала интервью через феминистскую призму, чтобы понять, каких представлений о мужественности и женственности придерживаются мои собеседники.

Тот факт, что военная система и чеченские войны — темы в современной России политически чувствительные, создавал некоторые трудности для проведения моего исследования. Мое положение интересующейся иностранки только усугубляло эту проблему. У тех, кто был настроен скептически или даже вовсе не согласился дать интервью, наиболее частые опасения были связаны с представлениями о жителях Запада как связанных с правами человека или шпионажем. Также я сталкивалась с мнением о том, что людям из-за границы не стоит интересоваться подобными темами, а лучше заниматься проблемами своего общества. Следует отметить, что российские ученые также сталкиваются с трудностями при проведении исследований на военные или чеченские темы. Как отметила в мае 2007 года, ссылаясь на свои интервью со служившими в Чечне милиционерами, Таня Локшина: «К сожалению, в последнее время Чечня стала в России почти запретной темой, и многие сотрудники милиции, которые служили в Чечне, отказываются говорить о своем соответствующем опыте в зоне конфликта, даже при

призвать в армию, и молодая женщина, которая хотела служить в армии. Кроме того, я взяла интервью у председателей шести общественных организаций, работающих с призывниками, военнослужащими или ветеранами, а также одной чеченской культурной организации. За одним исключением, все опрошенные были этническими русскими. Я прямо цитирую двадцать одно из этих интервью в главах 3, 4 и 5.

условии сохранения анонимности» [Filippova 2007]. Я сталкивалась с подобными трудностями, но не могу сказать, что они были непреодолимыми¹⁴. Однажды мой статус иностранного ученого сыграл мне на руку — когда лидер одной из самарских групп солдатских матерей очевидно отказалась общаться с местными журналистами, но была готова дать интервью мне.

План этой книги

В пяти разделенных по темам главах этой книги рассматриваются черты милитаризованной маскулинности в постсоветской России. В первой главе «Гендер и милитаризация в Советском Союзе» подчеркивается роль, которую военизированная мужественность играла в советских государстве и обществе (включая советский гендерный порядок), и утверждается, что официальный нарратив о военизированной маскулинности в позднесоветский период стал слабеть по причине войны в Афганистане, политики гласности при Горбачеве и активности солдатских матерей. Вторая глава «Политическое руководство и военизированная мужественность в российско-чеченских войнах» исследует, как артикуляция и репрезентации военизированной мужественности подорвали легитимность первой войны, но помогли заручиться поддержкой для второй. Анализ показывает, что прямой связи между ведением войны и мужественностью нет. Напротив, в основе попыток политического руководства страны представить войну как способ казаться мужественным заметны сложные переплетения различных «боевых» мужественностей. В третьей главе «Социальный кризис военизированной муже-

¹⁴ Мне повстречался один человек, который был счастлив, что кто-то с Запада заинтересовался Россией, и еще один, который считал, что передача той конфиденциальной информации, которую я получила благодаря ему, может привести к некоторым успехам. У меня также сложилось впечатление, что мой (юный) возраст, статус студента и пол были преимуществом, поскольку собеседники считали меня менее опасной, чем, например, кого-то более авторитетного — взрослого мужского пола.

ственности. Воинская повинность, экономические реформы и российско-чеченские войны» я анализирую политику всеобщей воинской повинности для мужчин и растущие вызовы, с которыми сталкивается военизированный тип мужественности в результате насилия и плохих условий службы в армии, появления новых представлений о мужественности в зависимости от классовой принадлежности и чеченских войн. В четвертой главе «Движение солдатских матерей. Отрицание и воспроизводство военизированных гендерных ролей» исследуется движение солдатских матерей в России через сравнение этих групп в Москве и Санкт-Петербурге с группами в Самаре. Группы солдатских матерей в Москве и Санкт-Петербурге переосмыслили военизированную мужественность, публично выступая против войн и за отмену всеобщего воинского призыва. В отличие от них солдатские матери в Самаре избегали публичной критики военных действий и, защищая права призывников и военнослужащих, как правило, стремились укрепить гендерные роли, привязанные к провоенной позиции. Пятая глава «Ветераны чеченских войн. Сомнительные бойцы или образец мужественности?» анализирует, как образы ветеранов чеченских войн расходятся с образом героического воина. В этой главе я утверждаю, что чеченские войны выявили многочисленные противоречия милитаризованной мужественности, как в репрезентации неподневольных и жестоких бойцов, так и в трудностях, с которыми столкнулись ветераны по возвращении к гражданской жизни.

В этой книге — три главных сюжета. Во-первых, я провожу гендерный анализ милитаризации, происходящей как на государственном, так и общественном уровне, и уделяю серьезное внимание опыту и поведению граждан. На примере срочной службы и военных действий я подчеркиваю важность гендера в государственной политике, обращая одновременно с этим внимание на то, как общество и отдельные личности воспроизводят или оспаривают такую политику. Благодаря анализу милитаризованной маскулинности на общественном уровне становится очевидным, с какими вызовами сталкивается милитаризованное государственное и общенациональное строительство

постсоветской России. Такой подход позволяет увидеть, что политика милитаризованной маскулинности настолько же личная и локальная, насколько она публичная, национальная и глобальная [Enloe 1989].

Во-вторых, в этой книге я исследую, как гендер, с одной стороны, может работать на руку идеологической аргументации, а с другой — указать на узкие места и противоречия в социальных и политических процессах. Гендер может работать как инструмент для стабилизации социальных отношений и быть идеологическим подспорьем в государственной политике. Например, идея о том, что мужчины — это воины, а женщины нуждаются в мужской защите, предполагает оправдание всеобщей военной службы для мужчин и ведения мужчинами войны. Но гендер также может указать нам на сбои в идеологии и помочь увидеть возможности для трансформации социальных отношений и политической власти. Поскольку для поддержания собственного функционирования и легитимации собственной власти государства опираются на военизированную мужественность, сомнение в военизированных мужественностях может помочь увидеть проблемы социальной и политической власти, опирающейся на гендерные представления.

И наконец, в-третьих, вместо того чтобы принимать линейность милитаризации как данность, я исследую противоречивые и параллельные процессы де- и ремилитаризации. Такой подход особенно полезен в рамках изучения постсоветского периода, поскольку он концептуализирует милитаризацию и милитаризм в контексте экономического и идеологического кризиса постсоветского строя. В следующих главах речь пойдет о меняющихся взаимоотношениях между государством и обществом, которые можно наблюдать через противостояние политике конструирования военизированной мужественности. А также о том, как в то время, пока государство пытается стабилизировать новый порядок, а граждане — изо всех сил занять в нем свое место, идеи о милитаризованной мужественности укрепляются все сильнее.

Глава 1

Гендер и милитаризация в Советском Союзе

8 мая 1967 г. Леонид Брежнев зажег Вечный огонь на торжественном открытии мемориала Могилы Неизвестного Солдата на Красной площади в Москве. Мемориал был посвящен погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Церемония восхваляла подвиги Красной Армии и засвидетельствовала ее статус как опоры Советского государства и общества. Это также был повод подчеркнуть героизм сражавшихся на войне солдат и призвать к глубочайшему уважению общества по отношению к ним [Tumarkin 2003: 598–599]. Первый секретарь Московского комитета Коммунистической партии Н. Г. Егоричев представлял молодому поколению ветеранов Великой Отечественной войны в качестве примера для подражания. В своем выступлении он заявил, что эти герои проявили «беззаветное мужество и патриотизм, верность военному долгу, непоколебимую преданность Коммунистической партии, социалистическому Отечеству» [Tumarkin 2003: 599]. Советское руководство того времени создавало героический образ советского солдата, уходивший корнями в массовую мобилизацию и чествование памяти жертв Великой Отечественной войны. Война и ее герои работали на укрепление восприятия военной службы как гражданского «священного долга» и акта патриотизма, подкрепленного борьбой за идеалы коммунизма и верностью партии. Настоящими героями и образцовыми гражданами в официальном описании Великой Отечественной войны представлялись именно мужчины, несмотря на

то что женщины не только были в военное время основной рабочей силой, но большое их количество также служило в Вооруженных силах Советского Союза. Сталинская военная пропаганда предпочитала подчеркивать вместо военного героизма женщин их материнство, и в послевоенное время можно было наблюдать стремительную женскую демобилизацию. После войны роль женщины как патриотичной матери, добровольно пожертвовавшей своими сыновьями для защиты нации, затмевала образ женщины-фронтовички.

В этой главе я с двух сторон подхожу к рассмотрению того, как связаны друг с другом в Советском Союзе гендер и военная система. Во-первых, гендерные роли помещаются здесь в контекст войны и милитаризма, которые определяли развитие советского государства и общества. Милитаризация была процессом, который сформировал не только экономику или систему образования, но и советские гендерные отношения и представления о мужественности и женственности. Всеобщая воинская повинность для мужчин была ключевой для организации милитаризации и мобилизации в советском обществе и установила прочную связь между мужественностью и военной службой. Во-вторых, я изучаю место женщин и мужчин в военной сфере через анализ гендерной политики советского государства. Хотя Советский Союз проводил политику эмансипации женщин, она никогда не распространялась на военную сферу. Политика всеобщей военной обязанности для мужчин вместе с политическим и социальным значением, придаваемым военным и Вооруженным силам, усиливали в СССР гендерное неравенство.

Демографические изменения 1960-х поставили под сомнение политику равенства женщин и обнажили опасения в отношении баланса национальностей в Советском Союзе. Еще более значительные перемены произошли в поздний советский период, когда советская война в Афганистане и реформы Горбачева привели к снижению престижа военной службы и к трудностям в государственной призывной политике. Больше свободы слова, самоорганизация солдатских матерей — все это способствовало публичному обсуждению таких проблем в вооруженных силах,

как систематическая дедовщина и гибель военнослужащих. Дезертирство и уклонение от призыва распространялись с большей силой, что указывает на вызовы, брошенные «боевой» мужественности. В последние годы Советского Союза представления о женственности и мужественности подвергались частичной демилитаризации.

Значение Вооруженных сил для Советского государства и советского общества: зарисовки о «милитаризованном социализме»

События позднего советского времени ставили под сомнение главенство военной логики, которая определила форму советского государства и общества. Следует отметить, что эта военная логика в определенной степени была сформирована до Советского Союза. Ученые подчеркивают давнюю российскую традицию «оборонительного склада ума», которая включает милитаризм как государственную идеологию, сравнительно высокую институциональную автономию вооруженных сил и способность государства поощрять население к жертвенности¹. Российская империя была уничтожена в 1917 году, но вскоре восстановлена с новыми политическими и идеологическими целями, хотя и «в измененной форме и на другой социальной основе» [Betz, Plekhanov 2004: 162].

Советский Союз сформировался в контексте враждебной международной обстановки и многочисленных войн: поражение в Первой мировой войне, разрушительная и кровопролитная Гражданская война, победоносная, но обошедшаяся дорого Великая Отечественная война. Манфред Саппер прослеживает истоки советского милитаризма вплоть до государственного строительства, последовавшего за Октябрьской революцией.

¹ Гольц и Патнэм связывают это наследие с правлением Петра Великого и утверждают, что оно по-прежнему, и в постсоветский период, продолжает препятствовать военной реформе [Golts, Putnam 2004: 123–124].

Он отмечает рост общественного насилия в результате дезертирства и демобилизации солдат, вернувшихся с Первой мировой войны, и влияние Гражданской войны (1918–1921 гг.), последовавшей за захватом власти большевиками. Слияние военной и гражданской сфер, а не преобладание военного над политическим отличало этот вид милитаризма. Ранний период становления Советского государства был обозначен милитаризацией политической, экономической и социальной сфер жизни, а также повсеместным насилием и репрессиями [Sapper 1997]². Процесса демилитаризации по окончании Гражданской войны не последовало, и большая часть проявлений повседневной жизни, такие как работа и образование, так и остались военизированными. Саппер утверждает, что Гражданская война заложила легитимизирующую идеологию большевистского правления [Sapper 1997: 94–95]. Доминирующее положение милитаризма и милитаризации в Советском государстве и обществе, установившееся во время правления Владимира Ленина, было укреплено политикой Сталина и общественным опытом Второй мировой войны.

Сталинский период характеризовался стремлением сократить экономическое отставание за счет форсированной индустриализации. Эта стратегия развития повлекла за собой «массовое извлечение ресурсов у населения и их вложения в тяжелую промышленность», что способствовало росту оборонной промышленности [Holloway 1984: 365]. В своей речи 1931 года Сталин связал советскую политику развития с социалистическим патриотизмом: «Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства» [Сталин 1951: 29]. Призыв Сталина к патриотизму, а не к мар-

² Также Сэнборн в своем исследовании утверждает, что именно введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., укрепление националистической идеологии и появление такого нового политического субъекта, как гражданин-солдат, привело к массовому насилию в Первой мировой и Гражданской войнах [Sanborn 2003].

ксизму-ленинизму, стал центральным элементом его мобилизации населения на войну³. Советский патриотизм, как он стал определяться в 1930-х гг., означал лояльность руководству Коммунистической партии. Однопартийное Советское государство приравнивало лояльность государству к лояльности партии [Zuckerman 1992: 386].

Великая Отечественная война, начавшаяся с вторжения Германии 22 июня 1941 г., привела к последующей государственной мобилизации людей и ресурсов. Документально подтверждено, что широкие слои советского общества, и мужчины и женщины, участвовали в этой войне и что советские граждане понесли огромные потери и жертвы (26,6 миллиона убитых). Роджер Д. Марквик и многие другие описали войну как «водораздел» в истории СССР, который превратил страну в «национальное государство» [Markwick 2002: 509]. Советское политическое руководство и после войны сохраняло для общества послевоенного периода такие ориентиры мобилизации на войну, как «военная экономика, централизованное планирование, военная мощь государства и патриотизм общества» [Sapper 1997: 95; Golts, Putnam 2004: 146]. Эти особенности военной мобилизации сыграли решающую роль в разгроме нацистской Германии и, таким образом, были приняты обществом как основополагающие элементы советской жизни. Лев Гудков утверждает, что «готовность к мобилизации [стала] одним из легитимизирующих принципов власти» [Gudkov 2006: 42]. В качестве узаконившего советский режим ключевого события Великая Отечественная война заменила большевистскую революцию и тем самым укрепила нарастающий и ранее сдвиг с имевшего место в 1930-е годы акцента на международную классовую борьбу в пользу советско-

³ Марквик пишет: «Несмотря на продолжающееся господство доктрины марксизма-ленинизма, в 1930-е было заметно отступление от интернациональной классовой борьбы в сторону советского патриотизма. Официальный скептицизм по отношению к эффективности учения марксизма-ленинизма в целях агитации привел к быстрому отказу от классовой борьбы в пользу “русификации советского патриотизма”, в которой Сталин стал олицетворением государственности» [Markwick 2002: 515].

го патриотизма⁴. Одновременно с этим победа над Германией повысила статус Красной Армии, сделав ее для большинства граждан «уважаемым и надежным институтом» советского общества [Reese 2000: 4].

В нарративе о Великой Отечественной войне, который создал Сталин, главными героями предстают сам он и партия, в то время как роль советских граждан в разгроме нацистской Германии значительно преуменьшена. В 1947 г. советский лидер низвел праздник Дня Победы (9 мая) до рабочего дня и отменил большинство льгот для ветеранов Второй мировой войны. Когда Никита Хрущев пересмотрел сталинское наследие, нарратив стал меняться, и к 1960-м гг. сложился полноценный «культ Великой Отечественной войны» [Tumarkin 2003: 597–598; Tumarkin 1994]. В 1965 г. Леонид Брежнев вновь объявил День Победы праздником, что стало важным ежегодным ритуалом военно-патриотической мобилизации общества. Это сыграло важную роль в углублении общественной милитаризации во время правления Брежнева (1964–1982), которое сопровождалось расширением образовательных программ военной подготовки. В условиях снижения темпов экономического роста, опасений по поводу ослабления лояльности и изменений в ценностях советских граждан милитаризация становилась все более важным инструментом внутренней политической легитимации. В 1960-е гг. также произошло расширение социальной поддержки для ветеранов, которые теперь обладали в Советском государстве всеобщего благосостояния самым привилегированным статусом. Взамен политическое руководство и руководство партии ожида-

⁴ На официальном уровне память об этой войне была выстроена вокруг идеи возрождения России как великой державы, вокруг героизма советских людей и сведения нацизма к разновидности капитализма. Воспоминания и интерпретации, не поддерживающие эту концепцию, были выведены из игры [Ферретти 2005: 78–79]. Великая Отечественная война по сей день отмечается как важнейшее событие, формирующее коллективную память и идентичность россиян. По результатам опроса 2003 г. 87 % людей ответили, что Великая Отечественная война — это событие, которым они больше всего гордятся в своей истории. Для сравнения, в 1996 г. так ответили 44 % россиян [Gudkov 2005: 61].

ло от них лояльности и участия в мобилизации общества [Turmarkin 2003: 600–601; Danilova 2010: 12–13; Fish 1990: 153–159; Edele 2008]⁵.

Укрепление милитаризма как «неотъемлемой составляющей» советской партийно-государственной идеологии и милитаризации как фундаментального общественного процесса [Sapper 1997: 94–95] породило то, что некоторые исследователи назвали «милитаризованным социализмом». Деформация социалистических идеалов в этот «милитаризованный социализм» восходит к периоду ранней советской истории и Второй мировой войне, но она усилилась по мере того, как советское руководство боролось с экономической стагнацией и с ослаблением политической народной поддержки в 1960-х годах [Mann 1987: 35–50]⁶. Холодная война и соперничество двух сверхдержав, США и СССР, еще больше укрепляли значимость для советского режима Вооруженных сил. Военные институты рассматривались как ключевой инструмент в достижении статуса сверхдержавы и баланса с Соединёнными Штатами. Особенно важна для подтверждения важности оборонного производства и подчинения экономики военным нуждам была гонка вооружений. Одним из результатов такой политики являлось смещение приоритетов советской экономики в сторону тяжелой промышленности. В то время как Председатель Совета Министров СССР Хрущев (1958–1964) пытался сократить сухопутные войска, ссылаясь на возросшее значение ядерного оружия и возможность мирного сосуществования Советского Союза и Запада, Брежнев полностью изменил курс этой политики. Во время его правления Советский Союз переживал дальнейшее наращивание военной мощи [Holloway

⁵ Исследование Марка Эделя демонстрирует, что борьба народного движения ветеранов имела решающее значение для достижения ими привилегированного статуса в советской системе социального обеспечения.

⁶ Термин «военный социализм» был введен в обращение Майклом Манном в вышеуказанной статье 1987 г. Манн утверждает, что во время разгара сталинского террора в 1937–1938 годах главным политическим инструментом были репрессии, но потом они были заменены «коварным авторитаризмом», центральное место в котором занимал милитаризм.

1984: 366–367]. Геополитический контекст холодной войны усиливал центральную роль военной логики в Советском государстве и обществе.

Гендерная проблематика военной службы в Советском Союзе

Постоянно действующая армия и воинская повинность были введены в России Петром Первым (1682–1725). Повинность была основана на системе квот, которая обязывала сельские общины поставлять в солдаты определенное количество крестьян. На протяжении большей части XVIII в. военная служба была «доколе силы и здоровье позволят», но постепенно ее продолжительность сокращалась. По настоянию военных реформаторов, таких как, например, военный министр Дмитрий Милютин, в 1874 г. Александр II ввел всеобщую (мужскую) воинскую повинность. Однако она по-прежнему применялась не повсеместно. Делались исключения на основании этнического происхождения, профессии и «состояния здоровья или семейных трудностей», также продолжительность службы для образованных мужчин была короче [Jones 1985: 34]⁷.

В первые годы существования СССР попытка его руководства создать армию нового типа определила его политику в отношении военной службы. Ленин представлял себе армию, которая будет служить интересам народа (под которым понимались рабочий класс и крестьянство) и которая будет комплектоваться на добровольной основе. Рабоче-крестьянская Красная Армия, созданная в начале 1918 г., первоначально состояла из добровольцев, но вскоре была вынуждена обратиться к призывной политике. Во время Гражданской войны большевистское руководство было озабочено политической лояльностью солдат и распространило

⁷ О влиянии всеобщей воинской повинности на политику, общество и личную идентичность в имперской и революционной России смотри также [Sanborn 2003].

свою призывную политику на рабочих и бедных крестьян. Уклонения от призыва и дезертирство были частым явлением [Jones 1985: 35–36]. В 1925 г. был принят новый закон о военной службе, который «обязывал всех граждан участвовать в обороне СССР, но ограничивая действия с оружием для рабочих» [Jones 1985: 36]. Обязательная служба распространялась только на мужчин. Закон о всеобщей воинской службе 1939 г. «устранил социально-классовые критерии при назначении на военную службу, но подтвердил обязательность службы для всех граждан мужского пола» [Jones 1985: 37].

Политика в отношении военной службы изменилась во время Великой Отечественной войны, когда в армию начали массово призывать как мужчин, так и женщин. В начале войны советская армия насчитывала 5,5 млн человек, но за счет массовой мобилизации населения быстро увеличилась более чем в два раза. Для мобилизации женщин на войну против нацистской Германии в 1941 г. был организован Антифашистский комитет советских женщин [Racioppi, See 1997: 73]. В 1942 г. после тяжелых потерь, понесенных еще на начальном этапе войны, начали призывать в армию женщин, у которых не было детей. Основной причиной призыва женщин была нехватка рабочей силы, что для сравнения можно увидеть и в других посвященных этой теме текстах [Никонова 2005: 284; Goldstein 2001: 64–70]. Однако во время Второй мировой войны многие женщины записывались на военную службу добровольно и отстаивали свое право на участие в боевых действиях. Как утверждает Анна Крылова, предшествовавший Второй мировой войне дискурс гендерного равенства с растущим признанием женщин как боевых товарищей играл важную роль в том, чтоб у женщин была возможность участвовать в боевых действиях [Krylova 2004: 626–653]. Во время Второй мировой войны в Красной Армии служило около 800 000 женщин, что на пике боевых действий составляло 8 % от общего числа военнослужащих. Женщины служили в основном в медицинских учреждениях, зенитных частях, летчицами, снайперками и в партизанских отрядах [Никонова 2005: 284; Goldstein 2001: 64–70]. Официальная военная пропаганда призывала женщин к моби-

лизации для участия в военной и экономической деятельности, но одновременно с этим активно использовала образы матерей в качестве патриотического символа [Kirschenbaum 2000: 825–847]. Таким образом, для мобилизации женщин к участию в различных сферах военных действий политическое руководство страны использовало противоречивые образы женственности: как женщин-бойцов, так и матерей-патриоток. Официальная риторика героизма включала в себя как женщин, так и мужчин, хотя среди награжденных и прославленных Героев Советского Союза количество женщин было непропорционально малым. Вероятно, это связано с тем, что награждались в основном участники боевых действий, что ограничивало число женщин, которые могли претендовать на эту награду [Cottam 2003: 197–200]⁸.

После войны в Вооруженных силах произошло возвращение к более «традиционному» гендерному порядку. В своем исследовании женщин-авиаторок Рейна Пеннингтон изучает причины практически полной демобилизации женщин и их последующего исключения из военных академий, которое имело место после войны. Она утверждает, что политика государства, направленная на поощрение рождаемости, и господствующая в отношении женщин гендерная идеология настаивали на том, что основная ответственность женщины — материнство. Советское государство рассматривало участие женщин в военном деле как временную меру в исключительных условиях войны, но не как часть более широкой трансформации гендерных ролей. Общественная память о войне подчеркивала роль женщин в качестве матерей, но не как участниц боевых действий. Возможно, усталость женщин-фронтовичек от войны также «ограничивала развитие феминистского сознания в послевоенном Советском Союзе» и ослабляла их сопротивление происходящей демобилизации [Pennington 1996: 141]. Кроме того, в официальном женском движении женщины и особенно матери ассоциировались с пацифизмом, что усиливало «традиционные» идеи о женском ми-

⁸ Полный список женщин, получивших эту награду, можно найти в [Sakaida, Hook 2003].

ролюбии и мужском милитаризме. Антифашистский комитет советских женщин, переименованный в 1956 г. в Комитет советских женщин, был единственной организацией, выступавшей от имени женщин Советского Союза. В рамках международной пропаганды Советского Союза в условиях холодной войны Комитет подчеркивал достижения советских женщин в качестве миротворцев [Racioppi, See 1997: 73–79]. Однако в бытовой сфере государство ожидало от женщин поддержки своих мужей, сыновей и братьев, которые состояли на военной службе.

Закон о военной службе 1967 г. подтвердил обязательность всеобщей воинской повинности для мужчин. Кроме того, статья 63 Конституции 1977 года подтверждала, что «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан» [Jones 1985: 52]. Солдатская служба и гражданский долг стали взаимосвязанными и воспринимались как мужские, поскольку данное положение имело отношение только к мужчинам⁹. Закон о военной службе предусматривал возможность женского призыва в военное время и разрешал женщинам служить на добровольной основе [O'Brian, Jefferies 1982: 77]. В действительности женщинам-добровольцам были доступны только несколько военных профессий: радио- и телеграфные специалисты, операторы коммутаторов, медсестры, административные работницы и секретари. Более того, их рекрутировали только в периоды демографической необходимости (Вторая мировая война, начало 1960-х, 1980-е годы) [O'Brian, Jefferies 1982: 77; Jones 1985: 98–103]¹⁰. Несмотря на официальную государственную

⁹ Колтон и Манн подчеркивают важность солдатского опыта в советском понимании гражданства, но не рассматривают в явном виде гендерную основу этой важности [Colton 1984: 397–398; Mann 1987: 46]. Ближе всех проблемой взаимосвязи между военной службой и мужественностью в Советском Союзе занимался Джонс [Jones 1985]. Работы, в которых можно найти феминистский анализ влияния военной службы на гендерирование гражданства в различных национальных контекстах, включая противоречия, присущие этому процессу, можно найти в сноске 7 во Введении.

¹⁰ В 1985 г. Джонс предполагала, что количество женщин на военной службе достигает 10 000 [Jones 1985: 101].

политику равенства женщин, их присутствие в военной сфере рассматривалось как исключение из правил.

Советские политики считали обязательную военную службу мужчин основополагающей для воспроизводства военной мощи страны, но также призванной служить решению ряда важных внутрисполитических задач. Например, в сельском хозяйстве и строительстве призванных в армию использовали в качестве гражданской рабочей силы (в продолжение царской практики) [Jones 1985: 42–44]. Наиболее важной внутренней задачей военной службы, однако, было выполнение функций воспитателя и ментора. Военная служба считалась ключевым инструментом правильной идеологической социализации советских мужчин. Во время службы солдаты получали не только военную подготовку, но и политическое образование [Jones 1985: 6; Colton 1984: 398]. Обязательная военная служба мужчин была встроена в более широкую программу военного образования, которая выходила за рамки армии. Эта система включала в себя базовую военную подготовку для мужчин призывного и допризывного возраста (после сокращения в 1967 году срока военной службы до двух лет в сухопутных войсках и трех на флоте одного года), программу гражданской обороны в рамках школьной программы (с начала 1970-х гг.) и программу военно-патриотического воспитания для широких слоев населения [Colton 1984: 399–400].

Советский гендерный порядок¹¹

На тему «милитаризованного социализма» и его различных аспектов написано внушительное количество литературы, однако, за исключением рассмотрения участия советских женщин в боевых действиях Второй мировой войны, его гендерные аспекты затрагиваются редко. Феминистские и другие исследовательницы также не уделяли достаточного внимания тому, как обязательная военная служба мужчин влияла на советский гендерный поря-

¹¹ Данная глава написана на основе статьи [Eichler 2008].

док¹². Однако военная система может служить интересным объектом для анализа советских конструкций мужественности и женственности. Существовало разительное противоречие между официальным советским образом эмансипированной женщины и практически полным исключением женщин из армии. Западная феминистская литература, посвященная советскому гендерному порядку, фокусируется в основном на экономических и правовых изменениях в статусе женщин и обновившемся в 1930-х гг. акценте советского государства на их репродуктивные функции. Она доказывает, что, несмотря на значительные достижения женщин, советская политика не привела к фундаментальной трансформации гендерных ролей или преодолению гендерного неравенства [Atkinson et al. 1977; Lapidus 1998]. В военной сфере мы также можем обнаружить приверженность «традиционным» гендерным ролям как в маргинальном включении советских женщин в ряды Вооруженных сил, так и в разделении труда по признаку пола тех, кто может служить в армии. Более того, Карен Петроне утверждает, что дискурс мужчины-героя-солдата Второй мировой войны «подорвал революционную риторику гендерного равенства», которая была характерна для 20-х гг. XX в. [Petronne 2002: 190]. Государственное поощрение армии и милитаризованной мужественности — один из способов укоренения доминирования в советском обществе мужчин, несмотря на заявления государства о решении «женского вопроса»¹³.

¹² Бикфорд делает аналогичный вывод в отношении анализа социалистических гендерных порядков в целом [Bickford 2001].

¹³ Гендерный анализ милитаризации в Германской Демократической Республике, проведенный Бикфордом, выявляет тесную связь между маскулинностью, семейными отношениями и государством. Своей задачей Бикфорд ставит показать, что «развитие милитаризованных гендерных ролей — непосредственная задача государства» [Bickford 2001: 1]. Бикфорд утверждает, что обязательная мужская военная служба и военное образование в школах укрепляли традиционные гендерные роли, несмотря на официальную политику гендерного равенства. Более того, он утверждает, что милитаризация также служила противовесом «демаскулинизации» восточногерманского общества, вызванной политической программой равенства (Gleichberechtigung), призванной завоевать поддержку женщинами Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) после Второй мировой войны [Bickford 2001: 7].

Женщины: работницы и опора нации

Советская политическая элита видела в женщинах важнейшее звено не только экономического производства, но и социального воспроизводства, и ожидала от них выполнения двойной функции — работниц и матерей. Биологическое воспроизводство и материнство воспринимались как вопросы государственной важности, поскольку от грамотного материнства зависело здоровье будущих поколений рабочих и их идеологическая приверженность коммунизму [Issourova 2000: 31]. Таким образом, в женщинах политики видели ответственных за биологическое и культурное воспроизводство общества, а также своих незаменимых союзниц в строительстве коммунизма¹⁴. Государственная политика поддерживала матерей путем предоставления услуг по уходу за детьми и пособий по беременности и родам. Женщины рассматривались как особая категория работниц, нуждающихся в защите от тяжелого и опасного труда (хотя было много исключений). Доля женщин в общей численности оплачиваемой рабочей силы выросла с 25 % в 1922 г. до 51 % в 1970 г., и оставалась на этом уровне в течение последующих двух десятилетий [Lapidus 1978: 166; Lapidus 1993: 140]. Как заметила Гейл Лapidус, подавляющее большинство советских женщин было занято работой или учебой: «К 1970-м годам более 87 % женщин трудоспособного возраста либо были устроены на работы, либо учились на дневном отделении» [Lapidus 1993: 140]. Хотя политика включения женщин в ряды оплачиваемой рабочей силы способствовала их независимости, она не подрывала существующего гендерного неравенства. Например, на производственных предприятиях или в сферах, где большинством занятых были мужчины, на «наименее престижных и низкооплачиваемых»

¹⁴ Это проявилось, например, в государственной политике, которая бросала вызов традиционным представлениям о мусульманской женственности в попытке подорвать досоветские представления культур и семьи [Ashwin 2000a: 3–4].

позициях в основном работали женщины [Sperling 1999: 17]. Их доходы составляли 65–75 % от доходов мужчин [Lapidus 1993: 143]. Увеличение количества женщин в рядах оплачиваемых работников поощрялось в периоды нехватки рабочей силы, например, во время Второй мировой войны и в начале 1960-х гг. [Lapidus 1978: 166–167], и не приветствовалось, когда того требовала экономическая или демографическая ситуация (например, после Второй мировой войны и в 1980-е гг.). В политической сфере также существовали иерархические гендерные структуры. Суви Салменниemi отмечает, что «женщины более активно участвовали в общественно-политической жизни на местном уровне, но их участие заметно снижалось по мере продвижения к высшим эшелонам власти» [Salmenniemi 2008: 56; Lapidus 1978: ch. 6]. Более того, государственная политика не предполагала изменения неравенства гендерных позиций в частной жизни. Вместо этого она укрепляла представления о фундаментальных гендерных различиях, основанных на том, что женщины являются матерями и воспитателями, а мужчины — базовыми кормильцами.

В брежневский период (1964–1982 гг.) высшее руководство, наряду с социологами, все чаще выражало озабоченность по поводу надлежащего места женщин в советском обществе. Советская модель основывалась как на репродуктивных функциях женщин с целью обновления рабочей силы, так и на высоком уровне интеграции женщин в ряды оплачиваемой рабочей силы [Журженко 2001: 87]. Высшее руководство было обеспокоено тем, что женщины делают выбор в пользу меньшего количества детей, и видело в этом серьезную проблему для пополнения рабочей силы в будущем. Коэффициент рождаемости с 42,8 родившихся на 1000 человек населения в 1913 г. упал до 15,2 родившихся на 1000 человек в 1970 г. [Журженко 2001: 85]. Население продолжало расти, но темпы его роста замедлялись. Советские ученые выдвинули два основных объяснения того, что они сами полагали «демографическим кризисом». Одно из этих объяснений было основано на том, что по причине плохих экономических условий и трудностей, с которыми сталкивают-

ся женщины при совмещении материнства с работой на полной ставке, они самостоятельно принимают решение не иметь детей, или иметь не так много. Второе объяснение видело основную причину сокращения размеров семьи в снижении «ценностей деторождения» [Rivkin-Fish 2003: 291–292]. Такие аргументы подтверждали все более популярное мнение о том, что советские представления о женственности требуют большего внимания к женщине как матери.

Дебаты о демографическом кризисе ставили под сомнение советский гендерный порядок и подчеркивали беспокойство по поводу размера и состава населения страны¹⁵. Советские дебаты о демографии напоминают о том, что Найра Юваль-Дэвис называет дискурсом «популяционной мощности», который она определяет как один из ключевых дискурсов, лежащих в основе националистической политики в области народонаселения [Yuval-Davis 1997: 26–38]. В нем «национальные интересы» определяются через стабильную или растущую численность населения. Как утверждал один советский демограф, «положение [любой] страны в мире, при прочих равных условиях, определяется численностью населения» [Lapidus 1978: 295]. Правящая элита воспринимала демографический спад как угрозу военной, экономической и военной мощи СССР и политическому статусу СССР как сверхдержавы.

В кругах советской политической элиты, в которой под руководством русских доминирующее положение занимали славяне, демографические вопросы вскрывали беспокойство по поводу того, как снижение рождаемости среди славянских женщин будет влиять на этнический баланс в СССР. Статистика 1976 г. показала, что рост населения в республиках Средней Азии и Кавказа был значительно выше (в некоторых республиках Средней Азии почти в три раза), чем в среднем по СССР, в то время как в славянских (и в балтийских) республиках показатели роста населения были ниже среднего. 30 % прироста насе-

¹⁵ На тему демографического спада в постсоветской России см. [Oushakine 2009: ch. 2].

ления в 1970 г. приходилось на республики Средней Азии и Кавказа, по сравнению с 15 % в 1959 г. [Lapidus 1978: 296]. Советское руководство опасалось, что Советский Союз со временем превратится в страну, где неславян (мусульман)¹⁶ будет больше, чем славян (христиан), что будет угрожать доминирующему положению русских. Юваль-Дэвис пишет: «Демографическая гонка» может возникнуть не только там, где существует национальный конфликт на спорной территории, но и там, где этническое большинство рассматривается как решающий фактор для сохранения гегемонии гегемонного коллектива» [Yuval-Davis 1997: 30].

Советский Союз был примером второго варианта, поскольку, несмотря на заявления о многонациональном братстве, русские «рассматривались как основная нация СССР» [Service 1997: 423]. Понимание того, кто является в этой демографической гонке желанной матерью, обнажило противоречия, присущие советскому гендерному порядку и советским представлениям о нации. Славянские женщины оказались в упомянутом выше понимании «слишком» раскрепощенными и предпочитающими на основании этого иметь меньше детей, в то время как более низкая трудовая активность и более высокий уровень рождаемости у мусульманок демонстрировали ограниченность официальной политики, направленной на эмансипацию женщин. Эти дебаты также подчеркивают неравномерность экономического развития советских республик, что приводило к более ранним «демографическим переходам» в более экономически развитых регионах Союза.

¹⁶ Хотя «мусульманин» — описательный термин религиозной, а не этнической или национальной принадлежности, этот термин использовался в Советском Союзе и в исследованиях Советского Союза для обозначения национальностей пяти центральноазиатских республик (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) и Азербайджана, где большая часть населения была последователями ислама. Я присоединяюсь к такому довольно неадекватному использованию термина «мусульманин», чтобы удержать смысл дискуссии, которая велась по вопросу этнического баланса между советскими национальностями.

Мужчины: работники и защита нации

От мужчин ожидалось, что они будут выполнять функции рабочего и солдата, оказавшись, таким образом, строителями и защитниками коммунизма. Исследователи утверждают, что придание материнству государственной ценности, участие государства в воспитании детей и риторика об эмансипации женщин подрывали позиции и авторитет в семье не привилегированных советских мужчин [Kukhtherin 2000: 71–89]. По словам Сергея Кухтерина, раннее советское законодательство, направленное на трансформацию традиционной семьи, «отражало не столько желание государства разрушить буржуазную семейную ячейку, сколько его стремление заменить патриархальную власть государственной» [Kukhtherin 2000: 74]. Заработная плата мужчин была установлена на таком уровне, который исключал возможность полноценно обеспечивать всю семью. Наоборот, средне-статистическая советская семья опиралась на заработную плату и мужа и жены, включая также государственные пособия, связанные с занятостью женщин [Журженко 2001: 86]. Хотя различные меры государственной политики ослабляли традиционное положение мужчин в семье, доминирование последних было глубоко укоренено на уровне принятия государственных решений и в высших руководящих должностях в сфере экономики.

Военное дело определялось как фундаментальный институт мужской социализации, который служил в качестве обряда посвящения во взрослую жизнь, как адекватная идеологическая гражданская подготовка. В то же время навыки военной службы заключались в подчинении коллективу, уважении иерархии и выполнении приказов. В ее основе лежали создание как индивидуальной, так и коллективной идентичности мужественности, которые политически были привязаны к однопартийному государству. Советские лидеры подчеркивали важность военной службы для воспитания «молодых людей с небольшим “жизненным опытом” в ответственных, честных граждан» и обучения их патриотизму и дисциплине [Jones 1985: 148]. Кроме того, военная служба рассматривалась как политический процесс, который мог

способствовать интеграции различных советских национальностей. Тереза Раковска-Хармстоун утверждает, что «военная служба в СССР [пропагандировалась] как “школа (советской) нации”, где из молодых людей различного этнического происхождения и культуры делают образцовых солдат — прототипов нового “советского человека”» [Rakowska-Harmstone 1990: 72]. Военная служба считалась краеугольным камнем советской мужественности и советского общества, поскольку она функционировала как школа коммунизма, жизни и нации. Придание высокой ценности армии и милитаризованной мужественности со стороны государства — один из ключевых элементов советского гендерного порядка и один из способов поддержания господства мужчин в советском обществе.

Начиная с конца 1960-х гг. исследовательницы (в основном теоретики в сфере образования или демографии) и журналистки выдвигали тезис о том, что советская политика, направленная на эмансипацию женщин, способствовала феминизации мужчин и маскулинизации женщин. Включение женщин в ряды оплачиваемой рабочей силы, очевидно, привело к пренебрежению ими материнскими обязанностями и ослаблению позиций мужчин [Attwood 1985: 54–77]¹⁷. Более того, решающая роль женщин в воспитании детей (как дома, так и в школьной системе) рассматривалась как угроза воспитания инфантильных, незрелых мальчиков, которые не соответствовали советским представлениям о мужественности. Советские чиновники, комментаторы и некоторые родители рассматривали службу в армии как необ-

¹⁷ Согласно либеральному варианту этих дебатов, кризис маскулинности — это невозможность иметь частную собственность и недостаток экономических возможностей для мужчин, хотя в доперестроечный период открыто об этом не заявлялось [Temkina, Zdravomyslova 2001: 78–90]. Елена Гапова подчеркивает, что «советский гендерный порядок усложнял процесс подтверждения маскулинности, выстроенной на доступе к деньгам» (в широком смысле) [Гапова 2004: 93]. Либеральная критика советской маскулинности воспроизводила гегемонное представление о мужчинах как о кормильцах, подчеркивая, что эта функция не могла быть адекватно реализована в советских условиях.

ходимость противостояния феминизации мужчин. Элен Джонс пишет:

Многие советские родители, очевидно, видят в армии необходимый опыт взросления, который «сделает мужчину» из их непокорных сыновей. Советские военные педагоги разделяют эту точку зрения, представляя военную службу как здоровый противовес чрезмерной семейной опеке молодых советских юношей, приводящей к их феминизации: «Солдатская жизнь — сильное противоядие от инфантилизма и “феминизации” мужчин» [Jones 1985: 153].

Эта цитата иллюстрирует как имевшуюся в Советском Союзе прочную связь между мужественностью и армией, так и важность, придаваемую военной службе в формировании мужской идентичности. Джонс поясняет:

Срочная служба — это, как правило, первый устойчивый контакт молодых людей с исключительно мужской средой, и советские официальные лица подчеркивают его важность в предоставлении мужских образцов для подражания и воспитания мужественности [Jones 1985: 103].

С этой точки зрения, ввиду столь проблематичного гендерного порядка и кризиса понятия мужественности, военная система казалась необходимым мужчинам пространством.

Общественные дискуссии по вопросу взаимосвязи мужественности и военной службы включали в себя повторяющуюся критику меняющихся ценностей советской молодежи, родившейся после Второй мировой войны. Военная элита описывала молодое поколение как лишенное военного опыта и подверженное влиянию «космополитических» и «безнравственных» западных ценностей. Молодежь считалась недостаточно патриотичной и самоотверженной [Van Bladel 2003: 163–164]. Некоторые утверждали, что такие изменения приводят к «всплеску пацифизма и “политической наивности” среди советской молодежи» [Jones 1985: 154]. Эти споры могут служить доказательством тесной связи между культивируемыми в Советском Союзе граждан-

ственностью, патриотизмом и мужественностью — и определенными противоречиями, возникшими в связи с модернизацией общества [Jones 1990: 239–284]. Нина Тумаркин считает, что военно-патриотическое воспитание и возникновение культа Великой Отечественной войны в 1960-е годы — это реакция именно на эти общественные изменения. Мероприятия по увековечиванию памяти о войне и военная подготовка были направлены на то, чтобы создать более тесную связь между государством и молодым поколением советских граждан, особенно мужчин [Tumarkin 2003: 600–601].

Кроме того, этнические демографические изменения привели к осязаемой проблеме кадров для армии и поставили вопрос о том, кто может считаться надежным солдатом. Военная служба мужчин играла фундаментальную роль в конструировании советской идентичности и подчеркивала пересечения между мужественностью и нацией. Армия изображалась как инструмент этнической интеграции и политической социализации мужчин. На самом деле, на протяжении всего советского периода она оставалась институтом с преобладанием в нем русских и отражала власть русских и славян в обществе. Языком советской армии был русский, и в ее офицерском корпусе значительно превалировало количество русских, украинцев и белорусов. Исследование фамилий советских офицеров 1976–1978 гг. показало, что около 93 % их были славянами, и 61 % — русскими [Rakowska-Harmstone 1990: 80]¹⁸. Поэтому неудивительно, что беспокойство по поводу происходящих в этническом составе советского населения изменений нашло свое отражение и в отношении армии. Анатолий Ливен объясняет:

С начала 1970-х советские генералы были все более озабочены как ростом количества мусульманских призывников в сравнении со славянскими, так и подразумеваемой ненадежностью и плохим образованием мусульман, а прежде всего отсутствием у них знания русского языка [Ливен 2019: 422].

¹⁸ Говоря в более широком контексте, славяне составляли 72,78 % от всего населения СССР по данным переписи населения [Rakowska-Harmstone 1990: 80].

Согласно демографическим прогнозам, к 1988 г. количество достигших призывного возраста мужчин-славян могло сократиться до 60,8 % от общего числа призывников по сравнению с 79,6 % в 1940–1949 гг. А число достигших призывного возраста мужчин-мусульман могло увеличиться с 5,6 % в 1940–1949 гг. до 20 % к 1988 г. [Rakowska-Harmstone 1990: 80]. По мере того как Вооруженные силы СССР все больше полагались для пополнения личного состава на неславян, противоречивость советских представлений о нации становилась все более очевидной.

Воинская мужественность была ключевым компонентом советского гендерного порядка. Официальная политика женской эмансипации не распространялась на военную сферу, в которой сохранялись «традиционные» представления о воинской мужественности и невоинственной женственности. В брежневский период официальная политика женской эмансипации начала пересматриваться в сторону переориентации на «естественные» роли женщин и мужчин. В ряде социальных «проблем», включая демографический спад и феминизацию мужчин, винили неестественный гендерный порядок, поддерживаемый государственной политикой в отношении женщин. Хотя эти дебаты продолжали определять общественный дискурс, период перестройки принес воинской маскулинности и исключению женщин из военной сферы серьезные вызовы.

Трудности милитаризации во время советской войны в Афганистане

В позднесоветский период авторитет армии пошатнулся, и общество начало пересматривать свое отношение к обязательной военной службе. На это повлияло сочетание сразу нескольких факторов, включая ввод советских войск в Афганистан (1979–1989), политику Горбачева (1985–1991) и активность (начиная с конца 1980-х гг.) комитетов солдатских матерей. Из-за растущего понимания количества жертв среди призывников как в мирное, так и в военное время, отношения между армией

и обществом, как и отношения между обществом и государством, переосмысливались. Советские граждане не скрывали своих сомнений в отношении целей Афганской войны. Важно отметить, что, поскольку в основе милитаризма и милитаризации стоят понятия мужественности и женственности, критическое отношение к первым включает в себя и критическое отношение к существующему гендерному порядку. Перед лицом растущего кризиса легитимности режима официальные представления о воинствующей мужественности, связанные с гражданским долгом мужчин в СССР, начали подвергаться сомнениям. Представления о материнстве, которые приравнивали патриотизм к торжественному принесению в жертву сына, впервые столкнулись с публичными выражениями материнской скорби и активностью солдатских матерей, стремящихся помочь своим сыновьям уклониться от военной службы.

Официальным обоснованием ввода советских войск в Афганистан было выполнение «интернационального долга»¹⁹. Полтора года коммунистические правительства Афганистана просили Советский Союз о военном вмешательстве. Перед 40-й общевойсковой армией (40 ОА) Советского Союза стояли задачи обеспечения безопасности в Кабуле и на основных дорогах вокруг столицы, подавление моджахедов и перекрытие афгано-пакистанской границы [Reese 2000: 164]. Предполагается, что за почти десять лет войны военную службу в Афганистане прошло около 730 000 советских граждан. Общая численность погибших, по самым скромным подсчетам, составила 14 453 убитых, 49 985 раненых и 300 пропавших без вести [Sapper 1994: 102, 138]. Из-за недостатка информации и характера противоповстанческой войны многие участвовавшие в ней солдаты не понимали ни ее

¹⁹ Советское вторжение в Афганистан, по мнению исследователей, может объясняться множеством факторов. Среди них — история российского/советского или альтернативного коммунистического интернационалистского экспансионизма, доктрина Брежнева, холодная война и интересы советской безопасности. Вторжение также рассматривалось как ответ на исламский фундаментализм или просто как просчет советских лидеров [Sapper 1994: 51–55; Galeotti 1995: 11–12].

смысла, ни ее целей. Как сказал один из ветеранов этой войны: «Кого мы здесь защищали? И от кого? Где был враг?»²⁰

Непонимание целей Афганской войны было характерно и для общества в целом, но особенно сильным оно было среди родителей отправленных в Афганистан призывников и среди мужчин призывного возраста. В течение первых нескольких лет войны, при Брежнев, общественные дебаты и споры о вводе войск жестко контролировались советским руководством. Изначально не признавая факт вторжения, со временем СМИ начали настаивать на том, что советские войска действовали исключительно в невоенных и гуманитарных операциях [Jones 1990: 247]. Во время правления Юрия Андропова (1982–1984) и Константина Черненко (1984–1985) в СМИ появлялись некоторые сообщения об афганском конфликте, но официальная версия о том, что это не война и что затраты и потери невелики, не изменилась [Galeotti 1995: 141–142]. С приходом к власти Михаила Горбачева позиция правительства трансформировалась. Горбачев публично назвал войну в Афганистане «кровоточащей раной» [Galeotti 1995: 143]. Его философия «нового мышления», предполагавшая деидеологизацию внешней политики, позволила пересмотреть военное присутствие СССР в Афганистане. Решение о выводе войск было принято к концу 1985 г., но реализовано оно было только в 1988–1989 гг. [Galeotti 1995: 18]. Чтобы заручиться широкой поддержкой вывода войск, Горбачев и правительство СССР использовали политику гласности. Гласность способствовала общественным дебатам и более открытому и критическому освещению Афганской войны в СМИ, что позволило пролить свет на тяжелые условия, в которых служили срочники, и на растущие сомнения среди граждан по поводу боеготовности армии [Mendelson 1998: 112–114]. Примечательно, что в 1989 г. Верховный Совет СССР принял указ, строго осуждающий воен-

²⁰ Здесь я цитирую [Reese 2000: 168]. Риз подчеркивает, что отсутствие четкого понимания самой цели войны резко контрастировало с популярными представлениями о Второй мировой войне (с. 167). Галеотти также подчеркивает различия между двумя войнами, особенно в плане масштабов и значимости [Galeotti 1995].

ное вторжение в Афганистан как с моральной, так и с политической точки зрения [Sarin, Dvoretzky 1992: 179–180].

Немало исследований было посвящено политическим и социальным последствиям Афганской войны для Советского Союза. Рафаэль Реувени и Асим Пракаш выделяли четыре основных таких последствия [Reuveny, Prakash 1999]. Снижение восприятия политическим руководством военного вмешательства как безусловно эффективного (эффект восприятия)²¹; дискредитация Советской армии (военный эффект); обострение напряженности между различными советскими национальностями (республиками) и подрыв легитимности государства (эффект легитимности); стимулирование участия в политической деятельности²² и открытости (гласности) (эффект участия) [Reuveny, Prakash 1999]. Реувени и Пракаш видят в Афганской войне ключевую причину распада Советского государства, но это скорее преувеличение. Война усугубила социальный, экономический и политический кризис советского режима, но не была среди факторов, вызвавших его крах. Скорее, она помогла выявить существующие расхождения между советской идеологией и реальностью и тем самым усилила необходимость перемен [Galeotti 1995: 224–245; Sapper 1994: 141].

Военное дело, мужественность и нация

Репутация Вооруженных сил СССР в результате Афганской войны серьезно пострадала, по крайней мере в трех важных аспектах. Прежде всего, тот факт, что Советская армия не смогла

²¹ Сарин и Дворецкий также утверждают, что после войны в Афганистане другие советские военные интервенции, такие как, например, в Венгрии и Чехословакии, стали считаться «ошибками»: «Здесь не может быть никакого морального или политического оправдания нашим попыткам изменить судьбу других народов» [Sarin, Dvoretzky 1993: xii].

²² Интересно, что Реувени и Пракаш не упоминают в этом контексте деятельность комитетов солдатских матерей, которая была бы очевидным примером, иллюстрирующим их точку зрения. Вместо этого их внимание сосредоточено на организации гражданского общества ветеранами Афганской войны.

обеспечить военную победу и укрепление афганского просоветского режима, поставил под сомнение ее сформировавшийся по итогам Второй мировой войны образ победоносной и непобедимой [Sapper 1994: 141]. Поскольку статус Советского государства как великой державы во многом основывался на его военной мощи, боевые действия в Афганистане нанесли серьезный удар по имиджу Советского Союза как военной сверхдержавы. Война СССР в Афганистане часто сравнивается советскими и западными (включая российских граждан) комментаторами с присутствием США во Вьетнаме [Sarin, Dvoretzky 1993]. В качестве сходных факторов упоминаются затяжной характер этих войн и соотношение сил (превосходящая военная мощь против партизанских отрядов) [Sapper 1994: 21–22]. Хотя это сравнение не выдерживает критики с точки зрения гораздо более амбициозных военных задач и более высоких потерь США, оно важно в другом отношении, поскольку иллюстрирует схожее влияние этих двух военных конфликтов на общественный дискурс этих стран. И в США, и в СССР общественная дискуссия развивалась вокруг этических составляющих этих войн: со стороны консервативных сил существовал нарратив о том, что военнослужащих предали, а со стороны либералов — вопрос о том, может ли вторжение вообще быть оправданным²³. Обе военные кампании не имели широкой общественной поддержки и вызывали антимилитаристские настроения как в американском, так и в советском обществах. Они привели к снижению престижа армии и готовности граждан участвовать в военных действиях. Эти конфликты были связаны с уклонением от военной службы и отказом многих мужчин и женщин оправдывать ожидания, возложенные на них гендерным милитаризованным порядком²⁴.

²³ Сapper приводит пример консервативной позиции, цитируя типичное письмо, появившееся в военной прессе в 1990 г.: «Тот, кто пытается оклеветать наших солдат и нашу армию, клеветает на свою страну» [Sapper 1994: 341, 342].

²⁴ При сравнении войн во Вьетнаме и Афганистане эти сходства гендерного порядка упускаются из вида. Для анализа последствий войны во Вьетнаме на гендерный порядок см. [Niva 1998: 114–117; Jeffords 1989].

Во-вторых, в свете разоблачений жестокости и насилия, порожденных дедовщиной, пострадал образ Вооруженных сил как общественной опоры и воспитателя советских граждан. Марк Галеотти определяет дедовщину как

основанную на старшинстве культуру, которая существует вне классовых и этнических границ, призывая солдат с большим сроком службы с помощью издевательств и побоев держать новичков в узде, обещая жертвам в конечном итоге доступ к тем же привилегиям в обмен на попустительство [Galeotti 1995: 33]²⁵.

В поздний советский период распространенность дедовщины значительно выросла. Среди советских военнослужащих в Афганистане она была распространенной практикой и, как считается, подрывала их боеспособность [Sapper 1994: 133–137]²⁶. Публичное обсуждение дедовщины во время Афганской войны негативно сказывалось на общественном принятии обязательной военной службы как «священного долга» молодых мужчин. Афганская война и организации солдатских матерей повысили осведомленность общества о жестоком обращении с призванными во время их службы. К 1990 г. 43 % респондентов опроса, проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), ответили, что военная служба морально и физически вредна для юношей, 32 % считали службу в армии важной школой жизни для молодых людей, а 10 % заявили, что удовлетворены положением дел в армии [Sapper 1994: 137]. Если в прошлом молодые люди «принимали военную службу как неизбежный факт жизни», а уклонение от призыва не одобрялось, то в 1980-х гг. ситуация изменилась [Jones 1990: 255–256]. Авторитет ветеранов Афганской войны («афганцев») в глазах

²⁵ О гендерно-обусловленной природе дедовщины я пишу в главе 3.

²⁶ В условиях войны дедовщина установила иерархию не только между новобранцами и теми, кто служил дольше, но и между теми, у кого есть боевой опыт, и теми, у кого такого опыта меньше.

общественности не был высок, что еще больше указывало на вызовы, брошенные «боевой» мужественности и связи между героизмом и военной службой. В отличие от многих американских ветеранов Вьетнама, большинство «афганцев» ощущало себя преданными из-за непопулярного характера войны, в которой они участвовали, и трудностей, с которыми они столкнулись при адаптации к мирной жизни и получении государственной поддержки [Reuveny, Prakash 1999: 702–704; Galleotti 1995; Danilova 2007]²⁷.

Наконец, за время Афганской войны еще более очевидной стала неспособность армии и силовых структур быть той силой, которая могла бы объединить различные советские национальности. Эта война обнажила ухудшение межнациональных отношений в рядах Вооруженных сил. Как стало известно широкой общественности, помимо дедовщины, призывники часто объединялись по этническому признаку в группы, известные как землячества, целью которых была защита мужчин одной национальности от нападения мужчин другой [Galeotti 1995: 36; Sapper 1994: 131]. Также велись споры о том, какие национальности несли бремя военной мобилизации и велась ли эта «русская имперская война» за счет нерусских призывников. Галеотти полагает, что, исходя из имеющихся данных, это была советская (а не русская или славянская) война, причем большая часть потерь приходилось на славянские республики и Туркменистан. Тем не менее вместе с перестройкой и гласностью эта война способствовала дальнейшей политизации национального вопроса [Galeotti 1995: 27–28]. В 1980-х годах в ряде балтийских и центральноазиатских республик прошли антивоенные протесты, содержание которых находилось за пределами националистической риторики [Reuveny, Prakash 1999: 700, 704–705].

²⁷ Положение женщин-ветеранок («афганок») зачастую было хуже, чем положение их сослуживцев. Как объясняет Кэтрин Пинник [Pinnick 1997: 150–153], мотивы участия женщин в войне были открыто подвергнуты сомнению, и по возвращении они были лишены льгот.

Деятельность солдатских матерей

В первые годы Афганской войны государство последовательно замалчивало материнское горе по погибшим сыновьям. Такая политика была частью тактики по сохранению в секрете данных о военных потерях. Только с началом перестройки и введением гласности личное горе матерей смогло найти общественное выражение и послужить основой для деятельности в области, касающейся военной службы [Elkner 2004: paragraphs 36–42]. В конце 1980-х гг. наблюдался расцвет гражданского общества, организовывались такие группы, как, например, группы солдатских матерей. Эти женщины стремились привлечь внимание общественности к дедовщине, войне и гибели солдат в мирное время. Кульминацией их усилий стало создание в 1989 г. Комитета солдатских матерей.

Деятельность солдатских матерей — протесты, пресс-конференции, голодовки — сыграла важную роль в привлечении внимания общественности к проблеме насилия в армии [Pinnick 1997: 145; Elkner 2004: paragraphs 5, 54]. С 1987–1988 гг. дедовщина стала предметом публичного обсуждения [Elkner 2004: paragraphs 5, 54; Eremitcheva, Zdravomyslova 2001: 226]. Джули Элкнер утверждает, что активность солдатских матерей в отношении дедовщины способствовала значительному изменению общественного представления о военной системе и военной службе. В 1990 г. Комитет солдатских матерей заявил, что в период с 1986 по 1990 г. по причине дедовщины погибло больше советских военнослужащих, чем за десять лет боевых действий в Афганистане. Дедовщина поставила под вопрос авторитет армии: является ли она подходящим институтом для социализации молодых людей? почему она не может обеспечить порядок даже в собственных рядах? Неожиданное разоблачение такого широко распространенного явления, как дедовщина, поставило под сомнение устойчивость обоих столпов, на которых зиждилась военная служба как основа мужской социализации и как гражданский долг [Elkner 2004: paragraphs 3, 6].

Некоторые пытались связать дедовщину с очевидной «феминизацией» советского общества, которая включала в себя «чрезмерную заботу матерей» и «инфантилизацию сыновей». Следствием которых стала плохая подготовка молодых людей («маменькиных сынков») к армейской жизни, на трудности которой они часто жалуются [Elkner 2004: paragraphs 31–35]. Советский конструкт «боевой» мужественности шел рука об руку с представлениями о материнстве и напрямую связывал якобы патриотический долг жертвовать своим сыном с «хорошим материнством». Синтия Энлоу поясняет: «Мать, которая цеплялась бы за своего сына, считалась бы не только непатриотичной и лишаящей армию необходимых той солдат, но и плохой матерью, отнимающей у мальчика шанса достичь зрелости настоящего мужчины» [Enloe 1993: 12]. Так активность солдатских матерей в последние годы существования Советского Союза бросала вызов не только представлениям о милитаризованной мужественности, но и господствующему пониманию материнства.

В то же время солдатские матери могли использовать сакральный статус материнства, присущий советской культуре²⁸. Советское государство прославляло материнство и определяло его как важнейшее служение женщин государству [Issouprova 2000]. При этом материнство ассоциировалось почти исключительно с миром и было ключевым элементом советской пропаганды времен холодной войны. В официальной риторике самопрезентация Советского Союза как миролюбивой страны опиралась на образы миролюбивых советских матерей²⁹. Чествование материнства

²⁸ Элкнер описывает особый статус материнства в советской культуре как «культ материнства» [Elkner 2004: paragraph 24].

²⁹ Например, в приуроченной к Десятилетию женщин Организации Объединенных Наций (1975–1985) книге «Женщины в СССР» авторы публикации указывают на то, что Советский Союз стоит на защите мира не ввиду своей слабости, но ввиду своей мощи и чувства ответственности (Government of the USSR. Women in the USSR. Moscow: Progress Publishers, 1985. P. 145). Создание образа мирного советского материнства можно рассматривать как маневр, позволивший советскому руководству продвигать разоружение, избегая при этом собственной феминизации.

и его связь с миром наделяли требования солдатских матерей непрерываемым моральным авторитетом.

Вместо того чтобы открыто заняться проблемой насилия в казармах, военные власти отреагировали на активность солдатских матерей девальвацией поднятых проблем или дискредитацией матерей. Они построили «показательные военные городки» или организовывали собственные «собрания» солдатских матерей, чтобы обезвредить критические высказывания Комитета солдатских матерей [Elkner 2004: paragraph 12]. На самом деле, часть активисток начала тесно сотрудничать с Вооруженными силами РФ, в то время как более радикальные группы держались на расстоянии [Eremitcheva, Zdravomyslova 2001: 228–229]. Для дискредитации солдатских матерей и восстановления, что полагалось естественными границами между военной и гражданской сферами, военные использовали гендерные штампы. Например, солдатских матерей описывали как «устраивающих женские истерики» чрезмерно эмоциональных «неуравновешенных дам». Военная пресса подчеркивала, что надлежащее для матерей место — вне военной системы, и они не могут быть легитимными экспертами по военным делам [Elkner 2004: paragraph 18–23]. Солдатских матерей также изображали как «заговорщиц с целью разрушения армии» [Elkner 2004: paragraph 29]. Деятельность солдатских матерей в нерусских республиках консервативные военные комментаторы могли связывать с националистическо-сепаратистскими силами, применительно к тем территориям СССР, на которых говорили только по-русски, они утверждали, что солдатские матери — творение демократов [Elkner 2004: paragraph 29].

Первое публичное признание проблем, которые поднимали солдатские матери, произошло на заседании Политбюро в 1985 г., когда Горбачев включил выдержки из писем матерей в число своих аргументов в пользу пересмотра советского присутствия в Афганистане [Elkner 2004: paragraph 45]. В ответ на жалобы солдатских матерей Горбачев поручил создать следственную комиссию, которая в 1991 г. сообщила, что за предыдущие пятнадцать лет до 80 % солдат погибло вследствие самоубийств,

побоев или несчастных случаев [Enloe 1993: 13]. Хотя во второй половине 1980-х гг. горе и проблемы солдатских матерей получили более широкое признание, официальные лица понимали потенциальную опасность последствий активности солдатских матерей, тем более что тем симпатизировало население [Elkner 2004: paragraph 58]. По словам Элкнер, «скорбящие солдатские матери символизировали растущий разрыв между “народом” и Советской армией, что давало повод опровергнуть часто повторяемый лозунг о том, что, в отличие от ситуации в буржуазных государствах, “Советская армия и народ едины”» [Elkner 2004: paragraph 66].

Борьба за то, чтобы государство и государственные институты были более открытыми и несли ответственность за происходящее, была одной из самых важных перемен, происходивших в последние годы существования Советского Союза. В контексте войны в Афганистане, эта борьба была направлена на переоценку одного из ключевых институтов советской жизни и общества — Вооруженных сил. Этот процесс напрямую был связан с гендерным вопросом, поскольку он подразумевал столкновение с официальными представлениями о мужественности и женственности и нарушение гендерных границ, разделяющих военную и гражданскую сферы.

Заключение

Несмотря на огромные человеческие и материальные потери, СССР вышел из Второй мировой войны в статусе военной державы мирового значения. Великая Отечественная война, сделавшая Вооруженные силы ключевым институтом советской жизни, стала отмечаться как определяющий момент в советской истории. Политика гласности создала пространство для критического анализа этой истории и милитаризованного социализма. Сравнительно небольшая и «незначительная» (по условным военным стандартам) Афганская война привела к переоценке использования военного вмешательства и авторитета военной системы

в социальной и политической жизни СССР. Последние годы существования Советского Союза также сопровождались военным отступлением (из Афганистана, Восточной Европы и некоторых бывших советских республик) и унижением от поражения в холодной войне. Так, поздний советский период характеризовался частичной демилитаризацией государства и общества.

Гендерный подтекст этих событий часто упускается из виду. Общественное обсуждение дедовщины, сомнения по поводу целей Афганской войны бросали вызов образу героического советского солдата и представлению о военной службе как о священном долге советских мужчин. Активность солдатских матерей внесла значительный вклад в эти события и тем самым бросила вызов советским представлениям о патриотическом материнстве. В то же время период перестройки укрепил представления о существенных гендерных различиях женщин и мужчин. Так как политики и журналисты призывали к сокращению числа работающих и к их возвращению в сферу частной жизни, официальная политика женской эмансипации была дискредитирована [Marsch 1998: 90]. Распад Советского государства и формирование «нового» привели к оспариванию существовавших гендерных ролей и усиливали гендерное неравенство³⁰. В следующих главах рассматривается, насколько сильно менялась военизированная мужественность, а также анализируется ее роль в более широкой динамике де- и ремилитаризации постсоветского общества.

³⁰ Тру приходит к таким выводам в отношении постсоциалистического переходного периода в Чехии [True 2003]. По вопросу постсоветского российского гендерного порядка см. [Eichler 2008].

Глава 2

Политическое руководство и военизированная мужественность в российско-чеченских войнах

Я ждал появления нового, не похожего на других генерала. А вернее сказать, похожего на тех генералов, о которых я в юности читал в книжках. Я ждал... Прошло время, и такой генерал появился. И с его приходом всему обществу вдруг стал очевиден настоящий, мужественный и высоко-профессиональный облик наших военных. Звали этого «генерала»... полковник Владимир Путин [Ельцин 2000: 13].

Приведенные выше строки из автобиографии бывшего президента РФ Бориса Ельцина, очевидно, — восстановление того хода мыслей, который подтолкнул его к выбору Владимира Путина в качестве своего преемника. Без сомнения, этот процесс был более сложным и просчитанным, чем описано выше¹. Приближенные Ельцина (часто называемые «семьей») правили Россией в течение последних нескольких лет его президентства и искали возможность спокойной передачи власти и гарантий

¹ Владимир Путин стал пятым премьер-министром России после четырех сменявших друг друга в течение менее чем полутора лет. Предыдущих в качестве потенциальных преемников Ельцин и его окружение отвергли.

того, что преследовать их не будут. Соответственно, тщательное наблюдение за военными и силовыми структурами считалось важной задачей, что делало Путина, который в 1998–1999 гг. был директором Федеральной службы безопасности (ФСБ), хорошим кандидатом². Мы не найдем в замечании Ельцин такого подробного описания этих практических соображений и расчетов. Однако это интересная история о милитаризации политики и идеологической функции милитаризованной мужественности в политике России конца 90-х. Почему Ельцин упоминает генералов, о которых он читал в юности, — идеализированный образ советской милитаризованной мужественности? Как появление Путина на политической сцене отражало мужество и профессионализм российских военных? И почему Ельцин настаивает на том, чтобы Путина называли генералом или полковником? Путин покинул службу в КГБ в августе 1991 г. и считал себя гражданским лицом, даже когда был назначен директором ФСБ в 1998 году³. Тривиальные и, казалось бы, аполитичные воспоминания Ельцина нормализуют милитаризм и помогают оправдать гендерную иерархию и неравенство. Важно отметить, что Ельцин ждал генерала, а не гражданское лицо, а значит, мужчину, а не женщину.

Представления о мужественности, на которых основывается понимание лидерства, часто бывают трудноуловимыми и скрытыми [Kreisky 1997: 185–186]. Синтия Энлоу призывает нас задуматься над тем, насколько внешнее проявление мужественности, к которому стремится каждый руководитель, достигается благодаря ассоциации с армией или войной [Enloe 2000c]. Если война может мобилизовать общество с помощью военного патриотиз-

² Такого мнения придерживается Шевцова, указывая на Сергея Степашина, который был назначен на пост премьер-министра до Путина. Степашин занимал должность директора Федеральной службы контрразведки, министра юстиции, а также министра внутренних дел [Shevtsova 2003: 28–29].

³ Хотя у Путина есть опыт работы в разведке, в которой он дослужился до звания подполковника, после ухода из КГБ в 1991 г. он занимал гражданские должности. Путин настаивал на своем гражданском статусе, когда Ельцин назначил его директором Федеральной службы безопасности в 1998 г. [Renz 2006: 920].

ма, то она может легитимизировать и мужественность тех, кто ведет эту войну. Война, милитаризм и маскулинность также тесно связаны с национализмом. Джоан Найджл утверждает, что «такие понятия, как честь, патриотизм, трусость, храбрость, долг, трудно отнести к националистическим или маскулинным, потому что они кажутся всесторонне связанными и с нацией, и с мужественностью» [Nagel 2004: 402]. Когда Энлоу задается вопросом о том, насколько «субъект [мотивирован] желанием казаться “мужественным”», она с тем же успехом могла бы спросить, в какой степени субъект мотивирован желанием слыть патриотом, героем и храбрецом⁴. Соответственно, попытка политического руководства выглядеть мужественным (и патриотичным и т. п.) может милитаризировать государственное и национальное строительство. Одновременно с этим слабые государство и нация могут ассоциироваться с кризисом мужественности.

Однако прямой связи между войной и мужественностью не существует. Напротив, ведение войны легитимируется различными взглядами на милитаризованную мужественность, включая мужественность воинов, патриотов, героев и врагов. Именно проблематичный образ солдата и трудности воинской мужественности, с которыми столкнулись высокопоставленные чиновники, определили первую чеченскую войну (1994–1996). Эта война оказалась крайне непопулярной и еще больше понизила рейтинг Ельцина. В национальном сознании она воспринималась как очередное унижение в растущем после распада СССР списке. Хотя с помощью «маленькой победоносной войны» Ельцин первоначально надеялся повысить свою популярность, в своей предвыборной кампании в надежде на переизбрание он обещал положить конец жестокому конфликту в Чечне. Вторая война (1999–2009) привела к возрождению военизированной мужественности и патриотизма и помогла премьер-министру Путину

⁴ Энлоу ставит этот вопрос в отношении внешней политики США и желания американского руководства выглядеть мужественным перед политическими союзниками и конкурентами. Однако этот вопрос не менее актуален и для внутренней политики и желания руководства выглядеть мужественным в глазах общественности [Enloe 2000c].

стать президентом. Политическое и военное руководство единым фронтом выступало за эту войну, которую одобряла и большая часть населения России. Способность Путина использовать страх перед террористами и чувство унижения стала ключом к популярности войны и к его избранию на пост президента. Существует множество объяснений тому, как по-разному эти две войны отразились на национальной политике. Больше свободы слова в медиа и недостаточная военная подготовка во время первой войны, например, помогают объяснить отсутствие народной поддержки этой войны. Однако, благодаря исследованиям о влиянии различных проявлений и формулировок милитаризованной мужественности на легитимность применения военной силы и легитимность Ельцина и Путина как руководителей, феминистский анализ предлагает более широкое понимание этого вопроса⁵.

Политика в отношении милитаризованной мужественности, о которой я пишу в этой главе, менялась в зависимости от более широкого политического видения Вооруженных сил, а именно от того, каким значением политическое руководство наделяло военных в рамках постсоветского государства и общества. Дэвид Дж. Бетц и Сергей Плеханов считают, что в начале 1990-х политическая элита подчеркивала важность уменьшившегося государства, его интеграции в мировую экономику и внутренних экономических преобразований, аргументируя тем самым сокращение состава Вооруженных сил и уменьшение военного бюджета. В первую очередь Ельцин был обеспокоен контролем над Вооруженными силами и «обеспечением лояльности армии в ожесточенной борьбе за власть» [Betz, Plekhanov 2004: 165]. После 1999 г., напротив, возникло принципиально иное видение, которое в обстановке внутренних и внешних угроз оправдывало призыв к укреплению Вооруженных сил, выступало за центральную роль Вооруженных сил в обществе и подчеркивало важность

⁵ Следует отметить, что данный анализ сосредоточен только на руководстве федеральной государственной власти, а не на руководстве чеченских сепаратистов.

военных и силовых структур в восстановлении российского государства. Путин подчеркнул, что потребности военных должны быть услышаны, выразил свое уважение к Вооруженным силам и смог заручиться поддержкой военных и силовых структур [Betz, Plekhanov 2004: 185–186]. Этот сдвиг в мышлении и повлек за собой сдвиг в политике милитаризованной мужественности, что я покажу в этой главе.

Российско-чеченские войны: обзор⁶

В ноябре 1990 г. Чеченский национальный конгресс — объединение, включавшее в себя широкие слои политиков и общества Чечни того времени, — провозгласил государственный суверенитет. Это подтолкнуло Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики принять в том же месяце аналогичную декларацию. Осенью 1991 г. Национальный конгресс под руководством Джохара Дудаева, который теперь представлял радикальную часть движения, насильственно захватил власть в Чечено-Ингушской Республике. Для легитимации нового режима исполнительный комитет Национального конгресса организовал парламентские и президентские выборы. В ноябре, вскоре после своего избрания президентом, Дудаев издал указ о независимости Чеченской Республики. С самого начала постсоветского периода отношения между российским государством и сепаратистской Чеченской Республикой были напряженными. Однако из-за продолжающейся политической борьбы как в Чечне, так и в Москве (например, между президентом Ельциным и Думой), эти отношения оставались в тени. Российская политика в отношении Чечни была непоследовательной и не руководствовалась согласованными по-

⁶ Цель данного параграфа — дать читателю некоторое представление об основных событиях этих войн, которое, однако, не сможет в полной мере отразить их комплексность. Более подробный анализ см. [Wagner 2000; Wagensohn 2000; Soldner 1999; Evangelista 2002; Seely 2001; Dunlop 1998; German 2003; Gall, de Waal 1997; Ливен 2019; Politkovskaya 2001; Trenin et al. 2004; Russell 2007; Фурман 1999].

пытками разрешения политических разногласий [Seely 2001: ch. 6]. Так, ведя переговоры с Дудаевым, правительство Ельцина одновременно поддерживало его финансовыми и военными ресурсами. Поводом к военному вмешательству послужила неудачная тайная операция, имевшая место в ноябре 1994 г., в ходе которой российские солдаты попытались совершить переворот и свергнуть режима Дудаева. Солдаты были взяты в плен, и журналисты отправились в Чечню, чтобы взять у них интервью, — этот инцидент стал позором для Ельцина и его правительства, которое изначально отрицало использование ими российских солдат [Wagner 2000: 42]. 11 декабря 1994 г. около сорока тысяч солдат Министерства обороны и Министерства внутренних дел двинулись в направлении столицы Чечни, Грозного. Эта военная интервенция была официально направлена на «разоружение незаконных вооруженных формирований» и положила начало первой чеченской войне, которая продолжалась с декабря 1994 г. по август 1996 г.⁷

В феврале 1995 г. федеральные силы взяли под контроль столицу Чечни, однако бои как в Грозном, так и в других местах продолжались. В попытке принудить Москву к урегулированию конфликта, в середине июня 1995 г. чеченские боевики во главе с полевым командиром Шамилем Басаевым захватили заложников в больнице южного российского города Буденновск. Дальнейший ход войны прошел под знаком эпизодичных переговоров, эскалаций боевых действий и попыток подорвать политическую базу Дудаева. В январе 1996 г. чеченцы организовали еще один захват заложников, на этот раз под руководством Салмана Радуева в Кизляре (Дагестан). По мере усиления боевых действий Ельцин для повышения своих шансов на переизбрание в 1996 г. оказался заинтересован в завершении этой непопулярной войны. Хасавюртовское соглашение о прекращении огня, подписанное в августе 1996 г., было свидетельством поражения России и отло-

⁷ Указ 2166 и указ 1360, вступившие в силу 9 декабря 1994 г., служили юридической основой для военной интервенции. Подборку документов, относящихся к первой чеченской войне, см. [Еременко 1997].

жило решение вопроса о статусе Чечни до 2001 г. [Wagensohn 2000: 18–36].

Осенью 1999 г. российско-чеченская война возобновилась. Политическое руководство под руководством президента Ельцина и премьер-министра Путина представило вторую чеченскую «кампанию» как необходимый ответ на августовское вторжение чеченских сепаратистов под руководством Басаева в соседний Дагестан, а также на взрывы жилых домов в Москве и других городах в сентябре. Некоторые исследователи предполагают возможную причастность к этим взрывам государственных спецслужб, связывая их с предварительными планами российского руководства по возобновлению военной кампании [Lapidus 2002: 162; Felshtinsky et al. 2007]. К концу сентября военные начали воздушные атаки на Грозный, и российское правительство направило на дагестано-чеченскую границу около пятидесяти тысяч солдат [Wagensohn 2000: 40]. Российское руководство отказалось вести переговоры с президентом Чечни Аланом Масхадовым и продолжило боевые действия.

Чеченская «кампания» официально продолжалась до января, но партизанская война между чеченскими сепаратистами и федеральными силами продолжалась и после. Для привлечения внимания к своей проблеме чеченские сепаратисты все чаще обращались к средствам террора. Громкими инцидентами стали захваты заложников в театре на Дубровке в Москве (2002) и в школе № 1 в Беслане (2004), а также многочисленные взрывы, происходившие в Москве и по всей стране [Baev 2012; Dunlop 2006]. После террористических атак на Всемирный торговый центр и на Пентагон 11 сентября 2001 г., Путин назвал «антитеррористическую операцию» в Чечне частью глобальной борьбы с терроризмом⁸. Годы карательных операций против повстанческих движений и антитеррористической политики не привели к искоренению терроризма в России. Вторая чеченская война является типичным примером современных контртерро-

⁸ Для анализа российской войны с терроризмом и ее сравнения с войной США против террора см. [Light 2007: 95–100].

ристических операций в том смысле, что ее окончание трудно определить и оно вызывает среди исследователей споры. Официально о завершении контртеррористической операции было объявлено в апреле 2009-го, но насилие по-прежнему является в Чечне проблемой и распространяется на весь регион Северного Кавказа.

Очень многие (в том числе и из моих интервьюируемых) разделяют циничное мнение в отношении того, как именно государство вело эти войны, и утверждают, что власть имущие наживались на них. Сергей Ушакин отмечает, что существует больше доверия «личным рассказам, слухам, противоречивым свидетельствам и массовой культуре (фильмам, песням, мемуарам)», чем официальным источникам информации о войне [Oushakine 2009: 154]. Российское руководство не признает две военные интервенции в Чечне войнами, хотя их участники, общественность (в Чечне и в остальной России), а также исследователи обычно называют их именно так. Военные действия в Чечне, безусловно, привели к большому количеству жертв, хотя их оценки сильно разнятся. По оценкам Союза комитетов солдатских матерей от 2004 г., потери российских военных за обе войны составили около 25 тыс. человек [Dunlop 2005: 6]. По оценкам военного аналитика Павла Фельгенгауэра, на начало 2003 г. насчитывалось примерно 12 тыс. погибших и 100 тыс. раненых российских солдат, а также 100 тыс. погибших чеченцев, по большей части гражданских⁹. Также считается, что за время двух войн погибло около 35 тыс. проживавших в Чечне этнических русских [Dunlop 2005: 7]. Задokumentированы широко распространенные и систематические нарушения прав человека в отношении чеченских

⁹ Фельгенгауэр учитывает обе войны, как первую (1994–1996), так и период второй с 1999 г. до начала 2003 г. Цюрхер считает, что за период с 1994 до 1996 и с 1999 до 2002 г. было убито около 7 тыс. солдат с чеченской стороны, 53 тыс. гражданских лиц и 12 тыс. российских солдат (7,5 тыс. за время первой войны и 4,5 тыс. за время второй) [Zurcher 2007: 100]. К сожалению, более точных данных в отношении потерь с российской стороны на данный момент нет.

гражданских лиц и предполагаемых боевиков, которые включали в себя задержания в так называемых фильтрационных лагерях, пытки, изнасилования, исчезновения и казни¹⁰.

Правление Ельцина и первая чеченская война¹¹

Сокращение государственного регулирования экономики было одним из главных курсов нелиберальных реформ, проводившихся в России в начале 1990-х гг. Это повлияло и на формирование недофинансированного и ослабленного государства. Тема национального и государственного строительства стала играть ключевую роль в риторике националистической и критически настроенной к реформам оппозиции в Думе. Оппоненты Ельцина выдвигали альтернативные концепции российской нации: не как части Запада, а как евразийской державы или восстановленной сверхдержавы. Президента и его правительство критиковали за государственный саботаж. Идеологический поворот Ельцина от реформ к государственному строительству и созданию сильной президентской системы («суперпрезидентализм») были стратегиями, направленными на ослабление оппозиции и укрепление его собственного положения. Государственное строительство и война в Чечне были частью усилий Ельцина, направленных на укрепление его политических позиций [Бреслауэр 2021: 281]. Джордж Бреслауэр в своей книге «Горбачев и Ельцин как лидеры» хорошо описывает внутренний контекст, предшествовавший первой чеченской войне:

К концу 1994 года его личные рейтинги резко падали, экономика после обвала рубля 11 октября 1994 года находилась в шатком состоянии, Дума (хотя и менее могущественная)

¹⁰ Более подробную информацию о нарушениях прав человека со стороны федеральных сил в чеченских войнах см. [Human Rights Watch 2000; Politkovskaya 2001; Gilligan 2010]. О нарушениях прав человека «кадыровцами» см. [Human Rights Watch 2006].

¹¹ Некоторые высказывания, представленные в этом параграфе, ранее были сформулированы в [Eichler 2006: 486–511].

была настроена враждебно, муссировались обвинения членов его правительства в коррупции, в российских регионах действовали все еще мощные центробежные силы, западная помощь и инвестиции составили лишь небольшую долю от ожидаемого, интеграция в западные институты происходила медленно, расширение НАТО стало фактом. Ельцин столкнулся с серьезными вызовами и нуждался в подтверждении качества своего руководства.

Питер Лентини утверждает, что внутренний кризис, и в частности рост популярности националистов, заставил Ельцина «вести себя как мачо» в отношении ближнего зарубежья¹², Чечни и Северо-Атлантического сообщества» [Lentini 1996: 166]. Таким образом, автор подтверждает значение мужественности во внутренней борьбе за власть и то, что с мужественностью часто ассоциируется жесткая позиция. Ельцин и его советники, очевидно, рассматривали военное вторжение в Чечню как средство повышения падающей популярности президента среди населения¹³. Председатель комитета Госдумы по обороне Сергей Юшенков утверждал, что Олег Лобов, секретарь Совета безопасности, в личной беседе сказал ему: «Вопрос не только в целостности России. Нам нужна маленькая победоносная война, чтобы поднять рейтинг президента»¹⁴. Маркус Солднер замечает, что Ельцин и его советники ожидали, что война поможет создать Ельцину образ патриота-воина [Soldner 1999: 162–163].

Официально эта война называлась интервенцией с целью «восстановления конституционного порядка». Государственное обоснование военного вмешательства подчеркивало необходимость обеспечения территориальной целостности России, защи-

¹² Понятие «ближнее зарубежье» используется как обобщение для стран бывшего СССР.

¹³ В период с января по октябрь 1994 года процент респондентов, которые абсолютно не доверяют президенту Ельцину, увеличился более чем в два раза, с 14 до 31 [Фонд «Общественное мнение» 1994].

¹⁴ Цитируется в [Gall, de Waal 1997: 161]. Очевидно, Лобов в качестве примера указал на положительное влияние интервенции США в Гаити на популярность президента Билла Клинтона. Чеченская война, как надеялись, окажет аналогичный эффект на рейтинг одобрения Ельцина [Gall, de Waal 1997: 161].

ты граждан от вооруженных экстремистов в Чечне и за ее пределами, а также предотвращения дестабилизации политической и экономической ситуации. В своем первом обращении к гражданам России по поводу этой войны Ельцин заявил: «Как президент я буду следить за тем, чтобы Конституция и закон были соблюдены» [Ельцин 1994: 1]. Тема беззакония и преступности вскоре стала еще одним ключевым оправданием применения военной силы против чеченского режима под руководством Дудаева¹⁵. Президент Ельцин и премьер-министр Виктор Черномырдин в своих выступлениях, посвященных войне, изображали Чечню как средоточие беззакония, широко распространившегося по причине незаконной торговли наркотиками и оружием, преступности и коррупции. Характеристика Чечни как центра организованной преступности впервые появилась в речи премьер-министра Виктора Черномырдина, озаглавленной «За Россию мы стояли и стоять будем» и произнесенной на национальной женской конференции всего через несколько дней после начала войны. Черномырдин подчеркнул, что незаконные вооруженные формирования уже унесли сотни жизней, угрожают целостности государства и обостряют национальную и религиозную напряженность. Он подчеркнул, что такое состояние беззакония способствует росту криминальных структур, которые угрожают дестабилизировать обстановку в стране¹⁶.

В своем втором обращении к гражданам по поводу «ситуации в Чечне» Ельцин повторил, что российские солдаты защищают закрепленное Конституцией единство России [Ельцин 1994а: 1]. Однако он быстро перешел к теме беззакония и преступности, связав режим Дудаева с торговлей наркотиками и оружием, ва-

¹⁵ Солднер был первым, кто обратил мое внимание на этот сдвиг в официальной риторике в отношении войны [Soldner 1999: 150–157].

¹⁶ Речь Черномырдина прозвучала на национальной конференции «Женщины и развитие: права, реальность, перспективы» (Черномырдин В. С. За Россию мы стояли и стоять будем // Российская газета, 14 декабря, 1994. С. 1–3). Российская феминистка Марина Либоракина критиковала то, что Черномырдин использовал конференцию для оправдания применения военной силы. Очевидно, он указал женщинам на то, что они должны правильно понимать политику правительства в отношении Чечни [Liborakina n.d.].

лютным мошенничеством и политическим экстремизмом. Он говорил о необходимости «очистить» или избавиться Чечню от «криминальных элементов». Несмотря на использование этого провокационного языка, и Ельцин, и Черномырдин делали различие между чеченским народом и чеченскими преступниками. Черномырдин заявил, что чеченский народ не несет ответственности за рост преступности. Ссылаясь на широко распространенные античеченские настроения в российском обществе, он подчеркнул, что представители чеченского народа — «не пресловутые лица кавказской национальности»¹⁷. Хотя Ельцин назвал режим Дудаева преступным, он отмечал, что Россия — не враг мусульманам. Наконец, оба политика утверждали, что цель военного вмешательства — помочь чеченскому народу, а не провоцировать войну [Ельцин 1994a]¹⁸.

Этот официальный дискурс о чеченской войне помог сконструировать дихотомию «мы» и «они», которая опиралась на гендерную и этническую составляющие. В ней российское руководство предстает как мужественный защитник государства и нации, для которой Ельцин, очевидно, был тем, кто мог обеспечить порядок и гарантировать единство государства и безопасность его граждан¹⁹. Образ рациональной и патриотичной рос-

¹⁷ Черномырдин В. С. За Россию мы стояли и стоять будем // Российская газета, 14 декабря, 1994. С. 1.

¹⁸ См. также: Черномырдин В. С. За Россию мы стояли и стоять будем // Российская газета, 14 декабря, 1994. На мой взгляд, аргументация Ельцина и Черномырдина не позволяет избежать стереотипизации чеченцев, а, скорее, свидетельствует о попытке отвести возможные обвинения в отношении к чеченцам или мусульманам как к козлам отпущения в целом.

¹⁹ Во время беспокойного переходного периода начала 1990-х годов роль государства как защитника и гаранта порядка была сильно опущена. Отсутствие порядка было общей темой политического и социального дискурсов. Ипса-Ланда отмечает, что образ преступной и беззаконной России, который доминировал в западных представлениях о России начала 90-х годов, был похож на российский дискурс о преступной и беззаконной природе Чечни: «Возможно, Россия переносит негативные представления о себе самой на своего заклятого врага, Чечню. Независимо от того, так это или нет, этот поток оскорблений демонстрирует, как сильно поиск Россией позитивной “национальной идеи” и идентичности был связан с войнами в Чечне» [Ipsa-Landa 2003: 308].

сийской мужественности противопоставлялся образу мужественности агрессивной, криминальной и коррумпированной, которую якобы воплощали (по крайней мере, некоторые) чеченские мужчины. Такое изображение чеченских мужчин часто соответствовало расиализованным о них представлениям. Как и приезжих с других территорий Кавказа и стран Центральной Азии, в разговорном русском языке чеченцев называют «черными». Мередит Л. Роман поясняет, что расиализация мужчин с Кавказа в постсоветском российском обществе происходит по гендерной линии: «Расиализация мужчины происходит через образ хищника и (морально слабого) преступника в противоположность женоподобности и физической слабости» [Roman 2002: 10]. Хотя официально эта война не была обозначена в этнических и расовых категориях (как это делали националисты и некоторые коммунисты), Ельцин и его единомышленники неоднократно связывали чеченское руководство с преступностью и обозначали преступность как одну из главных причин военного вмешательства. Чеченцы, и особенно чеченские мужчины, стали символизировать такие негативные последствия постсоветского переходного периода в России, как рост преступности, беззаконие или отсутствие порядка в целом²⁰.

Несмотря на то что более половины населения России считало чеченских боевиков «бандитами» и лишь очень немногие (13 %) — «защитниками своей земли» [Докторов и др. 2002: 137–138], первая чеченская война была крайне непопулярной среди россиян. Как в декабре 1994 г., так и в январе 1995 г. только 30 % респондентов поддержали «решительные меры по наведению порядка в Чечне», в то время 60–70 % не признавали применение силы [Докторов и др. 2002: 132]²¹. Весной 1995 г. 41 % опрошенных

²⁰ Конструирование образа криминальных чеченцев опиралось на старые российские стереотипы о чеченцах как об агрессивных бандитах, которые сосуществуют с романтизированными представлениями о диком и благородном горном воине [Russell 2002: 78].

²¹ До начала войны общественное мнение также не поддерживало военное вмешательство. Как пишет Алексеев: «В сентябре 1994 года, по мнению авторитетного опроса ВЦИОМа, только 7 % россиян поддерживали использо-

не могли точно назвать причины ведения войны. Около 22 % подозревали, что война была связана с сокрытием информации, в котором участвовали высокопоставленные политические и военные деятели²², а 18 % респондентов полагали, что война была связана с борьбой с преступностью в Чечне. Только 14 % опрошенных согласились с тем, что война велась ради целостности государства, и только 10 % считали, что она велась ради защиты российских граждан [Докторов и др. 2002: 133]. Очевидно, что официальные обоснования ведения войны не казались россиянам убедительными, и мнения о причинах этой войны разделились.

Хотя россияне не поддерживали чеченских сепаратистов, они также не доверяли президенту и его оправданиям по поводу ведения войны. Вопреки планам политического руководства, война не повысила популярность Ельцина среди российского населения. По сравнению с предыдущим годом, рейтинг поддержки Ельцина в феврале 1995 г. даже снизился. Только каждый десятый респондент доверял Ельцину. Годом ранее соотношение было один к двум [Фонд «Общественное мнение» 1995b]. Опросы, проведенные среди городских жителей в середине декабря 1994-го, показали, что, если Дудаева обвиняют в военной конфронтации 31 % респондентов, 25 % возлагают вину на Ельцина. В другом опросе россиян спросили, какую позицию следовало бы занять «патриоту» в отношении чеченской войны. Только 19 % сочли поддержку этой военной конфронтации патриотичной, а 52 % ответили, что патриот должен выступать против войны [Wagner 2000: 124]. То есть во время первой чеченской войны образ «патриотического воина» воспринимался парадоксально более чем половиной на-

вание федеральной военной силы в Чечне, в то время как 42 % считали, что Россия не должна участвовать в этой войне, а 31 % предпочитали участие России исключительно в переговорах между враждующими группировками в Чечне в качестве посредника» [Alexseev 2006: 100].

²² Таким было одно из распространенных в прессе объяснений, в котором война рассматривалась как «часть прикрытия беспрецедентного финансового мошенничества, связанного с продажей нефти из Грозного» [Shevtsova 1999: 115].

селения, что не способствовало росту популярности президента. Военный патриотизм на общественном уровне был слабым, о чем свидетельствует низкая поддержка населением этого военного вмешательства. Неоднозначные представления о милитаризованной мужественности, представленные военным руководством и сформулированные президентом, еще больше заставляли задумываться о бессмысленности этой войны.

Вызовы, брошенные военизированной мужественности

Видные члены высшего военного руководства не поддерживали введение войск в Чечню. Они считали, что для успешного выполнения военных задач военным не было предоставлено ни достаточного времени для подготовки, ни необходимого финансирования. Министр обороны Павел Грачев утверждал, что операция гарантированно приведет к легкой и быстрой победе. Однако другие генералы с этим не соглашались, что привело к феномену, ставшему известным как «кризис генералов»²³. Генерал Эдуард Воробьев, первый заместитель министра обороны, после своего отказа брать на себя командование наступлением на Чечню в декабре 1994 г., подал в отставку. Он не считал оправданным применение силы в рамках военной доктрины. Воробьев также критиковал недостаточную подготовку и опасность, которой подверглось бы гражданское население в ходе этой военной операции [Wagner 2000: 129]. Генерал объяснил: «На данный момент моя личная судьба не так важна, нужно спасать Россию и выходить из той ситуации, которая сложилась в этой стране, в Чечне и в Вооруженных силах» [Barylski 1998: 314]. Заместитель министра обороны генерал Борис Громов был еще одним откровенным критиком операции в Чечне²⁴. Авторитетный военачаль-

²³ Rossiiskie vesti. 1995. The State and the President Need Devoted Officers. January 13 // Current Digest of the Post-Soviet Press 1995. February 2. Vol. 47, № 2.

²⁴ Сегодня Громов — председатель всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство».

ник Афганской войны, он предупреждал, что военная интервенция может превратиться в еще один «Афганистан» [Wagner 2000: 129]. Громов подверг резкой критике высшее политическое руководство и министра обороны, поставил под сомнение необходимость выполнения приказов. Он был переведен в Министерство иностранных дел, очевидно, в попытке заглушить тот политический резонанс, который могло бы вызвать его увольнение [Goldstein 1997: 114]. Еще два заместителя министра обороны были вынуждены расстаться со своими постами по причине их позиции в отношении этой войны: генерал-полковник Валерий Миронов и генерал-полковник Георгий Кондратьев [Barylski 1998: 314]. Кроме того, к апрелю 1995-го 557 офицеров отказались участвовать в этой войне [Goldstein 1997: 110].

Даже среди тех генералов, которые участвовали в чеченской войне, было много тех, кто относился к этой военной операции неоднозначно и был обижен на политиков, решивших послать войска в Чечню. Примером тому может служить генерал-майор Иван Бабичев, который командовал войсками, наступающими в Чечню с запада [Wagner 2000: 50]. Он приказал своим бойцам остановиться, когда они столкнулись с группой протестующих чеченских женщин [Ливен 2019]. В декабре 1994-го Бабичев заявил: «Мы не собираемся использовать танки против гражданского населения. Мы не виноваты, что находимся тут»²⁵. Хотя ответственность за эту операцию взял на себя персонально Ельцин, личный состав Вооруженных сил опасался применять против гражданских силу и боялся общественного гнева, подобного тому, что вспыхнул в Тбилиси на закате Советского Союза²⁶. Наиболее ярко эту позицию выразил генерал-лейтенант Лев Рохлин, который командовал в чеченской операции северо-восточной группировкой войск, сыгравшей решающую роль во взятии Грозного в начале войны. Рохлин, который выступал при этом против войны и критиковал политическое руководство,

²⁵ См. [Roget 1995].

²⁶ Войска под командованием Бабичева в итоге продолжили свое наступление и участвовали в штурме Грозного [Goldstein 1997: 111].

совершил красивый жест, отказавшись от всех наград за свои боевые действия в Чечне. Он рассудил, что это была гражданская война, награды за которую не должны присуждаться. Рохлин публично выражал скепсис по отношению к официальным причинам, приводимым в качестве оправдания войны. Сравнивая политиков с мафией, он пояснял, что они преследовали свои собственные интересы, и не занимал принципиальной позиции в отношении Дудаева²⁷. По мнению Роберта Барыльского, отказ Рохлина от роли военного героя, а значит, от поддержки этой войны и политического руководства, такого героя в национальном масштабе парадоксальным образом из него и сделал.

Генерал-лейтенант Рохлин стал национальным героем, символом солдата, выполняющего свой патриотический долг в самых сложных обстоятельствах. Вместо того чтобы праздновать и играть в героя-победителя, он отказался придать войне ложный блеск и настаивал на ее реалистичном описании. Будучи глубоко удежден, что эта война — национальная трагедия, он счел невозможным принять от Ельцина медаль Героя России [Barylski 1998: 319]. Позиция, которую занял Рохлин, сделала его популярным и помогла ему получить в 1995 г. место в Государственной думе.

Первая война также стала ассоциироваться с негероическим образом солдата-срочника: плохо подготовленного, без боевого духа и без необходимого продовольственного и военного снабжения. Знаменитым стал пренебрежительный отзыв о стратегии Ельцина и Грачева и о состоянии российской армии генерал-лейтенанта Лебеда, одного из самых жестких критиков Кремля в отношении войны: «У России больше нет армии — у нее есть только военные формирования мальчишек-солдат, которые вряд ли способны хоть чего-то добиться» [Barylski 1998: 315]. Называя войска «формированием мальчишек-солдат», он косвенным образом ставил под сомнение их мужественность и способность успешно участвовать в боях. Политическое руководство не справилось с задачей сформировать более позитивный образ

²⁷ См.: Наталья Батурина. Окопная правда. Комкор Рохлин: «Афганская война была прогулкой...» // Аргументы и факты. 1 февраля 1995. С. 2.

солдата. В 1995 г. в своем ежегодном послании Ельцин подчеркнул необходимость повышения престижа военной службы, но также и потребность в том, чтобы граждане добросовестно относились к своему долгу защищать Отечество [Ельцин 1995]. Учитывая контекст продолжавшейся войны, этот акцент на долге граждан, а не на индивидуальном или коллективном героизме солдат поражает. В своем обращении 1996 года Ельцин подчеркивает, что солдатам следует бороться исключительно с бандитами, при этом критикует между строк войска за применение силы против гражданского населения [Ельцин 1996]. Барыльски поясняет, что это значило для военных:

Если российские солдаты думали услышать, что их верховный главнокомандующий похвалит их за храбрость и самопожертвование, которые они проявили в Чечне, то их ждало разочарование. Вместо того чтобы подбодрить их, Ельцин призвал их бороться с бандитами и боевиками, а не с чеченским народом, который является гражданами России [Barylski 1998: 368].

Эта неудача снизила возможность политического руководства добиться всеобщей поддержки войны. С самого начала эта война ассоциировалась с вызовами, брошенными военному профессионализму, послушанию и героизму, что впоследствии снизило престиж армии и ее поддержку населением.

Президентские выборы 1996 г. и чеченская война

В начале 1996 г. рейтинг действующего президента описывался в единичных цифрах. Основным лозунгом предвыборной кампании Ельцин сделал необходимость не допустить возврата к коммунизму и выдвинул себя в качестве гаранта демократии [Ельцин 1996]. Однако он также понимал, что, если хочет повысить свои шансы на переизбрание, ему придется заняться непопулярной чеченской войной. Около 84 % потенциальных избирателей (среди опрошенных) считали «чеченский конфликт» самым

важным или одним из самых важных вопросов, стоящих перед Россией [Докторов и др. 2002: 137]. Ельцин пообещал положить этой войне конец и впервые приложил к миротворчеству серьезные усилия. В конце марта он представил предложение о мире, которое привело два месяца спустя к подписанию перемирия. В решающее время избирательной кампании (июнь и начало июля) боевые действия носили ограниченный характер [Wagner 2000: 116]. Михаил Алексеев пишет, что, по данным ведущих социологических опросов, «предвыборное обещание Ельцина прекратить военные действия в Чечне сыграло решающую роль в его победе на избирательных участках и помогло ему повысить рейтинг одобрения с удручающих пяти процентов в январе до 20 процентов в мае 1996-го» [Alexseev 2006: 99]. Кроме того, Ельцин подписал множество указов, которые были направлены на увеличение социальной поддержки, например, указ о выплате просроченных зарплат и пенсий [Brudny 1997: 262–263]. А также указ 722, обязывающий отменить к 2000 году воинскую повинность, и указ 723, обещающий прекратить практику отправки в зоны конфликтов призывников (если они не добровольцы) [Barylski 1998: 373]. Эти меры были популярны из-за широко распространенной неприязни к обязательной военной службе и опасения родителей за безопасность их сыновей призывного возраста²⁸. Неудивительно, что чеченская война способствовала росту общественной поддержки перехода к профессиональным, полностью добровольческим вооруженным силам. Когда Ельцин подписал указ об отмене призыва, треть опрошенных заявили, что этот шаг улучшил их мнение о президенте — в том числе те, кто не стал бы за него голосовать [Докторов и др. 2002: 140].

Ни один из кандидатов в президенты в первом туре не получил больше 50 % голосов²⁹. Во второй тур голосования вышли Ельцин

²⁸ Барани высказывается в отношении обещания Ельцина отменить обязательную воинскую повинность так: «Сложно представить какое-нибудь другое обещание, которое могло бы быть более популярным» [Barany 2007: 147].

²⁹ Первыми пятью кандидатами стали Борис Ельцин, Геннадий Зюганов, Александр Лебедь, Григорий Явлинский и Владимир Жириновский [Sakwa 2008: 174–175].

и его главный конкурент, лидер коммунистической партии Геннадий Зюганов. Ельцину, набравшему лишь 35 % голосов, было необходимо, чтобы за него проголосовала хотя бы часть националистов, поддерживающих Зюганова. Для этого он заключил союз с Лебедем (к тому времени уже вышедшим с военной службы в отставку), который в первом голосовании занял третье место, получив почти 15 % голосов, а теперь официально поддержал Ельцина³⁰. Ельцин, в свою очередь, назначил Лебеда секретарем Совета безопасности, сделал его своим советником по вопросам национальной безопасности и поручил ему вести переговоры о мирном соглашении с руководством чеченских сепаратистов. Темой избирательной кампании Лебеда были закон и порядок, а также обещание мира в Чечне. Он не участвовал в чеченской войне, но использовал свою позицию высокопоставленного военного, описанную выше. Роль политиков в чеченской войне он критиковал так: «Народ России не должен больше страдать от разборок политиков... Я солдат, я навоевался, я профессионально ненавижу войну, я сделаю все для того, чтобы на земле России войны больше не было» [Мороз 2012: 23]. Лебедь как представитель Ельцина вел переговоры непосредственно с чеченским полевым командиром Масхадовым, с которым он подписал Хасавюртовское соглашение о прекращении огня 31 августа 1996 года. Лебедь был назван самым популярным политиком России 1996 года³¹.

Когда в декабре 1994-го Ельцин решил послать войска в Чечню, он надеялся сыграть на опережение и удовлетворить стремление людей к порядку и сильному лидеру [Wagner 2000: 116–117]. Но в итоге война еще больше подорвала его общественную

³⁰ Лебедь сделал себе имя как командующий российской армией в Приднестровье (Молдова). Подробное описание истории и политических идей Лебеда см. [Lambeth 1996]. Лебедь занимал пост губернатора Красноярского края с 1998 по 2002 г. и погиб на этом посту в результате подстроенного крушения вертолета.

³¹ Отчет о выборе Путина самым популярным политиком 1999 г. включал в себя результаты голосований предыдущих лет [Фонд «Общественное мнение» 2000].

поддержку. Для своей избирательной кампании 1996 г. президенту пришлось изменить свою позицию, пообещав положить конец этому конфликту и вступив в союз с Лебедем. Лебедь больше соответствовал народному образу «патриота» — генерала, выступающего против чеченской войны. Среди высшего военного командования, которое поддерживало конфликт или смирилось с ним, планы Ельцина и Лебеда по восстановлению мира не пользовались популярностью. Многие генералы, участвовавшие в чеченской войне, считали, что политические цели в очередной раз вмешиваются в военные дела и мирное соглашение лишило их шанса на военную победу [Wagensohn 2000: 16]. Это ощущение предательства стало важным фактором во второй чеченской войне.

Вторая чеченская война и президентство Путина

С 1996 по 1999 г. Чеченская Республика была фактически независимой. Весной 1999 г. больше россиян (45 %) считали ее отдельным от России государством, чем ее частью (34 %) [Докторов и др. 2002: 146]. По данным опросов, проведенных осенью 1997-го и весной 1998-го, мало кто поддерживал возобновление там военной операции [Докторов и др. 2002: 149]. Однако события августа и сентября 1999 г. резко изменили общественное мнение. В августе около 2000 боевиков под руководством Басаева вошли из Чечни в Дагестан и объявили о создании Исламского Государства Дагестан. В сентябре взрывы в жилых домах в Москве, Буйнакске и Волгодонске унесли жизни почти 300 людей, и еще сотни были ранены [Wagensohn 2000: 38–39; Bruce Ware 2005: 599–606]. В этих инцидентах быстро обвинили чеченских террористов, что послужило предлогом для второй чеченской войны, которая официально была названа «антитеррористической операцией». В сентябре 1999-го ввод федеральных сил в Чечню поддерживало уже 40 % россиян, и лишь немного больше людей высказалось против. Для сравнения, в феврале 1998-го за такие действия были 11 %, и 70 % — против [Докторов

и др. 2002: 150]. К ноябрю, через два месяца после начала широкомасштабных военных действий, более 60 % населения выступало за применение военной силы в Чечне и менее 15 % — против [Rain 2005: 69]. Такой рост поддержки был резким изменением по сравнению с ситуацией всего за пару месяцев до этого, а также по сравнению с первой чеченской войной, когда на всем ее протяжении большинство россиян выступало против военного вмешательства.

Осенью того же года произошло еще одно примечательное событие: Владимир Путин, малоизвестный и недавно назначенный премьер-министр России, увидел, что рейтинг его одобрения вырос с 5 % в сентябре до 45 % в ноябре [Alexseev 2006: 108]. Он стал самым популярным политиком 1999-го, легко получив звание «Человек года», заручившись в ходе опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», 40 % поддержки [Фонд «Общественное мнение» 2000]. В конце 1999 г. он стал исполняющим обязанности президента, а в марте 2000 г. получил в первом туре президентских выборов более 50 % голосов³². Рост популярности Путина был тесно связан с его жестким ведением чеченской войны и успешным обращением к военизированному патриотизму. Таким образом, вторая чеченская война сделала возможным плавный переход власти от Ельцина к его назначенному преемнику Путину [Kagarlitsky 2003: 70].

Официальным обоснованием второй чеченской войны была необходимость обеспечения территориальной целостности государства и защита граждан России от терроризма [Sakwa 2004: 171–173]. 23 октября 1999 г. правительство пообещало продолжать действовать на всей территории Чечни «решительно и жестко» до установления там закона и порядка. Связывая чеченский терроризм с международным терроризмом и экстремизмом, оно обещало избавить Чечню от террористических и других «бандитских формирований». В то же время правительство выступало против «преследования людей по национальному при-

³² Лидер Коммунистической партии РФ Геннадий Зюганов стал вторым, получив 30 % голосов [Shevtsova 2003: 74–75].

знаку»³³. Месяцем ранее Путин продемонстрировал свою решимость бороться с чеченскими террористами в не слишком дипломатичных выражениях, заявив в телевизионном эфире, что «мы и в сортире их замочим» [Russell 2007: 69]. Путин признался в своей готовности бороться с террористами в книге-интервью «От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным»: «В таких условиях работает только одно — переходить в наступление. Нужно бить первым, и бить так сильно, чтобы противник не смог подняться на ноги» [Геворкян и др. 2000: 168]. Он также назвал террористов «зверьями». Говоря в марте 2000 г. о поимке Радуева в радиоинтервью, Путин сказал: «Таких зверей на свободе еще много. Они могут объединяться в стаи, кусаться, нападать и наносить нам определенный ущерб»³⁴. Путин являл собой сильную, патриотическую российскую мужественность, которую он противопоставлял олицетворяемой террористами и исламскими фундаменталистами дикой чеченской мужественности, а иногда и звериности. Позже, во время второй войны в роли феминизированного врага-террориста выступила женщина-смертница, и с терроризмом стала ассоциироваться также чеченская женственность³⁵.

Опросы общественного мнения показали, что сторонники Путина считают его «решительным, волевым и жестким в своих требованиях восстановить порядок» [Alexseev 2006: 101]. Также они выявили, что у большого количества людей взрывы жилых домов вызвали страх перед терроризмом. По данным одного из

³³ Правительство Российской Федерации. Заявление Правительства РФ о ситуации в Чеченской Республике и мерах по ее урегулированию. Красная звезда, 23 октября, 1999. Несмотря на официальную политику проведения различия между чеченскими террористами и мирными жителями, Симонсен пишет, что чеченцы тем не менее быстро «стали синонимом таких слов, как “террористы”, “бандиты” и исламские “фундаменталисты”» [Simonsen 2000: 377].

³⁴ Из интервью с Владимиром Путиным на радиостанции «Маяк» // Радио Маяк. 18 марта 2000 года.

³⁵ Чеченские террористы-смертники стали частью конфликта в середине 2000-х, и большей частью это были женщины. Более подробно см. [Bazarya 2006; Nivat 2005]. Для гендерного анализа этого феномена в контексте российско-чеченских войн см. [Sjoberg, Gentry 2007: ch. 4].

опросов, в конце сентября 1999 г. 86 % людей опасались, что они или их родственники могут стать жертвами терроризма [Докторов и др. 2002: 149]. В течение некоторого времени после взрывов квартир «личная безопасность» стала для граждан важнее «социальных гарантий» [Shevtsova 2003: 36]. Позднее Ельцин вспоминал, что Путин проявлял «не ненависть к террористам, а презрение к ним. Не тревога, не озабоченность стали лейтмотивом этих выступлений, а холодная уверенность в своей силе настоящего защитника, мужчины» [Ельцин 2000: 67]. Бывший президент пришел к такому выводу:

Он не рисовал образ врага и не пытался разжечь в россиянах низкие шовинистические инстинкты. Я глубоко убежден, что причина популярности как раз в том, что Путин сумел внушить людям надежду, веру, дать ощущение защищенности и спокойствия. <...> Путин дал людям обеспеченные государством гарантии личной безопасности. И люди поверили лично ему, Путину, что он сможет их защитить. <...> Путин избавил Россию от страха. И Россия заплатила ему глубокой благодарностью [Ельцин 2000: 67].

Ельцин обратился к гендерно-окрашенному дискурсу безопасности и защиты, который усиливает ассоциацию мужественного государства с предоставлением защиты, а женственной нации — с необходимостью в ней. В такой ассоциации нет ничего само собой разумеющегося. Более того, именно контекст страха и войны помог Путину *реализовать* мужественность и начать *восприниматься* сильным и решительным. Страх перед терроризмом помог оправдать потребность в сильном руководстве и военизированной и мужественной защите, а также вызвал поддержку военной кампании и Путина как лидера. В общественном настроении произошел значительный сдвиг. Как пишет Лилия Шевцова: «Впервые за многие годы, по крайней мере, с момента прихода к власти Горбачева, российское общество вернулось к спасительной идее военного патриотизма, который стал прибежищем всех в России, кто боялся и чувствовал себя уязвимым» [Shevtsova 2003: 43].

Другая причина возрождения военного патриотизма может быть найдена в унижении как последствии результатов экономического и военного упадка российского государства после распада Советского Союза. Многие россияне, как на личном уровне, так и на коллективном, воспринимали переходный период унижительным. В частности, резкое снижение уровня жизни, еще больше подорванное финансовым кризисом августа 1998 г., привело к широкому распространению разочарования россиян в капитализме, либеральной демократии и Западе. Военные поражения в позднесоветский период (Афганистан) и постсоветский период (Чечня) были восприняты как позорные и подчеркивали бессилие Вооруженных сил. Война НАТО против Сербии (союзника Российского государства) в 1999 г. сделала очевидным беспомощность России в мире после холодной войны и усилила антизападные настроения как среди политического и военного руководства, так и среди широкой общественности³⁶. По словам Эмиля Пэйна: «Общественность, уставшая от экономических, политических и военных неудач, жаждала победы» [Pain 2005: 70]. Война стала средством укрепления легитимности государства (и, следовательно, существующего политического режима) путем мобилизации общества вокруг военной формы патриотизма. В контексте восстановления государственности Татьяна Сиваева объясняет значение второй чеченской войны так:

Чечня была превращена в символ общенационального врага — символ, который после стольких лет разочарований и разрушенных идеалов сумел объединить нацию, дал ей почувствовать себя сильной и могущественной. Россияне вновь почувствовали себя великой нацией, у которой есть своя миссия — защищать свой народ от врагов (в данном случае чеченских экстремистов или иногда просто чеченцев) [Sivaeva 2000: 9].

Чеченская война стала частью более широкой патриотической программы по укреплению государственности и восстановлению

³⁶ См.: Tsygankov A. Double Standard, Lots of Blame: Russia, Chechnya and the West // Los Angeles Times. January 28, 2000. P. B13.

статуса России как великой державы. Шевцова пишет, что «Путин, вполне осознанно, обращался к той части общества, которая жаждала возрождения могущества и славы России в советском стиле» [Shevtsova 2003: 145]. В 1999 г. и Ельцин, и Путин представляли себе ситуацию в Чечне как продолжение распада СССР. Путин утверждал: «Что такое сегодняшняя ситуация на Северном Кавказе и в Чечне? Это продолжение развала СССР. Ясно же, что это когда-то надо останавливать» [Геворкян и др. 2000: 24]. После взрывов жилых домов Путин связывает терроризм и угрозу государственности: «Взрывая дома наших сограждан, бандиты взрывают государство. Они подрывают власть — не президента, города или Думы. Но саму идею власти» [Shevtsova 2003: 37]. В своей статье-манифесте «Россия на рубеже тысячелетий» Путин подчеркнул необходимость сильного государства и возрождения патриотизма. К февралю 2000 г. более 70 % россиян ожидали, что Путин, в случае его избрания президентом, «укрепит военную мощь России»³⁷. 66 % считали, что он сможет обеспечить территориальную целостность России³⁸. В своем ежегодном обращении в июне 2000 г. сразу после инаугурации президент заявил, что «единственный выбор для России — быть сильной страной, сильной и уверенной в себе», и что «единство России укрепляется патриотическим характером нашего народа, нашими культурными традициями и памятью» [Sil, Chen 2004: 361]³⁹. Энлоу выдвигает теоретическое предположение, что концепция «мужественнизированного унижения» — один из источников национализма⁴⁰. Унижение, пережитое гражданами постсоветской России, было гендерным, поскольку было связано с ослаблением таких воплощающих мужественность институтов, как государство, армия и экономика. В этом контексте восстано-

³⁷ Izvestiia. 2000. Russians Believe Putin Will Restore Military and Economic Might. February 19 // Current Digest of the Post-Soviet Press. 2000. Vol. 52, № 9. P. 14.

³⁸ Там же.

³⁹ Сил и Чен считают, что Путин здесь обращается к этническим русским.

⁴⁰ Энлоу утверждает, что «национализм обычно возникает из военизированной памяти, военизированного унижения и военизированной надежды» [Enloe 1989: 44].

ние власти и гордости неизбежно опиралось на силу мужественности. Путин использовал героические и позитивные образы военизированной мужественности как одну из основ своей программы патриотического и государственного возрождения.

Реконструкция военизированной мужественности

«Россия защищается: на нас напали. И поэтому мы должны отбросить все синдромы, в том числе и синдром вины», — воскликнул Путин в начале сентября 1999 г. в ответ на вопросы журналистов о ситуации в Чечне [Ельцин 2000: 87]. В своем ответе он косвенно указывал и на афганский и чеченский синдромы — сокращенное обозначение унижительного поражения, пережитого в этих двух войнах. «Синдром вины» отсылает к вине за использование военной силы и сопутствующему ей отсутствию гордости за войска. Политическое и военное руководство выступало в отношении военной операции единым фронтом. Оно было заинтересовано в войне и отвергало очевидное предательство военных обществом во время первой войны. Путин утверждал:

Вы должны согласиться, что поражение России в первой чеченской войне в значительной степени было обусловлено моральным состоянием общества. Россияне не понимали, за какие идеалы сражались наши солдаты. Эти солдаты отдавали свои жизни, а в ответ их предавали анафеме. Они умирали за интересы своей страны, но были публично унижены [Gevorkyan et al. 2000: 171].

Путин осудил отсутствие военного патриотизма во время первой войны и увидел в этом главный фактор поражения федеральных сил. Многие генералы рассматривали вторую войну как возможность исправить унижительное поражение. Они чувствовали, что победа была у них «украдена» по политическим причинам [Трошев 2001]. Министр обороны Грачев передал это чувство, когда в конце первой войны он сказал: «Да, я глубоко сожалею о погибших. Но я также глубоко сожалею о том, что мне не дали

разгромить оставшиеся повстанческие банды» [Barylski 1998: 387]. С точки зрения военного руководства, вторая чеченская война была направлена на то, чтобы ответить на то унижение, которому подверглась российская армия в первой чеченской войне, и «восстановить “истинное” место армии в обществе» [Baev 2001: 23]. Политическое руководство было полностью с этим согласно, а Путин подчеркивал, что выживание государства зависит от места армии в обществе: «Поверьте мне, еще в 1990–1991 гг. я точно знал, как это ни самоуверенно звучит, что при том отношении к армии, которое сложилось в обществе, к спецслужбам, особенно после распада СССР, страна уже очень скоро окажется на грани развала» [Геворкян и др. 2000]. Военный патриотизм был центральным элементом путинской идеологии; он связывал силу государства с общественной и политической поддержкой вооруженных сил. Томас Гомарт считает уважение Путина к военным искренним, но подчеркивает, что оно также отвечало практическим политическим потребностям. «Увязывание престижа Вооруженных сил с собой и своим президентством» — главное орудие Путина для легитимизации своего правления, особенно в условиях, когда оно изначально не имело политической базы [Gomart 2008: 24].

Образ солдата стал олицетворением ориентации Путина на восстановление уважения к армии. Всеобщая воинская повинность сохранилась, несмотря на обещание Ельцина отменить ее к 2000 г. Однако ужесточение контроля над СМИ во время второй войны означало, что образ негероического призывника получал меньше внимания, чем во время первой. В отличие от той тенденции, российское политическое руководство подчеркивало героизм и профессионализм тех, кто служит в армии. В своих мемуарах Ельцин поймал этот сопровождавший вторую войну сдвиг в идеологии военизированной мужественности, по-видимому, забыв о своей собственной роли:

С каждым днем в глазах людей фигура российского военного, человека, защищающего страну и порядок на ее территории, все больше очищается от наносной грязи политической

конъюнктуры. Становится объединяющим, мощным национальным символом. Страна уже не сможет забыть и предать этих ребят [Ельцин 2000: 68].

Путин подчёркивал профессиональную этику военных, пытаясь противопоставить ее широко распространенному мнению о недостатке профессионализма во время первой войны. Во время своего ежегодного послания Федеральному Собранию в 2000 г. он сказал:

Крайним примером нерешенных федеративных проблем является Чечня. Ситуация в республике осложнилась до такой степени, что ее территория стала плацдармом для экспансии в Россию международного терроризма. Исходной причиной здесь также было отсутствие государственного единства. И Чечня 99-го напомнила о ранее совершенных ошибках. И лишь контртеррористическая операция смогла отвести угрозу распада России, профессиональные военные помогли сохранить достоинство и целостность государства. Низкий им поклон! Но какой ценой...⁴¹

Эта цитата хорошо иллюстрирует, как Путин использовал военный патриотизм, соединяя единство государства и роль военных, а также выражая свое уважение к ним. Путин также признавал самопожертвование солдат и публично воздал им почести как героям, чего во время первой чеченской войны не удалось сделать Ельцину. В своем ежегодном обращении 2001 г. Путин попросил как депутатов Государственной думы, так и членов Совета Федерации, а также зрителей у себя дома почтить минутой молчания память «героев» этой войны. В эту группу он включил «наших военнослужащих, дагестанских ополченцев, чеченских милиционеров, и всех тех, кто ценой своей жизни остановил распад государства»⁴². В отличие от Ельцина, который

⁴¹ Владимир Путин. Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Собранию Российской Федерации 2000 года. URL: <http://public-service.narod.ru/appearance.html> (дата обращения 28.03.2022).

⁴² Владимир Путин. Не будет ни революций, ни контрреволюций. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 2001 года. URL: <http://public-service.narod.ru/appearance.html> (дата обращения 28.03.2022).

во время первой войны критиковал Вооруженные силы и военных за их действия, Путин публично выразил глубокое уважение к военным и признал факт гибели солдат.

Однако если посмотреть внимательнее, то окажется, что герои второй войны играли более двусмысленную роль, чем та, которую им приписывают Путин и Ельцин. Все генералы, руководившие операциями второй войны, были ветеранами первой войны и были известны не только своим героизмом и профессионализмом, но и своей безжалостностью. Ради достижения победы они выступали за особенно жестокий подход, в основании которого лежало массовое и неизбирательное применение силы [Herspring 2006a]. Как объясняет Павел Баев, в проведении военных операций генералам была предоставлена относительная свобода:

Проведение операции было в значительной степени оставлено на военных, в первую очередь на Генеральный штаб. В то время как министр обороны Игорь Сергеев (с его опытом работы в Стратегических войсках) относился ко всему этому без энтузиазма, начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин собрал группу боевых генералов (Константин Пуликовский, Геннадий Трошев, Виктор Казанцев, Владимир Шаманов), движимых желанием взять реванш за унижительное поражение в 1996 году. Эти военные заговорщики потребовали и получили карт-бланш на победу на тех условиях, какие они сочли необходимыми. Войска продвигались в Чечню довольно медленно, подавляя каждый очаг сопротивления массированным артиллерийским огнем [Baev 2004].

Генерал Владимир Шаманов, командовавший западными войсками, получил награду Героя России за службу во время второй чеченской войны. Гордо отзываясь на прозвище «жестокый Шаманов», он открыто признавался, что не делал различий между бойцами и мирными жителями. Он считал и жену, и ребенка «бандита» такими же «бандитами». Широко известно, что он заявил в июньском интервью 2000 г.: «А как, скажите, различить жену и снайпершу?»⁴³ Шаманов и войска, которыми он ко-

⁴³ Я — Шаманов. Из интервью с Анной Политковской // Новая газета. 2000. Июнь 19–25.

мандовал, были причастны к военным преступлениям, совершенным во время захвата Алхан-Юрта в декабре 1999 г., когда федеральные войска убивали и насиловали мирных жителей и занимались мародерством [Smirnov 2007]. Генерал Геннадий Трошев сказал, что «разрушенный город Грозный никогда не должен быть восстановлен, чтобы служить предупреждением задумавшим измену национальным меньшинствам России»⁴⁴. Он описал свой подход к чеченским «бандитам» следующими словами: «Вот как я бы поступил: собрал бы всех на площади, привязал бы бандита, и повесил его, пусть все видят» [Russell 2007: 78]. Генерал Виктор Казанцев, полпред президента в Южном федеральном округе, приказал, чтобы «беженцами считались только женщины, дети до десяти лет и мужчины старше шестидесяти. Все остальные должны быть задержаны и подвергнуты проверке» [Pain 2005: 75]. Генерал Константин Пуликовский наиболее известен своими действиями конца первой чеченской войны. Он предъявил мирным жителям Грозного ультиматум и «пригрозил начать воздушные удары и артиллерийские обстрелы», из-за чего случился переполох во время решающих мирных переговоров между Лебедем и Масхадовым в августе 1996 года [Pain 2005: 76]. Эти генералы представляют собой вариант милитаризованной мужественности, которая скорее груба, чем человечна по отношению к смертям мирных жителей. В отличие от генералов, выступавших против первой чеченской войны, этих людей не смущало применение силы по отношению к соотечественникам, включая гражданских лиц.

Путин и его политика чеченизации

Масштабная военная кампания в Чечне была официально завершена в январе 2001 г. Командование операцией перешло от Министерства обороны Федеральной службе безопасности,

⁴⁴ Stephen C. Chechen War Veteran Flexes Political Muscles, Sending Shiver Down the Spine of the Kremlin // Irish Times. 2003. № 7017–18 / Johnson's Russia List. № 7018.

а через год — Министерству внутренних дел. В конце года правительство Путина начало политику «чеченизации»: делегирование борьбы с сепаратистами и террористами самим чеченским лидерам, придерживающимся прокремлевских взглядов. Процесс проходил в три этапа. В 2003 г. Кремль организовал в Чечне конституционный референдум, в 2004 г. прокремлевский Ахмат Кадыров был избран президентом Чеченской Республики, а в 2005 г. Кремль провел выборы в ее парламент. Политика чеченизации, которая привела к установлению жесткой власти Кадырова, в значительной степени перевела конфликт из российско-чеченского противостояния во внутречеченскую гражданскую войну [Russell 2007: 82–86]. Управление республикой перешло к «кадыровцам» — вызывающим большой страх военизированным и силовым структурам, которые приняли на себя многие функции, ранее выполнявшиеся российскими федеральными силами [Pohl 2007: 32].

После убийства Ахмата Кадырова во время взрыва на стадионе «Динамо» в Грозном в мае 2004 года, новым президентом был назначен Алу Алханов. Путин объявил Кадырова Героем Российской Федерации. Его сын Рамзан Кадыров, который на тот момент занимал пост первого заместителя премьер-министра прокремлевского правительства Чечни, получил такую же награду в канун нового, 2005 года. Рамзан Кадыров, принявший военный дискурс федерального государства по борьбе с бандитизмом и терроризмом, по достижении им тридцатилетнего возраста в сентябре 2007 года, сменил президента Алханова [Uzzell 2005: 1]. Играя с общепринятым в России в контексте военного поражения термином «синдром», для описания гендерной культуры насилия, которая проникла в Чечню при его правлении, Анна Политковская стала использовать термин «синдром Кадырова»: «Основные черты этого синдрома — наглость, грубость, насилие, выдаваемое за мужество и мужественность... Кадыровцы бьют мужчин и женщин в Чечне так, как считают нужным» [Pohl 2007: 36]. Военная кампания, возможно, закончилась официально, но чеченский режим, возглавляемый официальным героем Российской Федерации, основан на жестоком и неизбирательном применении

силы военизированными людьми. Правозащитники также осуждают нарушения прав женщин в Чеченской Республике, которые Кадыров позволяет под предлогом сохранения исламских традиций⁴⁵.

Общественная поддержка второй чеченской войны достигла своей высшей точки в феврале 2000 г., когда 70 % респондентов высказались за то, чтобы военная операция продолжалась. По мере того, как она затягивалась, а быстрой победы все не было, поддержка снижалась. К маю 2002 г. уже более 60 % населения поддерживали переговоры⁴⁶. В 2002 г. граждане считали главным провалом Путина продолжение войны в Чечне [Фонд «Общественное мнение» 2002]. Однако все это не уменьшило его популярности, поскольку он неоднократно становился «Человеком года» [Фонд «Общественное мнение» 2008], а в 2004 г. выиграл свои вторые президентские выборы, набрав более 70 % голосов. По словам военного аналитика Александра Гольца, россияне оценили силу Путина: «Российские избиратели просто счастливы, что Путин продемонстрировал решительность, упорство и силу»⁴⁷. Хотя чеченская кампания помогла создать авторитет Путина как лидера, она также способствовала укреплению крайне недемократической системы. Как отметила в другом контексте Айрис Марион Янг, «логика мужественной защиты» как «оправдывает агрессивную войну», так и «узаконивает авторитарную власть над гражданами» [Young 2003: 2]. Режим, построенный Путиным и его окружением, был основан на ведущей роли силовых министерств, централизации федеральной государственной власти (особенно после захвата заложников в Беслане) и ослаблении гражданского общества и независимых СМИ, и в то же время поддерживался высокими ценами на нефть. Это также

⁴⁵ Lokshina T. Chechnya: Choked by Headscarves // OpenDemocracy Russia. 2010. September 27.

⁴⁶ Особенно идею переговоров поддерживали женщины. 31 % женщин и 14 % мужчин в марте 2000 г. и 73 % женщин и 47 % мужчин в мае 2002 г. высказывались в поддержку переговоров [Levinson 2004: 88–89].

⁴⁷ Golts A. Putin and the Chechen War: Together Forever // Moscow Times. 2004. February 14.

повлекло за собой сужение политического поля вокруг «партии власти» «Единой России», через которую Кремль фактически контролировал Государственную думу. Хотя режим Путина опирался на военизированный патриотизм и апеллировал к советской ностальгии, это не означало возвращения к советским временам. Российское государство при Путине было государством, которое проводило неолиберальную политику и по большей части придерживалось принципов капитализма [Laruelle 2009b: 194–195; Sakwa 2008: 224].

Мужественность, государственность и политическое руководство

В ельцинский период кризис нации и государства отчасти выразился и в ярко выраженном пересмотре понятия мужественности. Ельцин начал свое президентство как сильный национальный лидер, бросивший в августе 1991 года вызов путчистам и воплотивший надежды новой России. Однако его политика свободного рынка привела к экономическому и социальному хаосу и разочарованию среди населения. К 1994 г. президентство Ельцина все больше определяли его ухудшающееся здоровье и алкоголизм. В последние годы своего правления он часто был болен и не появлялся на встречах, и, соответственно, больше не представлял собой сильного лидера. В первую неделю чеченской войны Ельцин был госпитализирован (официальная причина — операция на носу) и обратился к гражданам по поводу чеченского конфликта только через пять дней после подписания указа о военном вмешательстве. Точно так же во время захвата заложников в Буденновске он не покинул саммит «Большой семерки» в Галифаксе, чтобы вернуться домой и разобраться с кризисом⁴⁸.

⁴⁸ Ельцин поручил вести переговоры своему премьер-министру Черномырдину. После нескольких неудачных попыток штурма больницы и многочисленных жертв Черномырдин и Басаев договорились об освобождении заложников. Этот инцидент привел к думскому голосованию о недоверии правительству [Wagner 2000: 47–50].

Первая чеченская война еще больше запятнала образ Ельцина как руководителя и одновременно обнажила кризис государственности и мужественности. В своих мемуарах Ельцин писал о первой войне так: «Именно тогда, в 95-м, Россию поразила новая болезнь — тотальная “отрицаловка”, полное неверие в себя, в свои силы. Мы, россияне, разлюбили сами себя. А это для нации — исторический тупик» [Ельцин 2000: 14]. Кризис нации отразился в кризисе военизированной мужественности — солдатах, которые отказывались воевать или становиться героями под руководством слабого или отсутствующего главнокомандующего. Если Ельцин, как пишет Элиот Боренштайн, представлял собой «отсутствующего отца», то Путин демонстрировал «образ жесткого, без глупостей “настоящего мужчины”, трезвого, спортивного и решительного» [Borenstein 2008: 226]. Способность Путина создавать образ возрожденной мужественности стала ассоциироваться с очевидным восстановлением силы государства и национальной уверенности. Боренштайн объясняет:

Если 1990-е гг. были отмечены ощутимым кризисом мужественности и ростом мужественности компенсаторной, то Путин, чьи мужественные и боевые достоинства постоянно воспевались во все более послушной прессе, олицетворяет собой возрождение давно утраченной напористости и уверенности. Ельцинские годы значительно снизили планку для следующего лидера страны: конкретная программа и поступки Путина, вероятно, имеют гораздо меньшее значение, чем его обнадеживающая символическая функция «настоящего мужчины», который может управлять ресурсами страны и обещать возвращение к величию [Borenstein 2008: 227].

Мужественность Путина приобрела привлекательность в особом социально-политическом контексте конца 1990-х гг. Ельцин связывал надежды нации с появлением генерала, способного повести ее за собой. Приход Путина к власти был тесно связан с его жесткой, «мужской» позицией в преследовании террористов. Он взял на себя всю ответственность за военную кампанию и проявил решительность и силу в своем подходе. Путин исполь-

зовал войну как возможность продемонстрировать те черты характера, которые ассоциируются с мужественностью. Кроме того, президент подчеркивал собственную мужественность, предлагая публике свои изображения с тренировок по дзюдо или во время рыбалки с обнаженным торсом. Эта очевидная мужественность, а также его популярность среди женщин стали в России предметом пристального общественного интереса⁴⁹. Татьяна Рябова и Олег Рябов приводят в качестве типичного для общественного восприятия мужественности Путина следующий комментарий женщины-избирательницы:

Для женщины важно, чтобы рядом с ней был надежный, уверенный в себе мужчина, на которого она могла бы положиться в трудную минуту. И тогда, даже если с неба падают камни — будет не так страшно. К сожалению, в наше время таких мужчин найти очень сложно. Мне кажется, что Путин — именно такой человек, незаметный внешне, но сильный духом [Riabov, Riabova n.d.: 6].

В 2002 г. идеализация мужественности Путина нашла свое отражение в популярной поп-песне «Такого, как Путин». Певица рассказывает о разочаровании в своем нынешнем парне и о своем желании иметь такого мужчину, как Путин⁵⁰. Эти примеры иллюстрируют, как популярность Путина как лидера была тесно связана с представлениями о мужественности.

Политика Путина не только восстанавливала ассоциацию российского президента с мужественностью и патриотизмом, но и способствовала дальнейшей милитаризации и, следовательно, маскулинизации российской бюрократической и политической элиты. Обе войны значительно укрепили положение в государстве военных и силовых структур и способствовали более активному привлечению на государственную службу и в политику

⁴⁹ Опросы общественного мнения, проведенные в 2002 г., показали, что в России Путин считается новым секс-символом [Riabov, Riabova 2014: 6].

⁵⁰ Sarah Rainsford. Putin Is Russia's New Pop Idol // BBC online. August 23, 2002. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2212885.stm> (дата обращения 29.03.2022).

представителей силовых структур силовиков или мужчин с военным прошлым. В период постсоветской трансформации России их число постоянно росло⁵¹. В 1993 г. они составляли в администрации президента 33 %, в 1999 г. — 46 %, в 2002 г. — 58 %, а в 2008 г. — 67 %. Эти мужчины также занимали 11 % государственных должностей в 1993 г., 22 % в 1999 г., 33 % в 2002 г. и 40 % в 2008 г. Аналогичные тенденции наблюдаются среди региональных элит и в парламенте [Kryshtanovskaya, White 2009: 295]. Валери Сперлинг указывает на возможные гендерные последствия такой тенденции:

Этот факт позволяет объяснить растущий гендерный разрыв в российском государственном управлении. Учитывая, что если эти институты становятся все более значимым путем к политической власти, а в армии и российском аппарате безопасности / разведке в значительной степени доминируют мужчины, пути для женщин сужаются [Sperling 2002: 259].

Таким образом, растущее влияние силовиков в российской политике может быть еще одним фактором, препятствующим более активному участию женщин в политической жизни, наравне с институциональными барьерами и господствующей гендерной идеологией об основной роли женщины как представительницы материнства и заботы. В 1993 г. женщины составляли лишь 3 % правящей элиты России, а в 2002 г. их число сократилось до 2 %. Представительство женщин в Думе снизилось с 13,5 % в 1993–1995 гг. до 7,6 % в третьей Думе (1999–2003 гг.). Во время второго президентского срока Путина можно было наблюдать рост представительства женщин в российской политической

⁵¹ Из-за ведущей роли служб безопасности и особенно Федеральной службы безопасности Гомарт предпочитает использовать термин «ФСБ-изация» вместо военизации. Он подчеркивает наличие многочисленных разногласий как внутри военных служб, так и между военными и другими службами безопасности. Хотя в мои намерения не входит замалчивание этих важных различий, я хочу подчеркнуть общее влияние всех этих явлений на гендерный баланс в российской политике.

элите в основном за счет увеличения доли женщин-депутатов в относительно бесправной Государственной думе [Kryshtanovskaya, White 2009: 300; Shvedova 2009: 155–156]. Тем не менее, поддерживаемое ведением войны возрождение образа мужественности на уровне политического руководства остается важным фактором продолжающейся политической маргинализации женщин в России.

Заключение

Во время первой российско-чеченской войны Ельцин стремился создать собственный образ человека, который восстановит конституционный порядок, а чеченских сепаратистов изображал жестокими преступниками. Сопоставление рациональной и патриотической российской мужественности с анархичной и криминальной чеченской мужественностью не дало ожидаемых результатов в легитимации войны. Война не пользовалась поддержкой населения, а рейтинги Ельцина продолжали падать. Из-за недостаточной легитимации этой войны, военный патриотизм и героизм военного начальства и рядовых солдат оказались под угрозой. Несколько генералов не поддерживали войну и даже отказались участвовать в ней, а один выдающийся военачальник отказался от медали Героя России. Неоднозначный образ военизированной мужественности, возникший в результате этих событий, подрывал общественную поддержку войны и политического руководства. В ходе кампании по переизбранию Ельцина в 1996 г. тот обещал закончить чеченскую войну и перейти от всеобщей воинской повинности к военной службе на добровольной основе.

Вторая чеченская война воспринималась как социальная реабилитация понятия военизированной мужественности, связанной с патриотизмом и (брутальным) героизмом. Политическое и военное руководство выступило единым фронтом и использовало страх перед террористами и мужским унижением для оправдания войны. Война, названная антитеррористической

операцией, ставила перед собой целью искоренить террористов и компенсировать поражение в первой войне. Жесткая позиция Путина в отношении террористов была популярна и помогла ему победить на президентских выборах в марте 2000 г. Эта война показала «парад» гордых и жестоких генералов и президента, который не скупясь выражал поддержку военным силам и подчеркивал их профессионализм и героизм. Путинское «решение» конфликта заключалось в политике чеченизации, которая не принесла живущим в Чечне людям ни мира, ни безопасности. Пророссийский режим Кадыровых характеризуется продолжением нарушений прав человека, жестокостью и насилием.

Способность руководства использовать войну как инструмент для того, чтобы выглядеть мужественным, зависит от сложных взаимоотношений между различными типами военизированной мужественности. Несмотря на двусмысленную и неоднозначную картину, сложившуюся в результате анализа выше, обе войны усилили политические позиции военных и поддерживающих войну институтов государства, таких как силовые министерства и институт президентства. В то время как эта глава была посвящена политике военизированной мужественности на государственном уровне, следующая добавляет к этому анализу еще один слой, предлагая исследование социального кризиса военизированной мужественности в связи с всеобщей воинской повинностью.

Глава 3

Социальный кризис военизированной мужественности. Воинская повинность, экономические реформы и российско- чеченские войны

В 1970-х гг. около 70–85 % мужчин призывного возраста были призваны на военную службу [Jones 1985: 56–57]. Остальных освободили от призыва в связи с получением образования или по состоянию здоровья. Уклонение от призыва и дезертирство в советском обществе были скорее маргинальными явлениями и только в 1980-х гг. стали серьезной проблемой (подробнее об этом — в первой главе). Воинская повинность продолжала быть обязательной для мужчин и в постсоветском российском государстве, но ее соблюдение сталкивалось с все большими проблемами. К середине 1990-х гг. образ гражданина-солдата померк. Призыв в армию в постсоветской России был крайне непопулярным и проходил гораздо менее честно, чем в советское время. На протяжении последних полутора десятилетий российское государство призывало на военную службу лишь от 10 до 30 % мужчин. Законными или незаконными способами, около 70 % их получали освобождение от призыва или отсрочку. В среднем около 30 тыс. мужчин ежегодно просто не являлись по повесткам

(по сравнению с 558 в 1990 г.). Кроме того, 5 тыс. или более призывников ежегодно дезертируют из своих частей [Webber, Zilberman 2006: 174, 177; Weir 2002]¹. Данная глава посвящена призыву в армию и, как следствие, взаимосвязи между мужественностью и армией в контексте постсоветской трансформации России и чеченских войн. Поскольку призыв опирается на мужскую идентичность, связанную с армией, и помогает ее формировать, трудности, с которыми столкнулось государство при проведении призывной политики, свидетельствуют об ослаблении общественной ассоциации мужественности с военной службой.

Постсоветская экономическая трансформация сильно повлияла на военную сферу и ее взаимоотношения с обществом. Недофинансирование и экономический кризис отрицательно сказались на российской армии, бюджет которой в постсоветский период значительно урезали. Систематическое насилие и некачественные условия жизни, с которыми призывники сталкивались во время военной службы, — одни из главных причин широко распространенного уклонения от призыва и дезертирства. Экономические изменения также привели к распространению образа капиталистической мужественности, которая бросила вызов советским представлениям о мужественности военизированной, патриотической. Рост социально-экономического неравенства повлиял на контингент призывников, большинством которых стали выходцы из рабочего класса и представители сельского населения. В ответ на социальное недовольство всеобщим призывом, для пополнения своих рядов российские Вооруженные силы попытались привлечь добровольцев и контрактников, а также обратили внимание на женщин.

Две чеченские войны еще больше усугубили проблемы с призывом. Как показывают исследования, военные действия во многом зависят от мужчин (и женщин), которые хотят и могут участвовать в них. Чеченские войны привели не к успешной мобилизации молодых людей в солдаты, а к дальнейшему укло-

¹ См. также: Александр Олийник. А уклонистов становится больше // Красная звезда. 28 мая 1997.

нению от призыва. Ставшая общеизвестной судьба необученных солдат, отправленных на штурм Грозного в начале первой войны, разрушала образ солдата-героя и подчеркивала бедственное положение призывников. Среди парней призывного возраста и их семей эти войны только усилили страх и укрепили общественную поддержку добровольных военных сил. Увеличивающаяся пропасть, которая разверзлась между военной службой, мужественностью и патриотизмом в постсоветской России, стала результатом как посткоммунистической трансформации, так и чеченских войн.

Всеобщая воинская повинность в постсоветской России

Несмотря на то что идеологическая важность военной службы несколько ослабла с окончанием холодной войны, Российское государство продолжало определять ее как необходимую составляющую мужской гражданственности. Статья 59 Конституции РФ (1993) гласит, что «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»². Закон о воинской обязанности и военной службе³ обязывал граждан мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет проходить военную службу в течение двух лет⁴, в 2007 г. срок службы был сокращен до семнадцати месяцев, а с 2008 г. — до одного года [Isakova 2007: 78]. Помимо Министерства обороны, призывники служат в войсках других силовых министерств (например, Министерства внутренних дел)⁵. Призыв в России проходит два раза в год —

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

³ Федеральный закон о воинской обязанности и военной службе был принят в 1998 г. и заменил собой закон 1993 г.

⁴ В 1995 году срок службы был увеличен с 18 до 24 месяцев.

⁵ С 2008 года Пограничная служба больше не привлекает призывников на службу (International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 2008. London: International Institute for Strategic Studies, 2008. P. 208).

осенью и весной. Закон предусматривает ряд причин, по которым мужчины призывного возраста могут получить отсрочку от службы, включая учебу в высшем образовательном учреждении, медицинские показания или наличие ребенка в возрасте до трех лет. Подобные отсрочки существовали и в советский период, но были частично отменены в начале 1980-х гг. [Jones 1985: 53–57]. В 1990-е гг. список причин увеличился до двадцати пяти пунктов, девять из которых были упразднены в 2005–2006 гг. в рамках более широкого пересмотра законодательства о военной службе [Isakova 2007]. Конституция 1993 г. гарантирует право на альтернативную гражданскую службу, если военная служба противоречит убеждениям или вероисповеданию, а также принадлежность к коренному малочисленному народу или занятие традиционным промыслом также дает право на АГС⁶. Однако закон, регулирующий альтернативную службу, был принят Думой только в 2002 г., а его реализация началась в 2004 г.⁷ Закон критиковали как наказывающий тех, кто отказывается от военной службы по соображениям совести, поскольку альтернативная служба длится почти вдвое дольше обычной и должна проходить в государственных учреждениях или в Вооруженных силах [Golts 2004a: 74]⁸. Если во время весеннего призыва 2004 г. на альтернативную службу отправилось около 1400 человек, то к осени 2009 г. число желающих сократилось до менее чем трехсот⁹.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁷ Правительство РФ 2003. Федеральный закон об альтернативной гражданской службе. Москва, 2003.

⁸ См. также: Fedyukhin I. No Alternatives: Experts Say the Law on Alternative Civilian Service Will Not Be Popular // *Vedomosti*. July 23 / Reprinted in *CDI Russia Weekly*. 2003. Vol. 266. P. 266–269.

⁹ Эти данные взяты из отчета 2009 г. Андрея Калиха и Льва Левинсона «Внедрение права на отказ от военной службы по убеждениям в Российской Федерации 2004–2009», опубликованного на сайте Европейского бюро по отказу от военной службы по соображениям совести. См. также познавательный сайт Всероссийской коалиции общественных организаций «За демократическую альтернативную гражданскую службу» <http://ags.demokratia.ru>

На момент распада Советского Союза в 1991 г. из почти 4 млн военнослужащих призывники составляли более половины. Из-за сильных сокращений личного состава во время президентства Ельцина численность действующих войск сократилась примерно до 1,3 млн человек к 1996 г., а к 1999 г. насчитывала чуть более 1 млн человек. Совсем недавно численность Вооруженных сил была сокращена до 1 млн. Согласно выпускам ежегодного бюллетеня «The Military Balance», в 1990-х гг. призывники составляли около одной трети личного состава Вооруженных сил¹⁰. Однако вероятно, что в начале 2000-х гг., когда ежегодная призывная квота составляла почти 400 000 человек, их доля была больше [Human Rights Watch 2002: 8]. Хотя в последующие годы призывная квота уменьшилась, в 2007–2008 гг. она снова возросла в связи с переходом с двухлетнего срока службы на годовой.

В итоге службу проходили лишь немногие из парней призывного возраста. В 2004 г. было призвано только 9,5 % мужчин призывного возраста — по сравнению с 27,5 % в 1994 г.¹¹ Министерство обороны часто жаловалось, что ему удается призвать только 10 % молодых людей, а правозащитники считают завышенными даже официальные цифры. Людмила Вахнина из правозащитной группы «Мемориал» утверждает, что для того, чтобы продавливать более жесткую реализацию призывной политики, Министерство обороны ошибочно включает в свои подсчеты всех мужчин призывного возраста, включая тех, кто уже отслужил. По словам Вахниной, к 2004 г. число призывников составляло уже около 30 % от общего числа мужчин призывного возраста¹². Уклонение от призыва было распространено более широко, но точное число тех, кто уклонился, определить трудно.

¹⁰ Эти данные взяты из годовых отчетов 1991, 1996–2002, 2005–2009 выпусков Международного института стратегических исследований «The Military Balance», издаваемых в Лондоне, а также см. [Felgenhauer 2010].

¹¹ Смирнов В. Из первых рук: проблемы осеннего призыва // Военнопромышленный курьер. 1 декабря, 2004.

¹² «Российская газета» отменила альтернативную службу // Regnum. 2004. 31 марта. URL: <http://www.regnum.ru/news/240003.html> (дата обращения 29.03.2022).

Юридическое определение подразумевает только тех мужчин, которые получили призывную повестку (и подтвердили ее получение), но затем не явились. В 1990-х и начале 2000-х гг. часто называлось число в 30 000 ежегодно уклоняющихся от призыва, однако есть некоторые признаки того, что с тех пор оно сократилось. Официально наибольшее абсолютное количество уклонистов было зарегистрировано в 1999 г. — 44 133 человека, а в 2001 г. это число снизилось до 28 232 человек и продолжало снижаться¹³. Часто термин «уклонение от призыва» используется в более свободном смысле для обозначения мужчин, которые избегают получения повестки (например, переезжают на другой адрес), хотя в таком случае они не считаются нарушителями закона. В 2010 г. генерал Николай Марков из Генерального штаба Вооруженных сил утверждал, что в России насчитывается 200 000 уклоняющихся от призыва¹⁴. Наконец, по причине процветающей теневой экономики и продажи военных билетов, а также широко распространенного взяточничества с целью уклонения от военной службы, истинное число уклоняющихся намного больше, чем отражено в официальных цифрах [Клямкин, Тимофеев 2000]. Демографическая ситуация является еще одним фактором, усугубляющим проблемы призыва [Balzer 2005]. В дополнение к слабому здоровью мужчин призывного возраста, ожидается, что количество восемнадцатилетних юношей в ближайшие полтора десятилетия продолжит сокращаться, и количество молодых парней призывного возраста регулярно будет меньше, чем это необходимо по призывной квоте [Felgenhauer 2010b: 29].

В постсоветский период антипатия к военному призыву была характерна не только для молодых людей и их семей, но и для общества в целом. С 1997 по 2007 г. «Левада-центр» (до 2003 г. —

¹³ См. также: Генштаб подсчитал уклонистов // Красный воин. 2008. 5 апреля; Белуза А. В., Литовкин Д. В. Новобранцам не до смеха // Известия. 1 апреля, 1999.

¹⁴ Литовкин В. Опять призыв, опять проблемы // Независимое военное обозрение. 2010. № 9.

ВЦИОМ¹⁵) проводил опросы, которые зафиксировали слабую общественную поддержку военного призыва. В среднем одобряли всеобщую воинскую обязанность 30 % опрошенных, а 60 % высказались за переход к армии на контрактной основе [Левада-центр 2019]. Возражений против призыва было еще больше, когда речь шла о родственнике. В ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в 1998 г., только 13 % опрошенных положительно отнеслись к возможности для их близкого родственника служить в армии. Наиболее распространенными причинами нежелания респондентов того, чтоб их близкий родственник служил, были «дедовщина» и «насилие в армии» (40 %), «гибели/ранения в конфликтах типа чеченского» (30 %) и «тяжелые бытовые условия, плохое питание, опасность для здоровья» (21 %) [Левада-центр 2006]. Хотя государство определяет военную службу как обязанность граждан мужского пола, данные опросов показывают, что существуют серьезные социальные проблемы, противоречащие этому официальному пониманию. Условия службы в армии, в частности жестокое и плохое обращение с призывниками, подрывают как индивидуальную, так и общественную поддержку обязательной военной службы.

Ситуация в Вооруженных силах: дефицит и дедовщина — формировать или ломать мужчин?¹⁶

Во время своей полевой работы в Самаре (Россия) в 2006 г. я разговаривала с молодыми людьми, которые указывали причины своего решения уклониться от призыва, подобные тем, что прозвучали в опросе выше. Например, повстречавшийся мне

¹⁵ В 2003 г. государство взяло под контроль Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В знак протеста весь штат исследователей покинули ВЦИОМ, сформировав новый центр исследования ВЦИОМ-А. В 2004 г. Центр был переименован в Аналитический центр Юрия Левады («Левада-центр»).

¹⁶ Некоторые предложения в этой и последующих частях уже публиковались ранее в [Eichler 2006].

Юрий, студент Самарского государственного университета, по началу назвал в качестве причины отказа от призыва опасность отправки в Чечню, но затем добавил: «Я боялся не столько армии, сколько того, что там придется страдать. Я боялся дедовщины и голода — не было никакой гарантии, что я вернусь живым и здоровым»¹⁷. Эти два обстоятельства, характерных для Вооруженных сил, вызывают особое беспокойство у мужчин призывного возраста и у членов их семей: условия жизни во время службы, включая отсутствие надлежащего питания и медицинской помощи, и дедовщина, что буквально означает «правление дедов» и подразумевает систематические издевательства и надругательства, которым подвергаются новоприбывшие со стороны тех, кто служит дольше.

Хотя впервые эти проблемы возникли в позднесоветский период [Gross 1990: 481–483], в контексте постсоветской экономической трансформации они проявились ярче. Сокращение военного бюджета¹⁸ и трудности экономического кризиса 1990-х гг. создали ситуацию, в которой военнослужащие часто недоедали и не имели элементарного медицинского обслуживания. Организация Human Rights Watch задокументировала в 1990-х и 2000-х гг. системный характер нарушений в российских воинских частях прав человека на достаточное питание и медицинское обслуживание [Human Rights Watch 2003]. Случаи, когда призывники страдали от голода или недостаточной медицинской помощи, широко освещались в российских СМИ. Дедовщина дополняет эту и без того тревожную ситуацию, создавая для призывников-новобранцев потенциально невыносимую ситуа-

¹⁷ Из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

¹⁸ В России трудно обозначить точную цифру военных расходов, хотя можно с уверенностью сказать, что в постсоветский период они постоянно снижались. Согласно некоторым оценкам, на которые ссылается Дериглазова, с 15 % ВВП в конце 1980-х гг. военные расходы снизились до 2,4 % ВВП в 1998 г., но во время первого президентства Путина снова начали расти [Deriglazova 2005: paragraph 21]. Для анализа развития бюджета Вооруженных сил во время президентства Путина см. [Cooper 2010].

цию. Большое количество дезертирства и смертей в небоевых действиях свидетельствуют об этом¹⁹.

Дедовщина — это более сложное и развитое явление, чем то, которое отражает термин «hazing». Это неформальная иерархия власти среди призывников, основанная на продолжительности службы (старшинстве). Два призывных периода в год и двухлетняя служба создают четырехступенчатую иерархию, на нижней ступени которой находятся «духи», а на верхней — «деды». По данным Human Rights Watch, призывники, находящиеся на нижних ступенях этой иерархии, живут в «состоянии бессмысленной неволи» [Human Rights Watch 2004: 2]. Как сказал один из интервьюируемых: «Здесь солдат — это раб»²⁰. Дедовщина включает в себя систематическое физическое и психологическое насилие над новобранцами, включая эксплуатацию их труда. Валерий, которому за двадцать и который избежал службы в армии, подкупив военного врача, так рассказывает об опыте своего друга: «У меня есть друг, который отслужил в армии полгода. Его сильно избили “деды”. Он пролежал в больнице несколько месяцев, потом договорился с генералом и ушел из армии»²¹. Иногда злоупотребления включают использование солдат в качестве бесплатной рабочей силы, например, в частных строительных проектах. Два моих собеседника упомянули случай, когда офицеры продавали труд призывников местному заводу «Кока-кола» в Самаре. Призывников заставляли работать на заводе, а офицеры получали за эту работу зарплату²². Солдатские матери Санкт-Петербурга так описывают дедовщину:

«Дедаы», старейшины, принуждают новобранцев в первые месяцы их жизни к полному подчинению, регулярно применяя силу. Работа прислуги, как, например, чистка обуви или

¹⁹ Оценки смертей, не связанных с боевыми действиями, варьируются от 1000 до 5000 в год. Достоверных данных о самоубийствах нет, так как для сокрытия самоубийств среди военнослужащих часто используется формулировка «смерть по болезни» [Golts 2004a: 75–76; Weir 2002: 174].

²⁰ Из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

²¹ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

²² Из интервью с Сергеем, Самара, июнь 2006 года; из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

стирка, или ремонт в частных домах — далеко не редкие случаи. Эти новобранцы являются дешевой и готовой рабочей силой для начальства. Избиение дубинками или палками, порка иногда могут привести к смерти, но все же они являются неотъемлемой частью испытаний для новобранца²³.

Дедовщина включает в себя разнообразные надругательства над новобранцами, такие как, например, изъятие личных вещей, зарплат, продуктов питания, а также сексуализированное насилие [Human Rights Watch 2004]. Несмотря на то что жестокость надругательств зависит от вида службы²⁴, подразделений и отдельных призывников, дедовщина — ключевой аспект в жизни многих российских призывников. На данный момент нет данных о том, повлияло ли на дедовщину недавнее сокращение срока военной службы с двух лет до одного года.

Практика дедовщины существует как в призывных, так и в контрактных армиях, а также в армиях стран, которые могли бы считаться развитыми, переходными или развивающимися. Ряд особенностей отличает дедовщину в российских Вооруженных силах от систем насилия в других вооруженных структурах. Дедовщина не ограничивается ритуалами посвящения, которые встречаются в большинстве других вооруженных структур, потому что она носит систематический характер. В отличие от других стран, дедовщина развилась настолько, что мешает самому комплектованию и функционированию Вооруженных сил и является постоянной темой в СМИ. В общественном дискурсе дедовщина не воспринимается как нечто исключительное, а признается системной. Кроме того, дедовщина усугубляется экономическим и социальным кризисом, который пронизывает как Вооруженные силы, так и все общество постсоветской России

²³ Soldiers' Mothers of St. Petersburg (SMSP). 1996. *The Facade Is Crumbling*.

²⁴ Как отметил один из моих собеседников, служивший срочную службу в спецназе (ГРУ), дедовщина в спецназе менее жестока, чем в регулярных вооруженных силах. Тем не менее, его рассказы о жизни призывника состояли почти исключительно из воспоминаний о жестоком обращении, которому он подвергался или был свидетелем (из интервью с Анатолием, Самара, июль 2006 года).

в целом. Некоторые авторы предполагают, что дедовщина может быть более жестокой в странах с переходной экономикой, где социальная напряженность проявляется в армейской жизни [Daucé et al. 2007: 22]. Безусловно, проблемы, связанные с посткоммунистической реформацией, такие как недофинансирование, дефицит и коррупция, усугубили дедовщину в России.

Военные чиновники и аналитики обеспокоены вредным влиянием дедовщины на боеготовность российских Вооруженных сил. Такие организации, как «Солдатские матери Санкт-Петербурга» или Human Rights Watch, а также многие западные исследователи определяют главную проблему дедовщины в нарушениях прав человека, которые по разному проявляются в жизни призывников. Среди причин дедовщины выделяют несколько. Некоторые наблюдатели связывают ее возникновение с наследием советской лагерно-тюремной культуры или с сокращением срока военной службы в 1967 г. с трех лет до двух (с четырех лет до трех на флоте), что создало четыре отдельные группы призывников (два срока призыва, двухлетняя служба). Йорис Ван Бладел, напротив, применил к дедовщине концепцию «тотальных институций» Эрвинга Гофмана и рассматривает ее как «рациональную реакцию солдат, как в качестве отдельных людей, так и в качестве группы, на странный и замкнутый военный мир» [Van Bladel 2003: 64]. Он подчеркивает роль в этой системе дефицита: «Как правило, тотальные институты навязывают систему, в которой отсутствует свобода, но российским солдатам не хватает даже более фундаментальных вещей, таких как еда, напитки и особенно деньги» [Van Bladel 2003: 63]. Ван Бладел идет дальше и утверждает, что постсоветский экономический кризис усиливает дефицит и делает дедовщину еще более жестокой [Van Bladel 2003: 69]. Многие бывшие призывники, опрошенные организацией Human Rights Watch в 2002 и 2003 гг., жаловались на то, что их заставляли отказываться от еды и отдавать деньги и сигареты «дедам». Есть также сообщения о том, что призывникам приходилось попрошайничать или воровать под угрозой насилия [Human Rights Watch 2004: 31/42; Van Bladel 2003: 66–67]. Еще один фактор, который некоторые исследователи подчеркивают в свя-

зи с дедовщиной, это отсутствие в российской армии профессионального сержантского корпуса²⁵. Что, в свою очередь, приводит к тому, что призывникам приходится самим устанавливать дисциплину, в то время как офицеры демонстрируют безразличие [Herspring 2005: 609–610; Van Bladel 2003: 71].

Что все эти подходы и объяснения не учитывают, так это значение гендера для более глубокого понимания этого явления²⁶. Дедовщина в различных ее проявлениях присуща многим институтам, в которых преобладают мужчины. Например, командный спорт, высшие учебные заведения, полиция, политические организации или профессиональные ассоциации, а также вооруженные силы разных стран²⁷. Практика дедовщины направлена на то, чтобы сломать человека и переделать его в члена братства, как выразился один из моих интервьюируемых, бывший призывник: «Ты был кем-то на гражданской улице, здесь ты никто»²⁸. В такой «ломке» часто прибегают к унижениям, связанным с гендером, феминизируя новых членов группы. В российской армии слабых солдат называют «сестрами» и заставляют выполнять черновую работу, ассоциирующуюся с женственностью, например, стирать белье или заправлять постель тех солдат, что служат дольше. В некоторых случаях призывников подвергают сексуальному унижению, заставляют имитировать половой акт или они оказываются жертвами сексуального насилия [Human Rights Watch 2004: 50–52]. Таким образом, иерархия среди призывников, основанная на старшинстве, является также гендерной иерархией, в которой старшие мужчины феминизируют более младших

²⁵ Недавние попытки ввести в российскую армию корпус профессиональных унтер-офицеров не увенчались успехом (The Military Balance 2010. Institute of International, and Strategic Studies. London: International Institute for Strategic Studies, 2010. P. 215).

²⁶ Исключением является труд Кона [Кон 2007: 84–88]. Также Ван Бладель в своей диссертации [Van Bladel 2004: 179] указывает на то, что сексуальное насилие используется с целью лишения мужчины его мужского достоинства.

²⁷ Для более подробного изучения дедовщины как явления см. [Gill 1997: 527–550; Whitworth 2004: ch. 6; Higate 2003].

²⁸ Из интервью с Анатолием, Самара, июль 2006 года.

мужчин, чтобы установить свое господство²⁹. В результате униженные хотят преодолеть свой феминизированный статус. Если призывники достаточно сильны физически, они могут дать отпор или, с разрешения дедов, — издеваться над другими [Van Bladel 2003: 67]. В противном случае им приходится ждать, пока они продвинуется в иерархии и смогут сами унижать новых призывников. Феминизация — это этап, который призывники должны пройти на пути к «мужской зрелости».

Именно такие виды издевательств считаются якобы необходимыми для того, чтоб стать мужчиной. В одном из дел, расследованных «Солдатскими матерями Санкт-Петербурга» и Human Rights Watch, обидчики утверждали, что насилие необходимо для «поддержания дисциплины в войсках», а также для превращения призывников в мужчин [Human Rights Watch 2004: 23]. Мужчины, с которыми я беседовала, признавали важность гендерного аспекта в дедовщине, но именно с целью оправдания мужского насилия. По мнению одного из бывших призывников, Анатолия, «мужской коллектив» всегда жесток и брутален³⁰. А Юрий утверждал, что разделение по возрасту и опыту присуще любому мужскому коллективу. Он также связывал дедовщину с сущностью мужчин: «Может быть, это мужская природа, физиология, и в глубине души мужчины любят мучить — кошек, женщин, солдат... В глубине каждого мужчины прячется садист»³¹. Игорь, двадцатипятилетний инженер-строитель, уклонившийся от призыва, утверждал, что «это просто глупость. Когда пара парней собирается вместе и им скучно, они начинают развлекаться». Далее он рассказал историю своего друга, который за отказ постирать носки товарища по службе был так сильно избит, что провел больше месяца в больнице³². То есть дедовщина опирается на гендерно обусловленную идеологию, которая помогает

²⁹ Для более подробного изучения господствующих и второстепенных видов маскулинностей см. [Connell 1987; Hooper 1998: 28–53].

³⁰ Из интервью с Анатолием, Самара, июль 2006 года.

³¹ Из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

³² Из интервью с Игорем, Самара, июль 2006 года.

оправдать или по крайней мере объяснить жестокость и насилие. Однако жестокость этих практик и множество смертей, вызванных ими, сделали все более трудным поддержание мифа о гендерном порядке — якобы стратегии унижения и насилия необходимы для того, чтоб стать «мужиной». Из-за дедовщины сама идея о том, что мужчины должны служить в армии, не казалась такой очевидной в 1990-е гг. Как сказал один срочник, который из-за постоянных издевательств дезертировал: «Я думал, что долг каждого мужчины — служить в армии. Но я бы не подписался, если бы знал условия. Пойти в армию было самой большой ошибкой в моей жизни» [Matloff 1999]. Широко распространенные в СМИ сообщения об условиях, в которых находились призывники, и анекдотические свидетельства о военной службе от друзей и родственников изменили взгляды общества на призыв и армию. В 1997 году Сара Браун заметила: «Истории о голоде, болезнях и жестокой дедовщине в казармах заменили рассказы о былой славе советской армии» [Brown 1997: 62]. Опрос, проведенный в 1998 г., показал, что большинство (61 %) респондентов считают, что здоровые молодые люди не должны служить в армии, но им должна быть предоставлена возможность пройти альтернативную гражданскую службу [Фонд «Общественное мнение» 1998]. В постсоветской России условия, связанные с иерархической дедовщиной среди солдат и усугубленные экономическим кризисом, подорвали представления о военной службе как о мужском долге. Значительные социально-экономические изменения, включавшие в себя введение рыночной экономики и появление новых представлений о мужественности, только поддерживали эти настроения.

Рыночная экономика и класс: новые представления о мужественности

В советское время прохождение военной службы не противоречило трудовой деятельности молодого человека. Напротив, часто это считалось ответственным моментом в его развитии.

Экономические трансформации оказали глубокое влияние на самопонимание мужчин и на общественные представления о мужественности, в том числе и в отношении военной службы. В условиях рыночной экономики не иметь рабочего места считается серьезным недостатком. Ребекка Кей указывает на это, когда говорит о «противоречиях призыва в рыночной экономике» [Кау 2006: 67–68]. Многие молодые мужчины воспринимают военную службу как нечто противоречащее требованиям быстро развивающейся рыночной экономики. Валерий объяснил мне это так:

Наверное, я не первый, кто говорит вам, что для того, чтобы иметь какие-то перспективы в жизни, лучше в армию не идти. Сегодня все развивается быстрыми темпами, за два года можно потерять все контакты, и ты уже никому не нужен. Я лично считаю, что мне нужно учиться, а не служить в армии³³.

Сегодня многие мужчины считают, что служба в армии нарушает течение их жизни и может значительно ухудшить их карьерные возможности. Более того, они опасаются влияния военной службы на их психическое здоровье и интеллектуальное развитие, что тоже, в свою очередь, может отрицательно сказаться на их способности снова занять позицию на рынке труда. Игорь упомянул эти моменты:

Ключевой аргумент против службы в армии для меня — деградация. Человек, который туда идет, просто выбрасывает два года жизни. За эти годы у него нет возможности развиваться, он становится тупым. Кроме того, разрушается психика. Мне это не нужно. Я закончил училище, работаю по специальности, зарабатываю хорошие деньги. Я не уверен, что если я сегодня пойду в армию, то через два года я буду кому-то нужен³⁴.

³³ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

³⁴ Из интервью с Игорем, Самара, июль 2006 года.

И Валерий, и Игорь подчеркивали, что они не хотят служить в армии именно по причине перспектив на рынке труда. Николай также упомянул «пустую трату времени» как одну из основных (после дедовщины) причин уклонения от призыва и прямо связал ее с конкуренцией: «Время в армии — это время, за которое ты мог бы что-то сделать. Армия — это как тюрьма. За время службы человек выпадает из общества. Вернуться обратно очень сложно. Ровесники за это время *ушли вперед*, и их трудно *догнать*»³⁵. Упомянутые этими молодыми людьми причины, такие как потеря времени, а также отставание и невостребованность впоследствии, приобрели большее значение в связи с переходом России к рыночной экономике и уже не соответствуют государственной идее, что военная служба — это обязанность граждан мужского пола. Опасения, о которых говорили со мной те, кто уклонился от призыва, подтверждаются исследованием Марины Ильиной, которая писала о трудоустройстве мужчин. После окончания военной службы ее респондентам было крайне трудно вернуться к учебе или восстановить свои позиции на рынке труда. Она приходит к выводу, что служба в армии — один из основных факторов, который может негативно влиять на трудоустройство мужчин³⁶.

Основное различие во взглядах на проблемы армии и призыва проходит по линии, разделяющей поколения. По данным опросов, респонденты старшего поколения имеют более высокий уровень доверия к военной системе и постоянно демонстрируют большую поддержку всеобщему призыву [Webber, Zilberman 2006: 167]. Отчасти это связано с тем, что старшее поколение было социализировано в советское время. На вопрос о том, должен ли настоящий мужчина отслужить в армии, Валерий ответил: «Этого мифа уже не существует. Он существует в головах поколения наших родителей, куда его “вбили”. Большинство людей так же

³⁵ Из интервью с Николаем, Самара, июнь 2006 года. Курсив авторский.

³⁶ Среди других факторов, которые могут негативно сказываться на трудоустройстве мужчин, злоупотребление алкоголем, развод, болезнь самого мужчины или члена семьи [Щуina 2006: 193–212].

не думает»³⁷. Однако разница во взглядах разных поколений на воинствующую мужественность также связана с тем, что, по мнению молодых мужчин, ситуация в самих Вооруженных силах стала намного хуже. Для Игоря военная система, возможно, когда-то и была источником мужественности, но больше таковой не является:

Ты сказала, что многие верят в то, что каждый мужчина должен служить в армии. Мне кажется, что так думали раньше. Сегодня у нас совершенно другая жизнь и совершенно другие условия. Если раньше можно было действительно пойти служить и стать в армии сильным, стать мужчиной, то сегодня все иначе³⁸.

В советском обществе широко распространенные представления о мужественности были связаны с военной службой более тесно, чем сегодня. Председатель одного из комитетов солдатских матерей в Самаре утверждает, что раньше прохождение военной службы делало мужчин привлекательными для многих гетеросексуальных женщин, но сейчас ситуация изменилась. Оля Т. рассказывает: «В моем поколении, если мужчина не служил в армии, то все думали, что у него какой-то дефект, что он больной. Девушки старались избегать таких мужчин: “Ой, ты знаешь, он не служил в армии!”»³⁹. Игорь отметил, что, хотя старшее поколение может неодобрительно относиться к тому, что он уклонился от призыва, среди его сверстников он не встречал осуждения⁴⁰. Валерий тоже подчеркивал, что не сталкивался ни с какими предрассудками из-за своего уклонения от призыва:

Мне не встречался человек, который бы осудил меня. Мне кажется, если человек хочет пойти в армию и в итоге служит, то его семья это одобряет. У нас разное отношение к жизни,

³⁷ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

³⁸ Из интервью с Игорем, Самара, июль 2006 года.

³⁹ Из интервью с Ольгой Т., главой одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁴⁰ Из интервью с Игорем, Самара, июль 2006 года.

и все хорошо отнеслись к моему решению. Я не встречал никаких упреков. Родители помогли мне деньгами, они не хотели, чтобы я служил⁴¹.

Так же и Николай считает, что уклонение от призыва не несет в себе какого-то негативного социального оттенка: «Сейчас общество не рассматривает отказ от службы как признак того, что ты плохой человек»⁴². В постсоветской России значительное число молодых людей не рассматривают службу в армии как ключевую часть своей жизненной истории, как важный фактор для осознания себя мужчиной. Скорее, они видят в этом препятствие для достижения успеха в рамках рыночной экономики. Кроме того, они не испытывают социального давления; уклоняющиеся от призыва чаще встречают сочувствие, чем неодобрение, хотя различия между поколениями сохраняются. Например, в ходе всероссийского опроса 2003 г. о своей симпатии к уклоняющимся от призыва заявили 40 % от всех респондентов и 34 % от респондентов старше шестидесяти лет⁴³.

Другой способ понять, как экономические преобразования повлияли на военизированную маскулинность, — изучать недавние представления о том, что же такое мужественность. Появление рыночной экономики и классовых различий способствовало возникновению классовых определений мужественности [Garro 2004: 92–94]⁴⁴. Анатолий Ливен отмечает привлекательность для

⁴¹ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

⁴² Из интервью с Николаем, Самара, июнь 2006 года.

⁴³ Опрос также показал, что сочувствие к уклоняющимся от призыва и поддержка полностью добровольческих вооруженных сил значительно выше среднего среди женщин в возрасте от 30 до 49 лет и среди респондентов с высшим образованием [Gerber, Mendelson 2003: 8].

⁴⁴ Развитие этого феномена, скорее, ускорило в результате капиталистических трансформаций России, однако вряд ли это можно называть новым явлением. Уже в последние два десятилетия существования Советского Союза процессы урбанизации и модернизации начали влиять на идентичность и ценности молодых мужчин. Кроме того, альтернативные представления о мужественности, в частности связанные с криминальным миром, существовали в маргинализованных социальных группах на протяжении всего советского периода [Handelman 1995].

молодых мужчин постсоветской России капиталистической мужественности по сравнению с традиционной военизированной мужественностью:

Сегодняшняя российская молодежная культура является преимущественно немилитаристской и безразличной либо враждебной к идее самопожертвования и военной дисциплине. Фигуры, которыми сегодня восхищаются молодые россияне, — это та или иная разновидность «новых русских»: банкиры или «бизнесмены» мафиозного типа с их дорогими машинами, показным образом жизни и стайками «подруг». Бедный старый капитан Максим Максимыч, выполняющий свой долг на Кавказе, тут попросту не имеет никаких шансов [Ливен 2019: 448]⁴⁵.

Мне кажется, Ливен недооценивает, насколько мафиозный тип «новых русских» неприятен большинству россиян, и следовательно, вряд ли может быть новым эталоном мужественности для молодых российских мужчин. Однако он прав, утверждая, что решающей характеристикой мужественности в постсоветской России стал класс. Исследование Елены Мещеркиной показывает, что мужчины из нового предпринимательского класса смогли защитить или восстановить свое мужское «я» в период экономической трансформации [Meshcherkina 2000: 105]. В интервью, которые она проводила с представителями нового класса крупных предпринимателей России, они часто противопоставляли свое вольготное положение после падения государственного социализма своему уязвимому статусу по отношению к Советскому государству. Она объясняет:

Такие мужчины сейчас — носители таких ценностей, как склонность к риску, независимость, индивидуализм. Они часть более широкого явления, а именно реабилитации предпринимательства в современном российском обществе; реабилитации, которая связывает предпринимательство с ценностями, которые культурно определяются как мужские [Meshcherkina 2000: 109].

⁴⁵ Ливен признает, что для мужчин классовые привилегии напрямую связаны с властью над женщинами и доступом к женскому телу.

Частный бизнес развивался как преимущественно мужская сфера деятельности. Распространенные представления о мужественности все больше связаны с капиталистическими ценностями и предлагают прототип бизнесмена [Garova 2004; Юрчак 2001: 245–267]. Большинство моих респондентов определяли свое «я» как связанное с рыночной экономикой, но выражали его в более скромных терминах, определяя себя как кормильцев или профессионалов.

Важность классовых представлений о мужественности также становится очевидной, когда мы рассматриваем социальный состав российской армии. Мужчины из экономически привилегированных слоев населения и из городских центров чаще имеют такие ресурсы, как связи, статус студента или возможность дать взятку, что позволяет им найти законные или незаконные способы уклонения от службы [Human Rights Watch 2004: 7]. Военный призыв несет непропорционально высокие социальные расходы для бедных семей. Исследование Михаила Локшина и Руслана Емцова показывает, что «в богатых семьях ... вероятность призыва сыновей в армию как минимум в три раза ниже, чем в бедных» [Lokshin, Yemtsov 2008: 382]⁴⁶. Константин Банников справедливо утверждает, что «вооруженные силы являют собой красноречивую картинку ... увеличивающегося социального неравенства в российском обществе» [Bannikov 2004: paragraph 51]. Сергей, самарский активист движения против военного призыва, подчеркнул, что уклонение от призыва стало признаком социального статуса. Он объяснил: «Никто не хочет чувствовать себя социально ограниченным, а служба в армии сегодня — это признак низкого социального положения. Если у человека низкое социальное положение, то значит, он будет служить в армии, потому что он не сможет “купить себе освобождение”». Мужчи-

⁴⁶ Эти экономисты попытались выявить социальные издержки призыва с помощью эконометрического анализа. Их вывод заключается в том, что «узко определенная статическая альтернативная стоимость (выраженная в виде потерянной заработной платы) военного призыва составляет в среднем 15 % от потребления домохозяйств, но может достигать 30 % от потребления бедных домохозяйств на душу населения» [Lokshin, Yemtsov 2008: 382].

ны из экономически неблагополучных слоев населения могут не иметь ресурсов, необходимых для того, чтобы избежать военной службы. Поскольку классовые различия коррелируют с разрывом между городом и деревней, молодые люди из сельских регионов России будут служить с большей вероятностью, чем их сверстники из Москвы. Хотя российские мужчины все реже отождествляют себя с представителями воинствующей мужественности, которая напрямую связана с обязательной военной службой, возможность уклонения от призыва во многом зависит от классовой принадлежности и регионального положения.

Юрий, один из моих собеседников, утверждал, что именно мужчины из сельской местности и рабочего класса в основном принимают на веру миф об армии как о «школе мужества» и считают, что служба в армии может обеспечить социальную мобильность и предоставить новые возможности (то есть работает как социальный лифт)⁴⁷. Это наблюдение нельзя назвать беспочвенным, учитывая глубокий социальный кризис, поразивший депрессивные сельские регионы России. Результаты опросов также показывают, что идея военной службы как школы жизни более распространена среди сельских и менее образованных респондентов [Фонд «Общественное мнение» 2000а]. Однако я считаю, что важно избегать классовых и элитарных предположений, которые склонны воспроизводить дискуссии о классовом составе российских призывников. Дейл Р. Херспринг, например, подчеркивает низкое «качество» призывников как с точки зрения отсутствия образования, так и с точки зрения плохого здоровья. Он утверждает, что к 2004 г. было очевидно, что «качество и характер тех, кого призывают в армию, находятся на “дне”» [Herspring 2005: 622]. Среди тех своих интервьюируемых, которые уклонялись от военной службы, я часто встречала мнение о том, что у тех, кто пошел в армию, «мало мозгов» или что они по больше части «плохие люди»⁴⁸. Валерий выразил свое мнение так:

⁴⁷ Из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

⁴⁸ Из интервью с Игорем и Валерием, Самара, июль 2006 года.

Сама армия — ужасное место. Попадание туда только разрушает жизнь человека. Твоя жизнь в армии зависит не только от того, как устроена армия, но и от людей, с которыми ты сталкиваешься. А большинство людей там — плохие люди: люди, которые не смогли себя реализовать, не смогли вовремя взять себя в руки. Мне кажется, что большинство людей, которые туда попадают, делают это осознанно. Это люди, которым нечем заняться⁴⁹.

Тот факт, что большинство призывников в России — это выходцы из социально неблагополучных семей, является проблемой, но это, прежде всего, проблема справедливости, свидетельствующая о массовом росте социального неравенства в результате перехода к рыночной экономике. Потерпевшие поражение в результате экономических преобразований с большей вероятностью окажутся сегодня на службе в армии, что, в свою очередь, способствует формированию в обществе негативного отношения к такой армии и самим призывникам. Указанный социально-экономический контекст используется для оправдания насилия и издевательств в армии как некоего результата поведения определенного типа мужчин, а не как неотъемлемой части конструирования военизированной мужественности⁵⁰. В постсоветской России военная служба встала отдельно от господствующего типа муже-

⁴⁹ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

⁵⁰ В 2003 году Вооруженные силы РФ опубликовали новые медицинские инструкции, которые запрещали проходить срочную службу, за исключением военного времени, геям, страдающим от алкогольной зависимости и употребляющим наркотики. Такая мера определяет жестокость и насилие среди призывников как связанные с конкретными (девиантными) мужчинами и отрицает их структурную природу (Agence France-Press 2003. Russia Bans Gays, Alcohol and Drug Users from Army. March 13, 2003 / Reprinted in CDI Russia Weekly, № 248). Особую тревогу вызывает медиализация гомосексуалистов, когда их ставят в один ряд со страдающими от алкогольной зависимости и употребляющими наркотики. В конце 2003 г. медицинская служба Вооруженных сил РФ переформулировала свою позицию, заявив, что геям не запрещено служить в армии, хотя и признавала трудности и насилие, с которыми открытые геи могут столкнуться во время службы (Gays Are Not Willingly Accepted in the Russian Army // Pravda. December 1, 2003).

ственности, определяемого через гражданственность, и все больше привязывается к мужественности маргинальной, различающейся по классовому признаку.

В то время как старания государства наделять мужчин гражданским долгом защищать страну утратили свою привлекательность в постсоветской России, рыночные экономические преобразования породили новые формы военизированной мужественности. Начался бум создания частных охранных фирм (часто укомплектованных бывшими военными), которые быстро заполнили оставленный постсоветским государством вакуум гарантий безопасности. Как документально подтвердил Вадим Волков, число частных охранных фирм в России, равное нулю в 1992 г., выросло до 11 652 в 1999 г. В 1999 г. в этих частных агентствах работало 850 000 человек, почти 200 000 из которых имели лицензию на ношение оружия [Волков 2012]. То, что рыночная экономика воспроизводит военизированную мужественность, также видно из успешной продажи военной формы, журналов для солдат и прославляющих агрессивную мужественность фильмов⁵¹. Связь между мужественностью и военной службой — и, соответственно, между военизированной мужественностью и государством — ослабла. Тем не менее, военизированная мужественность в постсоветской России не исчезает, а принимает новые рыночные формы. Служба по контракту — одна из таких новых рыночных форм военизированной мужественности.

Служба по контракту и привлечение к военной службе женщин

Закон о воинской обязанности и военной службе регулирует не только обязательную военную службу, но и службу по контракту или добровольную службу, на которую могут претендовать

⁵¹ О репрезентациях милитаризованной мужественности в кино (часто в контексте чеченских войн) см. [Hartmann 2002; Зверева 2002: 102–109; Саркисова 2002: 94–101; Engel 2003: 604–617; Gillespie 2006: 80–93].

как мужчины, так и женщины⁵². С самого начала постсоветского периода переход к профессиональной армии, состоящей исключительно из добровольцев, служащих по контракту, был насущной темой в дискуссиях о военной реформе. С точки зрения государства, служба по контракту рассматривается как способ компенсации общественного несогласия с всеобщим военным призывом. Официальные военные лица сопротивлялись переходу на контрактную армию, частично аргументируя это тем, что финансовые затраты, связанные с ней, гораздо (более чем в два раза) выше в сравнении с той, где служат по призыву [Golts, Putnam 2004: 134].

Военная стратегия, которая по-прежнему требовала в традиционном виде войны превосходства в численности, также была одним из оправданий нежелания отказаться от всеобщего воинского призыва [Golts, Putnam 2004: 126].

Контрактниками могут стать либо те, кто уже прошел армию, либо отслужившие как минимум первые шесть месяцев. В постсоветской России число контрактников выросло примерно до 170 000 человек, но все еще не достигло целевого показателя [Spivak, Pridemore 2004: 41]. В 2004 году их количество достигало 17 % от этого показателя в Московском военном округе, 45 % в Северо-Кавказском военном округе и 25 % в Приволжско-Уральском военном округе⁵³. По сравнению с тем, что российские молодые мужчины могут заработать в частном секторе, низкая зарплата военного не делает Вооруженные силы особенно привлекательным работодателем.

Женщины составляют более половины всех добровольцев и почти 10 % от всего личного состава Вооруженных сил. Ввиду проблем, с которыми они сталкиваются на рынке труда, некоторые из них находят военную службу привлекательным вариантом. Женщины несоразмерно пострадали в результате рыночных реформ (особенно в ранний их период), которые имели гендерно

⁵² Правительство РФ 1998. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

⁵³ International Institute for Strategic Studies. 2005. The Military Balance 2005–2006.

обусловленные последствия, такие как высокий уровень женской безработицы и бедности [Sperling 1999: 146–158]. Таким образом, на военную службу женщин призывала экономическая необходимость. Опросы показывают, что в военном деле женщины-добровольцы «ищут, по крайней мере, период стабильной работы и финансовой безопасности» [Mathers 2000: 135]. Другой причиной могут быть их родственники, которые служат в армии или живут недалеко от гарнизона [Eifler 2004: 106]. С начала 90-х гг. число женщин, поступающих на службу в российские Вооруженные силы, возрастает. На момент распада Советского Союза в Советской армии было всего 10 000 женщин-добровольцев. В постсоветский период их число увеличилось примерно до 100 000 [Enloe 2000a: 259–260; Mathers 2000: 129–130; Смирнов 2000: 128; Eifler 2005: 103–105; Mathers 2006: 207–227].

Военные институты последовательно старались не изображать военную службу как карьерную возможность для женщин, а, скорее, подчеркивали «женственность» последних. Возрастающее их присутствие объясняется как исключительная и временная мера в связи с нехваткой кадров. Как отмечает Кристин Эйфлер: «Женщины необходимы для поддержания функционирования вооруженных сил. Но в то же время им не позволено нарушать мужественность этого института» [Eifler 2001: 277]. Предполагается, что, как только дефицит кадров будет преодолен, женщины вернутся в частную сферу, и «естественный» гендерный порядок будет восстановлен [Eifler 2001: 275]. Большинство трудоустроенных в Вооруженных силах женщин работает на административных, медицинских и околоцерковных позициях. Они были отстранены от участия в боевых действиях, хотя некоторые из них принимали участие в чеченских войнах [Mathers 2000: 131]. В одном из отчетов, написанном научным сотрудником Федеральной службы безопасности, автор утверждает, что российские вооруженные силы могут увеличить число женщин-добровольцев, не нанеся ущерба боеготовности войск. То есть подразумевается, что полная интеграция женщин в вооруженные силы могла бы нанести такой ущерб. Боевые действия определяются как прерогатива мужчин, и, следуя этой логике, роль женщин

в армии необходимо держать под контролем⁵⁴. Синтия Энлоу утверждает, что такой подход — привлекать к военной службе женщин, не бросая при этом вызов самой маскулинной культуре учреждения, нередко считается важным с точки зрения военной системы, которая заинтересована в рекрутировании мужчин [Enloe 2000a: 237–238]. Аналогичным образом, российское государство, вероятно, пытается преуменьшить свою зависимость от женщин, чтобы не подорвать и без того ослабленную связь между мужественностью и армией⁵⁵.

Когда российские СМИ пишут о женщинах-военнослужащих, они в целом воспроизводят позицию военных институтов. Примером типичной статьи на эту тему может служить вышедший в 2007 году в газете «Московский комсомолец» материал, посвященный единственной в России женщине — командиру батальона Ольге Мальцевой. Автор статьи старательно подчеркивала незапятнанную женственность командира. Суть сюжетной линии может проиллюстрировать следующий вопрос: «Вы всю жизнь командуете мужчинами. А кто в доме хозяин?» На что Мальцева отвечает: «Конечно, муж, он — глава семьи»⁵⁶. Несмотря на то что женщина-командир нарушает военный гендерный порядок, она непременно подчеркивает свой подчиненный (в роли женщины) статус по отношению к мужу в частной сфере.

Растущая зависимость государства от женщин в военной среде говорит о значительных изменениях гендерного порядка в армии. При этом восприятие женщин-военных и в армии, и в СМИ служит подтверждению связи между мужественностью

⁵⁴ Отрывок из отчета М. Колосницына был опубликован в «Леди в доспехах» (Леди в доспехах // Интерфакс Время. 2006. 23 августа).

⁵⁵ Также и военные системы других стран все больше рассчитывают на женщин-добровольцев (например, в Новой Зеландии, Австралии, США и Канаде). В отличие от российского дискурса, западные государства в вопросе неоднозначного отношения своей зависимости от женщин полагаются на язык прогресса и демократии.

⁵⁶ Плешакова С. Маманя-комбат: жена-командир — подарок для любого мужчины // Московский комсомолец. 2007. С. 4. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2007/02/22/158059-mamanya-kombat.html> (дата обращения 10.09.2022).

и вооруженными силами. Увеличение числа женщин в военном деле не приводит к пересмотру гендерных отношений между гражданственностью и военной службой, которая воплощена в образе мужчины-гражданина-солдата. Растущее количество женщин-добровольцев привлекает мало внимания общественности. Мужчины и женщины, с которыми я беседовала во время моей этнографической работы, не находили этот вопрос особенно важным. Большинство считали, что женщины могут служить в армии, но не на боевых должностях, — что отражает официальную позицию Вооруженных сил⁵⁷. Следует также отметить, что российское женское движение не считает равенство мужчин и женщин в Вооруженных силах актуальной проблемой.

Тем не менее, изменения внутри военных структур и в обществе подрывали успех государственной призывной политики и бросали вызов взаимосвязи мужественности и военной службы в постсоветской России. Две чеченские войны еще более ослабили общественную поддержку всеобщему призыву и способствовали увеличению уклоняющихся от военной службы. Во время этих войн количество общественных дискуссий и критики воинской повинности увеличилось, особенно когда призывников-срочников, часто плохо обученных, отправляли в зону боевых действий.

Воинская повинность и чеченские войны

В начале первой и второй чеченских войн государство с трудом могло укомплектовать необходимые для боевых действий войска. В 1994 г. оно было вынуждено созвать подразделения со всей страны. Во время второй войны укомплектование войск заняло месяц, несмотря на то что подготовка к возобновлению военной кампании началась еще за несколько месяцев до этого. Позднее, отвечая на вопрос о начале второй чеченской войны, Путин признал: «Некого было отправлять на войну» [Golts, Putnam 2004: 135]. Помимо количества военнослужащих, другой главной проблемой была их

⁵⁷ Интервью, взятые в Самаре в июне и августе 2006 г.

недостаточная подготовка [Trenin et al. 2004: 109]. Это стало очевидным в первые дни первой чеченской войны, когда во время штурма Грозного погибли сотни необученных срочников. Как сказал один наблюдатель: «Первая чеченская кампания — показатель дна российской боеготовности. Когда войска вошли в Грозный, они были безжалостно уничтожены» [Herspring 2006: 519].

Один из уклонистов, с которым я беседовала, Николай, был студентом в возрасте около двадцати лет. Я познакомилась с ним благодаря общению с местным активистом, который борется с обязательным призывом. В качестве причины своего нежелания идти в армию Николай называл высокий уровень потерь среди призывников во время первой войны: «Там была настоящая мясорубка, в которую бросали необученных новобранцев. Это подрывало доверие к армии очень многих. Никто не хотел идти в армию и умирать безо всякой на то причины»⁵⁸. Точно так же мать молодого мужчины, возраст которого приближался к призывному, сказала мне: «Самое главное и самое страшное — это то, что мой ребенок может оказаться в одной из “горячих точек” и получить там ранение. Если ребенок пойдет на войну, мать может даже потерять его навсегда!»⁵⁹ Высокий уровень потерь был одним из факторов, который подрывал желание молодых людей служить и ослаблял поддержку войны со стороны родственников призывников и более широкой общественности. Средства массовой информации подробно освещали тяжелое положение как российских солдат, так и разделенного по этническому признаку мирного населения⁶⁰. Во время второй войны армия перешла от стратегии минимальных «сопутствующих потерь» к стратегии массивирован-

⁵⁸ Из интервью с Николаем, Самара, июнь 2006 года.

⁵⁹ Из интервью с Ларисой, Самара, июнь 2006 года. Лариса сказала мне также, что для того, чтоб помочь своему сыну избежать армии, она планирует выйти замуж за гражданина США и уехать в Соединенные Штаты. Как я узнала позже, ей это удалось. Согласно некоторым шуткам, в решении российских семей с мальчиками эмигрировать важным «подталкивающим фактором» является призыв в армию.

⁶⁰ Война вызвала массовую волну беженцев, в 1995 г. число перемещенных лиц внутри страны составило около 250 000 человек [Zurcher 2007: 101].

ного применения силы, включая воздушные и артиллерийские бомбардировки. Это было сделано с целью избежать потерь среди федеральных войск и, как писал один военный аналитик, чтоб «компенсировать низкое качество... боевых подразделений в Чечне» [Felgenhauer 2000]. Вторая война имела большой военный успех именно из-за массированного применения силы, а не в результате улучшения ситуации с составом военных [Herspring 2006a: 151]. По сравнению с первой войной, в Чечню было переброшено большее количество военных, также было больше потерь среди гражданского населения⁶¹. Так как битва за Грозный снова привела к массовой гибели людей, от официального лозунга второй чеченской кампании «война с малыми потерями» пришлось, в конце концов, отказаться [Felgenhauer 2000]. Во время первой войны СМИ не скрывали тяжелой ситуации как в российских федеральных войсках, так и среди гражданского населения, тогда как освещение второй войны не изобиловало фотографиями погибших солдат или упоминаниями о жертвах среди гражданского населения. Вместо этого по телевидению показывали точечные бомбардировки чеченских объектов российскими ВВС. Это, скорее, напоминало освещение западными СМИ войны в Персидском заливе и войны НАТО против Сербии [Wagner 2000: 163]. Причиной тому была работа отделов по связям с общественностью в правительстве и в Вооруженных силах, а также более жесткий контроль над СМИ во время второй войны [Trenin et al. 2004: 106; Sivaeva 2000]. Уже к началу 2000 г. некоторые СМИ, такие как (все еще) независимое и критикующее правительство НТВ, вновь стали сообщать о «российских неудачах на поле боя и о скорби матерей, чьи сыновья погибли, а также об офицерах на местах, которым было разрешено освещение ситуации, противоречащее позитивным сообщениям, исходящим от их командиров»⁶².

⁶¹ Война привела к появлению большого количества беженцев, и их перемещение продолжалось дольше, чем во время первой войны. Цюрчер приводит следующие цифры: от 56 000 до 239 000 перемещенных лиц в период с сентября 1999 г. по август 2001 г. [Zurcher 2007: 99–102].

⁶² Analysis: Media Swings against Military // BBC News online. 2000. January 11.

Попавшие на войну новобранцы, помимо трудностей боевой обстановки, испытывали на себе еще и проблемы обычного призывника⁶³. По словам Аркадия Бабченко, который был срочником во время первой войны и добровольцем во время второй, дедовщина была широко распространена среди военнослужащих в зоне конфликта [Бабченко 2016]. В 2004 году два российских ученых утверждали, что «более половины потерь во второй чеченской кампании (а в некоторых частях до 80 %) — это результат дедовщины, нарушений правил техники безопасности и других небоевых ситуаций» [Trenin et al. 2004: 141]. Дедовщина отрицательно сказалась на боеготовности федеральных войск в Чечне как в материальном, так и в моральном плане. Бабченко отмечает, что порой солдаты были вынуждены продавать свое оружие и боеприпасы, чтобы расплатиться с дедами и другими притеснителями [Бабченко 2016]. О том, как опыт войны усугубил применение насилия, он рассказывает так: «Наши деды уже убивали людей и хоронили своих товарищей, они не верят, что сами выживут на этой войне. Поэтому избиения здесь — норма; все равно все умрут: и те, кто бьет, и те, кого бьют. Так какая тогда разница?» [Бабченко 2016: 59]. Также иногда поступала информация о том, что в зоне конфликта солдаты убивали своих обидчиков [Herspring 2005: 621].

Осенью 1995 г. официальное число уклонившихся от призыва достигло нового максимума — 31 000 человек. В отчете о первой войне в качестве основных причин уклонения назывались такие, как «война в Чечне, возможность быть убитым на непопулярной среди народа войне, дедовщина, отсутствие четких государственных гарантий социальной защиты» для военнослужащих [Litovkin 1996]. Проблемы, с которыми столкнулось государство при мобилизации молодых людей, были актуальными и во время второй чеченской войны, несмотря на большую расположенность к ней общества. Официальные лица заявляли о снижении уклонившихся от призыва сразу после первой войны, но осенью 1999 г., в начале второй войны, их количество достигало

⁶³ Analysis: Russia's Suffering Conscripts // BBC News online. 2000. January 18.

38 000⁶⁴. Результаты опросов, проведенных на начальном этапе второй войны (2000 и 2002 годы), показывают, что опасность смерти или ранения в конфликте типа чеченского была основной причиной, по которой россияне не хотели бы, чтобы член их семьи или близкий родственник пошел в армию. Выступая против военного призыва, они столь же активно поддерживали переход на службу по контракту. На протяжении большей части постсоветского периода поддержка такой службы была примерно вдвое выше, чем поддержка сохранения воинской обязанности. Уже в феврале 1995 г. 68 % респондентов считали переход к профессиональной армии наиболее важным фактором в укреплении воинской боеготовности [Фонд «Общественное мнение» 1995а]⁶⁵. Уклонение от призыва и дезертирство также получили явное одобрение. Опрос, проведенный в 2002 г., показал, что 54 % населения относятся к уклонистам с пониманием и сочувствием и только 35 % осуждают их поведение. Аналогичным образом, дезертиров поддерживали 53 % и негативно оценивали только 28 % респондентов [Фонд «Общественное мнение» 2002а]⁶⁶.

⁶⁴ Russia Launches Spring Military Draft Campaign // CDI Russia Weekly. 2000. Бабченко возмущен мужчинами, которые имели возможность уклониться от призыва и воспользовались ею. Он подчеркивает классовый состав войск в зоне боевых действий: «В этих палатках нет умных и красивых. Всех умных и красивых от войны отмазали богатенькие папаши, а в Грозном умирают обычные парни, у которых не было денег откупиться. В этих палатках горами свалены дети рабочих, учителей, крестьян, простых служащих, словом, всех тех, кого государство разорило грабительскими реформами, а потом бросило подыхать. В этих палатках — дети тех, кто не сумел дать на лапу, кому нужно, или считал, что военная служба — это долг и обязанность каждого мужчины» [Бабченко 2016: 85–86]. В этой цитате Бабченко не только указывает на неравенство, определяющее военную службу в современной России, но и затрагивает вопрос о том, что многие молодые люди больше не считают эту службу долгом каждого мужчины и поэтому предпочитают не служить. И классовая принадлежность, и представления о мужественности влияют на то, кто служит в армии и кто в итоге участвует в войнах от имени государства.

⁶⁵ Опрос также указал на различия среди разных поколений: такого мнения придерживались 76 % молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет и только 55 % людей старше 55 лет.

⁶⁶ На аналогичные результаты в отношении поддержки полностью контрактных вооруженных сил и симпатии к призыву указывали и [Gerber, Mendelson 2003].

Протест мужчин призывного возраста происходил на личном, а не на общественном уровне. Чтоб избежать военной службы, вместо коллективных действий они обращались к «социальным сетям и индивидуальным стратегиям» [Zdravomyslova 2007: 213]. Однако именно матери призывников и молодых людей призывного возраста играли общественную роль в противостоянии как войне в Чечне, так и обязательной воинской повинности. Комитет солдатских матерей России поддерживал как молодых людей, стремящихся уклониться от призыва, так и дезертиров. Эми Кайацца утверждает, что деятельность солдатских матерей способствовала распространению дезертирства и уклонения от призыва [Caiazza 2002: 139–141]⁶⁷. Хотя Ельцин во время своей президентской кампании 1996 г. подписал указ, обещавший, что солдаты срочной службы будут отправляться в зоны конфликтов только на добровольной основе, во время второй войны они снова оказались в Чечне. В начале 2000 года Министерство обороны пообещало, что не прошедшие шестимесячной подготовки призывники не будут служить в зонах конфликта⁶⁸. Кроме того, президент Путин заявил, что с 2005 г. войска в Чечне будут полностью состоять из контрактников [Tkachuk 2005: 2]. Эти заявления были реакцией на массовое уклонение военнообязанных от призыва и попыткой развеять опасения населения по поводу отправки призывников в зону боевых действий. Комитет солдатских матерей критически оценивал добровольный характер контрактов, подписанных призывниками, учитывая, что их могли не предупредить о том, куда их отправляют⁶⁹. В 2006 г. появились сообщения о том, что призывники все еще участвуют в боевых действиях в Чечне⁷⁰.

⁶⁷ Роль солдатских матерей в связи с обязательной воинской повинностью мужчин я обсуждаю более подробно в главе 4.

⁶⁸ Сокирко В. У Родины — настоящий призыв // Московский комсомолец. 4 января 2000.

⁶⁹ Isachenkov V. S. State TV Runs Chechnya Ads // The Moscow Times. 2005.

⁷⁰ Несмотря на обещания Иванова, солдат-срочников отправляют Чечню // Новый регион. 2006. 26 февраля. URL: <https://newdaynews.ru/society/57672.html> (дата обращения 31.03.2022).

Как говорилось в предыдущей главе, Путин пытался создать героический образ российского солдата в рамках своей более широкой программы укрепления государственности и возрождения милитаризованного патриотизма. В данном мне интервью Николай выражал свое скептическое отношение к политике Путина и подчеркивал ее социальную ограниченность: «Они говорили о “возрождении российского солдата”, при этом [во второй войне] были огромные человеческие потери. Мне кажется, что, несмотря на массивную “промывку мозгов”, желающих служить во второй войне стало еще меньше — никто не хочет идти в армию и умирать»⁷¹. Это высказывание фиксирует несоответствие между программой мобилизация населения и сохраняющимся нежеланием мужчин участвовать в войне.

Чтобы справиться с нехваткой рабочей силы, государство обратилось к принудительным мерам. Во время первой войны (1995 г.) был принят закон, который увеличил срок обязательной военной службы с восемнадцати до двадцати четырех месяцев [Spivak, Pridemore 2004: 37–38]. Во время второй войны уже были использованы агрессивные методы вербовки, которые организация Human Rights Watch назвала «военная служба через арест». С улиц стали забирать мужчин призывного возраста, и если у них не было права на отсрочку или противопоказаний по медицинским или возрастным ограничениям, их отправляли служить [Human Rights Watch 2002]. Кроме того, благодаря сотрудничеству местной милиции с военкоматами, ужесточился контроль за поступлением призывников⁷². Проведенный в 2003 г. национальный опрос показал, что большинство россиян не «одобряют практику ареста мужчин, чтоб принудить их к службе» [Gerber, Mendelson 2003: 5]. К тому же список отсрочек от армии также был сокращен, что привело к призыву большего процента мужчин призывного возраста.

Другим методом государства решить проблемы с военными кадрами и смягчить критику общества и СМИ было привлечение

⁷¹ Из интервью с Николаем, Самара, июнь 2006 года.

⁷² Russia Launches Spring Military Draft Campaign // CDI Russia Weekly. 2000. Vol. 96. Jamestown Foundation Monitor.

добровольцев и контрактников. Попытка нанять контрактников была предпринята уже во время первой войны [Barylski 1998: 322–323]. Однако военным было трудно удержать их: многие разрывали контракты, чтобы досрочно покинуть службу⁷³. Доля контрактников среди федеральных войск в Чечне, по официальным данным, выросла с 7 % в начале второй войны до 20 % на осень 2000 г. [Felgenhauer 2003: 7; Golts, Putnam 2004: 136]. Весной 2000 г. Министерство обороны начало активно набирать добровольцев для участия в боевых действиях в Чечне, привлекая их обещаниями высокого материального вознаграждения. Однако неспособность государства платить вовремя и в полном объеме привела к протестам и судебным искам со стороны контрактников [Trenin et al. 2004: 139]⁷⁴. Акцент на контрактников лег на российское государство экономическим бременем, которое оно не могло или не желало нести. С другой стороны, Стивен Шенфилд пишет, что «именно российскими офицерами и наемниками (профессиональными солдатами-контрактниками) служба в Чечне, при всех ее опасностях и неудобствах, стала восприниматься как возможность личного обогащения» [Shenfield 2001: 65]. Взятничество на блокпостах, похищение чеченцев с целью последующего выкупа, продажа оружия и другая коррупционная деятельность — для некоторых война была возможностью заработать деньги [Felgenhauer 2003: 7; Politkovskaya 2001: 65].

Для достижения успехов в рекрутировании контрактников российскому государству стоило бы увеличить финансовое вознаграждение добровольцев. Николай Поросков писал в 2004 г.: «В наше время не так много желающих стать профессиональными военными. Даже в Чечне люди, которые ежедневно идут на смерть, получают всего 15 000 рублей в месяц, а те, кто служит

⁷³ Litovkin V. The Army Is Shooting at Its Own Men: The Main Reason for Today's Tragedies Is Unbearable Living and Service Conditions // *Izvestia*. 1997. June 6. P. 1, 5 / *Current Digest of Post-Soviet Press*. 1996. Vol. 49. № 24. P. 1, 5.

⁷⁴ Контрактникам, участвовавшим в боевых действиях, обещали по 1000 долларов в месяц, но в итоге они получили только треть этой суммы [Golts, Putnam 2004: 136].

в обычных условиях, получают чуть больше 6000» [Poroskov 2004: 4]. Увеличение зарплаты контрактников, однако, не только ложится бременем на государственную казну, но и ставит под сомнение официальную концепцию военизированной мужественности в терминах гражданской обязанности, а не рыночных отношений. Чтобы сделать службу по контракту более привлекательной, государству придется также бороться с существующим вопреки мощной социальной поддержке добровольческих вооруженных сил негативным отношением общества к солдатам-контрактникам. Чеченские войны высветили проблемы призывной политики, но показали, что служба по контракту далека от того, чтобы стать для молодых мужчин легитимной и привлекательной профессией. В ходе проведенных интервью я часто сталкивалась с мнением, высказанном одним российским журналистом: «Как правило, контрактниками становятся мужчины, которые не могут найти себе применения в гражданской сфере, безработные или любители острых ощущений»⁷⁵. Такое отношение подчеркивает упадочность представлений о милитаризованной мужественности в постсоветской России: мужчины, уклоняющиеся от призыва, часто вызывают сочувствие, а те, кто добровольно идет служить, считаются социально ущербными или имеющими какие-то проблемы.

Мощь участвовавшего в чеченских войнах российского государства была подорвана многочисленными проблемами, связанными с воинской повинностью. Войны еще больше ослабили поддержку призыва среди молодежи и общества в целом и указали на то, что, несмотря на общественную поддержку армии, состоящей из добровольцев, служба по контракту сопряжена с финансовыми трудностями и негативным отношением общества к солдатам-контрактникам. Также на готовность мужчин служить в армии и участвовать в боевых действиях влияли изменения смыслов патриотизма.

⁷⁵ Litovkin V. The Army Is Shooting at Its Own Men: The Main Reason for Today's Tragedies Is Unbearable Living and Service Conditions // *Izvestia*. 1997. June 6. P. 1, 5 / *Current Digest of Post-Soviet Press*. 1996. Vol. 49. № 24. P. 2.

Патриотизм в поствоенном обществе?

Отношение к военной системе в постсоветском российском сообществе имеет противоречивый характер. Уровень доверия к военному аппарату во время первой чеченской войны снижался, однако никак не менялся во время второй [Webber, Zilberman 2006: 200, note 30]. Вооруженные силы остались одним из самых доверенных институтов постсоветской России после президента и Русской православной церкви [Shlapentokh 2006]⁷⁶. Тем не менее, большое количество молодых людей не желало служить в армии, а тем более участвовать в боевых действиях. Ослабла не только связь между мужественностью и военной службой, но и связь между военной службой и патриотизмом. Уклонение от призыва стало обычным явлением и, как правило, социально приемлемым, а не осуждаемым. Это удивительно, с учетом того, насколько тесно милитаризм и патриотизм были переплетены в эпоху советской власти.

Когда мы сравниваем постсоветскую Россию с западными обществами, ситуация, которую я описываю, не кажется такой уж странной. Для теоретизации меняющейся природы милитаризации в российском обществе Стивен Л. Веббер и Алина Зильберман обращаются к термину «поствоенное общество». Этот термин был введен в 1991 г. Мартином Шоу для описания второстепенной роли вооруженных сил в политическом, экономическом и социальном плане в западноевропейских обществах после окончания холодной войны [Shaw 1991]. Одним из ключевых сюжетов поствоенного общества оказывается «пересмотр отношений между отдельными гражданами, их обязанностями и правами, в отношении того, что мы можем рассматривать как *военный компонент гражданства*» [Webber, Zilberman 2006: 160]. Несмотря на то что на риторическом уровне после прихода Пу-

⁷⁶ Шлапентох ссылается на опрос, проведенный «Левада-центром» в 2005 г., который показал, что 47 % россиян доверяют Путину, 41 % — церкви и 31 % — армии. Учитывая, что это наиболее авторитетные институты в России, можно судить об очень низком общем уровне доверия к государственным структурам [Shlapentokh 2006].

тина к власти поддержка армии и военного патриотизма усилилась, вполне возможно, что Россия движется к тому, чтобы стать поствоенным обществом. Тот факт, что на риторическом уровне милитаризм по-прежнему привлекателен, также указывает на сходство с западными поствоенными обществами. Чтобы описать менее вовлеченные разновидности военизированной гражданственности, некоторые авторы используют такие понятия, как «милитаризм зрителей». Здесь милитаризованной становится не фигура гражданина-солдата, а гражданина-зрителя [Webber, Zilberman 2006: 160]. Вместо того чтобы присоединиться к многочисленным голосам, описывающим возвращение советского милитаризма, мы можем, наоборот, рассматривать недавние события в контексте посткоммунистических изменений в России и выявить специфические характеристики постсоветской милитаризации, включая те, что связаны с гендерной динамикой.

Экономические и социальные преобразования постсоветского периода усиливали напряжение между патриотизмом и индивидуализмом, который начал появляться уже в позднесоветское время [Gross 1990: 484–485; Ливен 2019: 464–465]. Ослабление связи между военной службой и патриотизмом связано с разрушением общественного договора, который определял отношения между государством и обществом в СССР. Введение рыночной экономики влияло на общественное понимание взаимоотношений между личностью и государством. Игорь описал этот сдвиг так:

Военная служба никак не связана с патриотизмом. Не были они связаны и раньше. Раньше государство воспитывало людей так, что *начала шло общее, а потом частное*. Сегодня каждый заботится о себе, и только потом об обществе. В то же время раньше государство обеспечивало социальные гарантии, жилье, а сегодня оно ничего этого не делает. Тогда почему мы должны что-то делать для него?⁷⁷

Либеральная экономическая трансформация сформировала отношения между государством и обществом таким образом, что

⁷⁷ Из интервью с Игорем, Самара, июль 2006 года.

подорвала общественное принятие обязательной военной службы и ее связь с патриотизмом. Кроме того, чеченские войны и их социальное восприятие как ненужных и политически мотивированных повлияли на отношения армии и общества. Даже несмотря на то, что на начальном этапе второй войны большинство населения поддерживало военное вмешательство, вскоре и эта война потеряла популярность в обществе, чеченские войны не воспринимаются как являющиеся для российских мужчин достаточным основанием в процессе выполнения их «патриотического долга». Это стало очевидным в моем обмене мнениями с Валерием:

— Совсем другой вопрос, если бы вдруг началась война. Тогда я бы пошел сразу, без всяких обсуждений. Во мне есть некоторый патриотизм.

— А чеченский конфликт? Вы не считаете его войной?

— Я не знаю, этот конфликт был далеко... Нет, туда бы я не поехал. Мне кажется, это «неадекватная» война: нас не оккупировали, а мы вмешались. Я считаю, что наши политики повели себя некорректно⁷⁸.

Во время моих интервью снова и снова возникал один и тот же нарратив: мужчины были бы готовы воевать на «настоящей» войне, воплощением которой является Великая Отечественная. Свою позицию Валерий объяснял через упоминание своего деда: «Мой дед участвовал в Великой Отечественной войне. Я смотрел фильмы и читал книги о Великой Отечественной войне. Думаю, я бы долго не рассуждал, если бы разразилась Третья мировая война и Отечеству грозила бы опасность. Я бы сразу пошел защищать его»⁷⁹. Примечательно, что и тем, кто уклонился от призыва, также близко понятие патриотического долга, и это подчеркивает центральное место, которое Вторая мировая война продолжает занимать в российской идентичности [Enloe 2004; Whitworth 2004]. Другой уклонившийся от призыва, Юрий,

⁷⁸ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

⁷⁹ Из интервью с Валерием, Самара, июль 2006 года.

утверждал при этом, что он рассмотрел бы возможность службы, если бы ситуация в Вооруженных силах была лучше. Как он пояснил со ссылкой на немецких военных:

Если бы я жил в Европе, например, в Германии ... вполне возможно, что я бы закончил свою службу... А в российской армии, недисциплинированной, преступной и коррумпированной, конечно, даже служить страшно, потому что с тобой может всякое случиться⁸⁰.

Эти заявления показывают, что мужчины, уклоняющиеся от призыва, не обязательно придерживаются антивоенных взглядов и что их позиция может снова стать провоенной, если обстоятельства изменятся. Поэтому при рассмотрении вопроса о том, становится ли Россия поствоенным обществом, важно иметь в виду особый контекст чеченских войн и постсоветских вооруженных сил. Цитаты указывают на возможность мобилизации мужчин в случае войны, которая бы виделась им более справедливой, чем война в Чечне, и на готовность мужчин присоединиться к реформированным и хорошо финансируемым вооруженным силам.

При Путине государство стало проявлять активный интерес к восстановлению связи между военной службой и патриотизмом. В рамках президентского курса на возрождение патриотизма российское правительство внедрило программу патриотического воспитания, в которой центральное место занимала военная сфера. Первая государственная программа патриотического воспитания (2001–2005 гг.) определила недостаток патриотизма как ключевую проблему государства и общества постсоветской России. В ней говорилось, что посткоммунистический переход породил экономический кризис, социальное разделение, обесценивание духовности, что и привело к снижению патриотизма. Очевидным результатом этого стали «безразличие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институ-

⁸⁰ Из интервью с Юрием, Самара, июль 2006 года.

там»⁸¹. Программа предусматривала систему патриотического воспитания, направленную на консолидацию общества и укрепление государства. Она включала в себя курсы, конференции, культурные мероприятия, выставки, военно-спортивные игры, а также была направлена на повышение значимости патриотической тематики в СМИ и культурной сфере. Милитаризация была ключевым компонентом в усилиях по повышению гражданского патриотизма. Многие программы и мероприятия были посвящены военной истории России, особенно ее роли во Второй мировой войне. Более того, одной из явных целей программы была подготовка молодых людей к военной службе и воспитание в них чувства военного долга. Вторая государственная программа патриотического воспитания (2006–2010 гг.) также подчеркивала необходимость укрепления патриотизма для обеспечения верности граждан Отечеству и их готовности выполнять свои конституционные обязанности⁸².

Опросы общественного мнения показывают, что в последние несколько лет наблюдается рост поддержки всеобщего воинского призыва. В 2010 г. 34 % респондентов (в отличие от 13 % в 1998 г.) были за то, чтобы их близкий военнообязанный родственник пошел в армию. Для тех, кто выступал против, причиной номер один оказалась дедовщина, а не «конфликт чеченского типа», как это было до начала второй чеченской войны. В 2010 г. все большее число россиян по-прежнему поддерживало переход к контрактной армии, хотя разрыв между ними и теми, кто выступал за воинскую обязанность, сокращался [Левада-центр 2006]. Хотя уклонение от призыва по-прежнему остается для российского государства проблемой, официальное число уклоняющихся уменьшается. Политическое и военное руководство

⁸¹ Правительство Российской Федерации. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.». 16 февраля 2001.

⁸² Правительство Российской Федерации. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.». 11 июля 2005. См. также [Sperling 2009: 228–245; Marlene Laruelle 2009: 175–180].

поощряет молодых людей идти в армию и ужесточает меры для уклонистов. Судя по опросам общественного мнения, идея военной службы как обязанности гражданина получила определенную поддержку. В 2004 г. еще больше респондентов (60 % против 51 % в 2002 г.) считали, что молодые люди обязаны служить в армии [Фонд «Общественное мнение» 2004]. Хотя общественная поддержка обязательной военной службы возросла, опрос, проведенный в 2004 г., показал также, что 87 % респондентов считают, что большинство молодых людей не хотят служить в армии, и только 6 % полагают, что хотят. Более того, большинство респондентов указали, что за предыдущие несколько лет желание мужчин служить снижалось [Фонд «Общественное мнение» 2004]. В 2006 г. Путин довольно однозначно связал прохождение военной службы с выживанием российского государства:

Мы должны объяснить всему поколению молодых людей, что вопрос о том, служить или не служить, вообще не должен возникать перед молодым человеком. Мы все должны понять, что без армии не было бы страны. Ни у кого не должно быть ни малейших сомнений на этот счет. Нет армии — нет России [Blum 2006: 2].

Учитывая, что уменьшение числа уклонившихся от призыва совпало с уменьшением масштабов второй чеченской войны и упором при ее ведении на контрактников и полицейских, желание молодых людей проходить военную службу окажется под вопросом в случае продолжения отправки туда призывников.

Заключение

Ситуация в Вооруженных силах, рост новых представлений о мужественности в обществе и чеченские войны бросили вызов отношению к военной службе как к обязанности гражданина-мужчины в России. Средства массовой информации и правозащитные группы тщательно задокументировали множество опасностей, с которыми сталкиваются во время военной службы

призывники. Дедовщина, отсутствие еды и медицинской помощи — основные причины желания уклониться от армии, дополненные страхом быть отправленными в зону военного конфликта. Ситуация в Вооруженных силах такова, что может подтолкнуть призывников к дезертирству или, что еще хуже, к самоубийству. Посткоммунистические экономические изменения способствовали демилитаризации мужественности, тесно связанной с прохождением военной службы. Многие юноши в постсоветской России больше не считают военную службу ключевым фактором перехода во взрослую жизнь. В условиях рыночной экономики эта служба, скорее всего, будет рассматриваться как пустая трата времени и как препятствие для карьерного роста. Новые представления о мужественности, связанные с капитализмом и индивидуализмом, подрывают связь между патриотизмом, мужественностью и военной службой. Однако политическое руководство попыталось восстановить эту связь, побуждая молодых людей отзываться на призыв.

Чеченские войны указали на проблемы, связанные с призывом в армию, и на ослабленную общественную поддержку обязательной военной службы. Учитывая, что по причине финансовых проблем Вооруженные силы с трудом удерживали в своем составе контрактников, трудности перехода на службу по контракту также стали очевидными. Даже после того, как война в Чечне пошла на спад, российское государство не могло достичь больших успехов в привлечении контрактников. Несмотря на многочисленные обещания последних полутора десятилетий об отмене всеобщей воинской повинности, переход к полностью добровольным вооруженным силам в ближайшем будущем, похоже, обсуждаться не будет. Политика министра обороны Анатолия Сердюкова (2007–2012) показывает, что всеобщий призыв в армию будет происходить на фоне попыток реформировать и модернизировать Вооруженные силы. Хотя срок службы был сокращен до одного года, некоторые комментаторы опасаются, что для удовлетворения потребностей Вооруженных сил в личном составе обязательную военную службу придется снова продлить [Felgenhauer 2010c].

На возможность Российского государства вести войну в Чечне сильно повлияли многочисленные проблемы, связанные с призывом и службой по контракту. Чеченские войны продемонстрировали трудности мобилизации населения для участия в войне в постсоветский период. Хотя большинство россиян первоначально поддержали вторую чеченскую войну, ни одна из этих войн не показала роста готовности мужчин служить в качестве солдат. Уклонение от призыва снижалось только в зависимости от того, как разворачивались события во время второй войны. В связи с этим возникает вопрос о будущих взаимоотношениях между государством и обществом в военной сфере. Как будут развиваться отношения между государством, гражданством и солдатами в России? Хотя связь между мужественностью и военным делом ослабла, гендерные различия в военной сфере все еще сильно сохраняются. Женщины не воспринимаются как равноправные солдаты, хотя их число в постсоветской России значительно растет. Государство определяет военную службу как обязанность мужского гражданства и считает уклонение от призыва непатриотичным. До сих пор оно не смогло серьезно пересмотреть военный компонент мужского гражданства и вместо этого придерживается советских идеалов милитаризованной, патриотической мужественности. Однако молодые мужчины, общество и видные представители гражданского общества продолжают оспаривать связь гражданственности и патриотизма с военной службой, даже несмотря на рост милитаризованного патриотизма на общественном уровне. В следующей главе рассматривается, как это противоречие проявилось в движении, созданном солдатскими матерями.

Глава 4

Движение солдатских матерей. Отрицание и воспроизводство военизированных гендерных ролей

Движение солдатских матерей возникло в России в конце 1980-х годов. Афганская война, а также реформы Горбачева стимулировали развитие организаций солдатских матерей в советских республиках. Вскоре эти женщины оказали на советскую политику значительное влияние. В 1989 г. они успешно протестовали против призыва своих сыновей прямо из студенческих аудиторий, что позволило 17 600 студентам вернуться с военной службы [Вахнина 2002]. Солдатские матери также требовали получения данных о смертях во время военной службы как в мирное, так и в военное время и сыграли важную роль в обнародовании широко распространенного жестокого обращения с призывниками в связи с дедовщиной [Shreeves 1990: 6]. В этой главе предлагается подробное исследование деятельности и идеологии солдатских матерей в постсоветской России. В ней исследуется роль солдатских матерей в связи с политикой обязательной военной службы для мужчин, также в связи с чеченскими войнами. Точнее, в главе ставится вопрос: каким образом солдатские матери боролись с милитаризованными представлениями о материнстве и мужественности, при этом порой укрепляя их?

Феминистские исследовательницы международных отношений показали, что военная система строится на определенных представлениях о женственности и мужественности (например, женщины, нуждающиеся в защите; женщины как патриотичные матери; мужчины как солдаты и защитники). Эти представления о роли женщин и мужчин не являются статичными. Они могут быть переопределены в соответствии с потребностями государства и армии или могут быть оспорены общественными силами. Я исхожу из того, что между материнством и пацифизмом или милитаризмом не существует однозначной связи. Материнство может быть использовано для противостояния призывной политике и войне, но при этом также способно осуществлять поддержку военных и государственных программ. На самом деле, советские и постсоветские лидеры признавали, что материнство — мощный инструмент, который, если его не использовать, может нанести ущерб легитимности правительства и подорвать функционирование армии. С самого начала независимого движения солдатских матерей государство пыталось подорвать народную инициативу и использовать ее в своих целях, создавая похожие проправительственные организации. В 1989 году Министерство обороны СССР создало Совет матерей и вдов военнослужащих, погибших в Афганистане [Elkner 2004: 45]. Два года спустя был основан Совет родителей военнослужащих — группа солдатских матерей при Министерстве обороны России [Bertrand 2009]. Активисты движения независимых солдатских матерей называют эту организацию и ее региональные отделения «комитетами-двойниками» или «карманными комитетами» [Sundstrom 2006: 64–65]. Эти комитеты занимаются не столько защитой прав призывников и военнослужащих, сколько уговорами мужчин служить, а матерей — поддерживать службу своих сыновей. Поэтому важно различать в движении солдатских матерей в России разные течения. Существуют независимые и кооптированные организации солдатских матерей, а также организации, находящиеся между этими двумя полюсами.

В настоящей главе я сравниваю независимые группы солдатских матерей в двух крупнейших городах России, а также две

региональные группы в Самаре, формально являющиеся независимыми, но принимающие поддержку местной администрации¹. Союз комитетов солдатских матерей в Москве и «Солдатские матери Санкт-Петербурга» бросили вызов таким понятиям, как патриотическое материнство и милитаризованная мужественность, публично выступая против призыва в армию и войны в Чечне. Их готовность к публичным действиям была связана с материнским подходом, который фокусируется на ответственности женщин за своих детей. Хотя все группы солдатских матерей помогают призывникам и их семьям, это не значит, что все группы бросают вызов военизированным гендерным ролям. Солдатские матери в Самаре избегают занимать публичную антивоенную позицию и воспроизводят патриотический, милитаризованный гендерный дискурс, который прославляет «защитников отечества» и их матерей. Анализ этих различных групп солдатских матерей иллюстрирует сложную политику материнства и милитаризации в постсоветской России.

Материнство и милитаризация

Эссенциалистский взгляд на гендерные роли утверждает: мужчины по своей природе воинственны, а женщины — миролюбивы. Хотя большинство ученых-феминисток отвергают такую точку зрения, именно такой подход часто ассоциируется с феминизмом у тех, кто поверхностно знаком с феминистскими аргументами. В то же время представление о женщинах как пацифистках, а мужчинах как воинах сохраняет статус «здорового смысла» во многих обществах, несмотря на изменения общественных гендерных порядков и гендерного состава вооруженных сил в течение всего двадцатого века. Работа Синтии Энлоу демонстрирует, что, поскольку милитаризация обращается

¹ После прочтения таких публикаций, как [Данилова 2004: 188–210; Oushakine 2009: ch. 4; Попкова 2003; Sundstrom 2006], я заинтересовалась различиями внутри движения солдатских матерей за пределами Москвы и Санкт-Петербурга.

и к мужчинам, и к женщинам, а также тесно связана с представлениями о мужественности и женственности, сопоставление мужчин с войной, а женщин с миром слишком упрощенное. Женщины подвергались милитаризации как в армии, так и вне ее, будучи солдатками, женами военных, проститутками, медсестрами, жертвами изнасилований, матерями и активистками феминистского движения [Enloe 2000a]. Предполагать, что женщины по природе своей миролюбивы, значит упускать из виду комплексность женского опыта [Enloe 2004: 151].

Матери могут быть привлечены как для поддержки войны и военной службы, так и использованы против них. Милитаризация и потенциальная демилитаризация материнства зависят от государственных и военных «маневров» и поведения женщин [Enloe 2000a]. Милитаризация матери проявляется в том, насколько «хорошего» солдата она воспитала, в социальном признании и в чувстве гордости от прохождения сыном военной службы. В истории есть примеры женщин, которые побуждали своих сыновей к военной службе, а также тех, кто не одобрял подобной активности своих сыновей [Elshtain 1995; Goldstein 2001]. Спартанская мать и Скорбящая Дева Мария представляют собой два исторических архетипа отношений между материнством и войной/милитаризмом. В отличие от спартанского представления о патриотическом материнстве, средневековый образ христианской Мадонны апеллирует, по мнению Джин Бетке Эльштейн,

к более миролюбивой фигуре матери как возвышенной души, которая воплощает истину и добродетель, противоречащие шуму и убийствам войны. Это мать, которая оплакивает и защищает, сожалеет и скорбит. Находя на путях мира искомые способы существования, она возвеличивает выбор миролюбия. По иронии судьбы, конечно, она делает это с позиции, которая исторически считается граждански слабой. Не имея связи с воинами и политическими лидерами, она искала способы оказывать влияние другими путями и через другие формы, часто религиозные, иногда сентиментальные [Elshtain 2000: 2028].

Проведение границы между патриотичными матерями и матерями страдающими поможет нам лучше понять взаимосвязь между материнством и войной/милитаризмом. При этом опыт женщин не обязательно может быть отнесен к одной из этих двух категорий. Напротив, чтобы раскрыть сложную и часто противоречивую политику материнства во время войны, каждый отдельный случай необходимо рассматривать отдельно. Контекст войны может укреплять патриотическое материнство и военизированную мужественность, а может подрывать милитаризацию гендерных ролей. Противостояние войне может выражаться в отказе мужчин воевать и организации женщин против войны [Foley 2003; Cockburn 2007; Enloe 2000a: 244–260]. Женский антивоенный протест зачастую связан с материнством и сфокусирован на роли выносившей ребенка матери, защитницы жизни и миролюбивой женщины. Этот факт не подтверждает эссенциалистские аргументы о миролюбии женщин, но, скорее, говорит нам об общепринятых представлениях о женственности в рамках конкретного гендерного порядка.

Бросая вызов военному патриотизму и войне: солдатские матери в Москве и в Санкт-Петербурге²

В данном разделе рассматривается деятельность двух наиболее известных организаций солдатских матерей в России: московского Комитета солдатских матерей России (КСМР), переименованного в 1998 г. в Союз комитетов солдатских матерей России, и независимой правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» (СМСП)³. Московский комитет является

² Отдельные фрагменты этого раздела были опубликованы ранее в [Eichler 2006: 486–511].

³ Несмотря на то что между этими группами существуют различия, в данной главе основное внимание уделяется их общим чертам. Для анализа различий между этими двумя группами, а также по отношению к другим группам по защите прав солдат см. [Sundstrom 2006: 66–70].

головной организацией для десятков региональных комитетов⁴. По его данным, каждый год в московское или любое другое региональное отделение за помощью обращаются до 50 000 человек⁵. Санкт-Петербургская группа была сформирована в 1991 г. Эллой Поляковой и формально не связана с московским КСМР. По данным СМСР, за 1990-е гг. они предоставили юридические консультации более чем 65 000 человек и помогли примерно 59 000 призывников получить освобождение от военной службы [Здравомыслова 1999]. Обе организации получили международное признание и финансовую поддержку от западных доноров⁶. СМСР и московский КСМР являются наиболее изученными из российских групп солдатских матерей и являются предметом многочисленных российских и западных исследований.

Основная цель указанных групп солдатских матерей — защита прав призывников, новобранцев и их семей перед лицом нарушений прав человека во время призыва [Human Rights Watch 2002] и во время военной службы⁷. Среди их основных требований — признание системного характера дедовщины, повышение ответственности со стороны военных в отношении пропавших без вести новобранцев (независимо от того, являются они жертвами боевых действий или нет) и прекращение незаконных призывных практик. Основной частью их повседневной деятельности является юридическое консультирование и помощь мужчинам, желающим уклониться от призыва, а также тем, кто покинул свои воинские части по причине плохого обращения. Солдатские матери также предлагают помощь тем семьям, которые не смогли получить от военных

⁴ Комитет заявляет о своих взаимоотношениях с более чем 300 региональными и местными группами. Однако, основываясь на беседах с активистками движения солдатских матерей во время моей полевой работы, я нахожу это преувеличением.

⁵ Союз комитетов солдатских матерей России (КСМР), «История КСМР», 2003.

⁶ КСМР получал финансовую поддержку от доноров из Норвегии, Швейцарии и Германии, а также от международных НПО [Zawilski 2006: 327, note 5].

⁷ Союз комитетов солдатских матерей России (КСМР), «История КСМР», 2003.

информацию о местонахождении своих сыновей-призывников [Matloff 2000]. Активисты связываются с военными властями, посещают воинские части и подают жалобы от имени родителей. Они также собирают доказательства нарушений прав человека и ведут судебные дела. Кроме того, СМСП считает необходимым заниматься просвещенческой деятельностью: члены организации проводят лекции и семинары, на которых информируют юношей и их семьи о законах и обучают их подавать собственные заявления на отсрочку от призыва или на освобождение от военной службы. Глобальной целью обеих организаций является подчинение военных структур верховенству закона и создание соответствующей демократическому обществу армии. Солдатские матери стремятся изменить характер военной службы в России, лоббируя законодательное внедрение альтернативной службы, а также отмену обязательного призыва. В переходе к профессиональной армии они видят главный фактор, способствующий уменьшению нарушений прав человека в Вооруженных силах [Caiazza 2002; Deriglazova 2005; Hinterhuber 2001; Vallance 2000].

Эти группы солдатских матерей представляют собой серьезный вызов проводимой российским государством политике обязательного призыва в армию. Их деятельность противоречит государственному определению военной службы как гражданской обязанности мужчин. Вопреки представлениям о патриотическом материнстве, эти матери поддерживают молодых людей, которые уклоняются от призыва или дезертируют из армии. Активность солдатских матерей оказалась одновременно как проявлением кризиса милитаризованной мужественности, так и силой, меняющей взгляды общества на военную службу в России. Матери объединялись для решения вполне реальных проблем, с которыми сталкивались их сыновья и другие молодые мужчины. Их опасения изначально были связаны с их частной жизнью, но со временем они приобрели публичное выражение, поскольку их деятельность способствовала осознанию обществом опасных условий военной службы и необходимости военных реформ.

Солдатские матери и первая чеченская война

КСМР и СМСП были наиболее яркими противниками вооруженного нападения российского правительства на Чечню и призывали к дипломатическому урегулированию конфликта⁸. КСМР утверждает, что они были первой российской НПО, занявшей публичную антивоенную позицию⁹. Начало войны в 1994 г. привело к усилению мобилизации солдатских матерей и созданию их новых групп. Кроме того, в связи с войной расширились спектры проблем и коллективных действий [Zdravomyslova 2007: 212; Eremitcheva, Zdravomyslova 2001: 232]. Антивоенная деятельность солдатских матерей включала в себя пикеты, демонстрации, петиции, обращения в СМИ и к политикам [Pinnick 1997: 144–145; Вахнина 2002]. Лидеры КСМР и СМСП выступали против использования призывников в военных конфликтах и требовали их возвращения из зоны боевых действий [Deriglazova 2005: paragraph 39]. Как объясняет российский социолог Елена Здравомыслова, война привела к радикализации идеологии солдатских матерей: «Пацифизм стал преобладающей идеологией в радикальной ветви движения» [Zdravomyslova 2007: 213].

Солдатские матери бросили вызов официальной «истории этой войны», ее государственному оправданию, предложив альтернативную интерпретацию того, что угрожает России. Ева М. Хинтерхубер так описывает позицию СМСП: «Правительство и военное руководство были определены как преступники, а “простые” солдаты (с обеих сторон), гражданское население и семьи пострадавших как жертвы» [Hinterhuber 2001: 6]. Источник опасности солдатские матери видели в действиях российских военных, а не чеченских сепаратистов. Фактически матери воз-

⁸ Как пишет Завильский: «Во время чеченской войны 1994 г. организация солдатских матерей Санкт-Петербурга, наряду с КСМР Москвы, играла в регионе ведущую роль в борьбе против российской военной агрессии» [Zawilski 2006: 239, note 20].

⁹ Союз комитетов солдатских матерей России (КСМР), «История КСМР», 2003.

ложили вину за войну на российское правительство; они критиковали то, что оно обвиняет чеченцев, и указывали на то, что «источником зла вполне может быть само российское государство» [Kuklina 1996]. Чтобы призвать правительство к ответу, солдатские матери сами собирали информацию о потерях [Val-lance 2000: 111]. В октябре 1995 г. КСМР открыл горячую линию для получения информации о гибели военнослужащих в Чечне¹⁰, и родители призывников все чаще стали обращаться туда за такой информацией [Zawilski 2006: 229].

Активизм КСМР и СМСР пошатнул одно из оснований войны и процесса военизации. Эти организации скомпрометировали определяющие способность государства вести войну представления о военизированной мужественности и патриотическом материнстве, а именно убеждения в том, что военная служба — это мужской долг, а «хорошие» матери должны поддерживать идею этой службы для своих сыновей. Женщины оспаривали эти гендерные тезисы на основании информации о чеченском конфликте и насилии, с которым призывникам приходилось сталкиваться во время службы в армии. В феврале 1995 г. КСМР провел под лозунгом «За жизнь и свободу» съезд, на котором его участники из сорока четырех городов России поддержали обращение, гласящее: «Мы не отдадим наших сыновей на преступную войну» [Вахнина 2002]. Представители солдатских матерей активно призывали молодых людей уклоняться от военной службы [Caiazza 2002: 140]. Члены СМСР советовали родителям защитить от армии своих сыновей: «Если армия опасна для жизни и здоровья наших сыновей, мы должны всячески ограждать их от военной службы» [Zdravomyslova 2007: 214]. КСМР добился успеха в лоббировании в Государственной думе закона, гарантировавшего амнистию российским солдатам, дезертировавшим или уклонившимся от призыва во время войны [Caiazza 2002: 133–135]. Однако КСМР не смог ни предотвратить принятия закона, который в 1995 г. продлил срок военной службы с восем-

¹⁰ Горячая линия Солдатских матерей // Известия. 1995. 17 октября.

надцати до двадцати четырех месяцев, ни добиться изменений в этом законе [Caiazza 2002: 133–135]¹¹.

Активность солдатских матерей выходила за рамки лоббирования законов и обнаруживалась непосредственно в зоне конфликта. Активистки помогали отдельным матерям отправиться в Чечню, чтобы вернуть своих сыновей домой, и сотрудничали с чеченскими матерями в организации обмена военнопленными [Caiazza 2002: 127]. Благодаря совместной с чеченскими матерями деятельности эти женщины отстаивали концепцию материнства, которая преодолевала национальные и этнические границы¹². Они отвергали образ «матери героини» и вместо этого использовали материнство как платформу для критики Вооруженных сил и войны¹³. КСМР доставлял гуманитарную помощь раненым российским призывникам, а также чеченским гражданским лицам [Kuklina 1996]. 8 марта 1995 г. солдатские матери провели марш мира «Марш матерей за жизнь и сострадание». Марш, в котором приняли участие около 300 матерей из пятнадцати городов, начался у Могилы Неизвестного Солдата в Москве и закончился в зоне боевых действий [Zdravomyslova 1999: 165–180; Zawilski 2006: 234–235]¹⁴. Здравомыслова поясняет: «Идея этого марша была, с одной стороны, сделать его символом, а с другой — способом действий. Он был направлен на выражение антивоенных настроений, сбор достоверной информации о погибших и раненых и, наконец, на само прекращение войны в Чечне» [Zdravomyslova 1999]. Участники марша подвергались притеснениям, а сам марш неоднократно задерживался военными властями. Хотя матерям не удалось прекратить войну, они привлекли общественное внимание к своему делу и тяжелой ситуации в Чечне,

¹¹ Для получения более подробной информации по данной теме см. [Sundstrom 2006b: 180].

¹² О возможных межэтнических и межнациональных союзах женщин в зонах боевых действий см. [Cockburn 1998; Yuval-Davis 1997: ch. 6].

¹³ Больше по вопросу о «матери героя» см. [Liborakina n.d.].

¹⁴ См. также, напр.: War Resisters' International. Mothers' March to Grozny. June 1, 1995. URL: <https://wri-irg.org/en/story/1995/mothers-march-grozny> (дата обращения 01.04.2022).

а также помогли укрепить антивоенные настроения и сплоченность в обществе¹⁵. Согласно одному из опросов, проведенному в феврале 1995 г., солдатские матери пользовались поддержкой трех четвертей российской общественности [Фонд «Общественное мнение» 1995]. Политические и военные лидеры обвинили эти организации (в частности, КСМР) в непатриотичности, подрыве армии, сговоре с Западом и в том, что они плохие матери [Caiazza 2002: 137; Sperling 2003: 247]¹⁶.

Солдатские матери и вторая чеченская война

Во время второй войны КСМР и СМСР снова выступили против нее и призвали к мирному разрешению конфликта. Члены КСМР участвовали в антивоенных демонстрациях, организовывали конференции, писали открытые письма и неоднократно оспаривали официальные данные о погибших¹⁷. На своем втором съезде «За жизнь и свободу» в 2000 г., который собрал десятки региональных комитетов солдатских матерей, КСМР принял резолюцию, в которой, в частности, говорилось следующее: «Солдатские матери никогда не согласятся с тем, что уничтожение мирных жителей и молодых солдат, разрушение городов и сёл может послужить фундаментом благополучия и духовного возрождения России» [Вахнина 2002]. В 2002 г. члены КСМР заявили,

¹⁵ См. также: Interview with Natal'ia Zhukova, conducted by Anna Maria Tramonti // CBC Radio. November 23, 2004 / The Current. 2004. Елена Здравомыслова отмечает, что солдатские матери были важной силой в расширении и укреплении изначально слабого антивоенного движения [Zdravomyslova 2007: 213]. Помимо признания внутри России, признание за свою работу во время первой чеченской войны КСМР получил и в международной среде. Организацию наградили премией мира имени Шона Макбрайда в 1995 г., премией Рафто в 1995 г. и премией «Право на жизнь» («Альтернативная Нобелевская премия») в 1996 г.

¹⁶ Политические и военные лидеры также утверждали, что своим активизмом матери преследовали индивидуалистические цели, а также были использованы в интересах политических группировок [Caiazza 2002: 137].

¹⁷ Ежегодный отчет Комитета солдатских матерей России, 2002.

что они «потеряли веру в государственную мощь России» и что «так называемая антитеррористическая операция в Чечне сама по себе является мощным стимулятором государственного и негосударственного транснационального терроризма»¹⁸. КСМР скептически отнесся к возрождению милитаризованного патриотизма, который сопровождал приход Путина к президентской власти, и в очередной раз предлагал собственную интерпретацию войны в Чечне [Sperling 2003]. Вместе с другими группами гражданского сообщества СМСП проводил еженедельные пикеты против войны, которую их участники характеризовали как геноцид чеченского народа. Эти активисты несли плакаты с такими лозунгами, как: «Прости нас, Чечня», «Убийство чеченцев и призывников — позор нашей страны» и «Мы говорим “нет” призывному рабству». Они осудили нарушения прав человека, совершенные в отношении как чеченских гражданских лиц, так и российских призывников [Vanderheeren 2002: 35]. Тем самым СМСП бросил вызов этническому противостоянию и напряженности, которые оказались более ярко выраженными в результате продолжающегося конфликта.

Обе организации столкнулись с серьезными препятствиями, получали меньше места в СМИ и меньше, чем во время первой войны, общественной поддержки¹⁹. Ида Куклина, член КСМР, объясняет с точки зрения Комитета основные различия между первой и второй войнами так. Первое отличие заключалось в том, что государство «полностью перекрыло зону конфликта», что повлияло как на возможность СМИ освещать этот конфликт, так и на возможность НПО работать в зоне боевых действий [Abdullaeva et al. 2000]. Во-вторых, этот конфликт проходил в условиях его большей общественной поддержки. Если во время первой

¹⁸ Эта позиция была сформулирована на конференции «Чеченский тупик: где искать дорогу к миру?», которая была организована КСМР в 2002 г. Ежегодный отчет Комитета солдатских матерей России, 2002.

¹⁹ В то время как в России СМСП и КСМР получали меньше общественной поддержки, чем раньше, на международном уровне они снова были удостоены международных премий мира. КСМР получил премию Фонда Фридриха Эберта в 2000 г., а СМСП — Аахенскую премию мира в 2004 г.

войны КСМР был в авангарде антивоенной мобилизации, то во время второй он не смог в той же мере играть эту роль. Поначалу члены КСМР участвовали в антивоенных демонстрациях, но потом пришли к выводу, что эти демонстрации не были эффективны в формировании антивоенного общественного мнения. Куклина отмечает, что КСМР сосредоточился на кампании по раскрытию истинных масштабов потерь, которые, по его оценкам, были в два раза выше, чем это признавали государственные чиновники. Члены КСМР поддерживали контакты с чеченскими женщинами и чеченскими организациями, но были ограничены в своих действиях по причине жесткого военного контроля в зоне боевых действий. Также, поскольку у КСМР больше не было союзников в Думе, Комитет не мог влиять на политику в той же мере, как во время первой войны [Abdullayeva et al. 2000].

В результате заметно ужесточенного государственного контроля над СМИ, сообщения об антивоенных мероприятиях и голоса, критикующие войну, стали звучать реже. Наблюдатели едины во мнении, что во время второй войны деятельность солдатских матерей освещалась в прессе ограниченно [Zawilski 2006: 236; Caiazza 2002: 141; Sivaeva 2000]. Татьяна Сиваева отмечает, что их деятельность освещали чаще, когда она соответствовала образу «заботливых матерей», и реже, если они делали политические заявления. На КСМР и СМСП негативно сказалось ограничение деятельности критикуемых правительством НПО в период президентства Путина. Группы гражданского общества, которые сопротивлялись кооптации правительства, все чаще сталкивались с преследованиями, запугиваниями и трудностями с финансированием [Sivaeva 2000: 8–12].

В попытке усилить свое политическое влияние и провести реформы, за которые он ратовал последние полтора десятилетия, в ноябре 2004 г. КСМР основал политическую партию — Единую народную партию солдатских матерей²⁰ [Glasser 2005]. КСМР также попытался принять участие в урегулировании конфликта,

²⁰ Пресс-релиз «Единая народная партия солдатских матерей», выпущенный Комитетом солдатских матерей России, от 2003 г.

встретившись для обсуждения условий мира с представителями чеченского руководства в Лондоне²¹. Комитет не смог добиться успехов в этих политических начинаниях. Более того, по словам Ларисы Дериглазовой, во время второй войны официальная критика в адрес КСМР усилилась. Министр обороны Сергей Иванов называл организацию «так называемыми» солдатскими матерями и критиковал их как за поддержку тех, кто уклоняется от призыва, так и за сотрудничество с чеченцами²². Тем не менее, КСМР оставался одной из самых известных правозащитных организаций в России и продолжал взаимодействовать с правительственными и военными структурами и лоббировать там свои интересы. Члены КСМР также были приглашены для участия в работе государственных органов, таких как Президентская комиссия по правам человека [Sundstrom 2006b: 180]. Лидер КСМР, Валентина Мельникова, стала одним из пятидесяти членов Общественной палаты при Министерстве обороны, которая, в свою очередь, является консультативным органом, созданным в 2006 г. с целью улучшения отношений между Министерством обороны и гражданским обществом²³. Эти примеры показывают, что, хотя КСМР подвергался нападкам, он также смог зарекомендовать себя как организация, с которой государство вынуждено считаться.

Во время второй войны КСМР и СМСР продолжали бросать вызов идее патриотического материнства, но им было все труднее привлечь к своей антивоенной позиции внимание общественности. В качестве платформы для выражения протеста, материнство, представленное образами выступавших против первой войны российских и чеченских матерей, утратило в контексте путинско-

²¹ Анна Политковская. Солдатские матери уехали думать над предложениями чеченской стороны: остановит ли это теракты? // Новая газета. 28 февраля. 2005. С. 2.

²² Депутат Госдумы с националистичными взглядами Виктор Алкснис называл создание Партии солдатских матерей направленным на подрыв обороноспособности страны.

²³ Министерство обороны РФ, приказ № 490 «Об образовании Общественного Совета при Министерстве Обороны Российской Федерации», 16 ноября 2006 г.

го укрепления государственности и возрождения милитаризованного патриотизма часть своей легитимности. Во время второй войны этот образ солдатских матерей, противостоящих войне и протягивающих руку помощи чеченским матерям, был маргинализирован противопоставлением заботливых российских матерей и чеченских женщин-смертниц²⁴. Подобная дихотомия усиливала военную риторику борьбы с терроризмом и конструировала цивилизованных «нас» против варварских «других».

Политика ответственного материнства

И российские, и западные наблюдатели смогли быстро найти способ осмысления деятельности солдатских матерей через эссенциалистское понимание материнства. Российская пресса изображает этих женщин как героинь, на которых лежит особый материнский долг. Сами солдатские матери также часто объясняют свои действия в эссенциалистских терминах, поскольку такая позиция, опирающаяся на науку о природе или на природное естество, наделяет их правом и обязанностью матери защищать своего ребенка [Caiazza 2002: 125; Данилова 2004: 192]²⁵. Пресс-секретарь КСМР сказала: «Первый человек, который реагирует на угрозу жизни сына, — это его мать. Так происходит из-за биологии женщин; для женщин эти вопросы имеют огромное значение» [Caiazza 2002: 123]. Председатель СМСП высказала аналогичную мысль в отношении названия своей организации: «Это звучит лучше, чем любое другое [название], и это основная правда — матери несут ответственность за своих сыновей и за жизнь в целом» [Zdravomyslova 2007: 219].

Феминистские исследовательницы рассматривают материнство как стратегию движения, а не как основную гендерную идентичность его активисток. Здравомыслова утверждает, что

²⁴ См. главу 2 настоящей книги.

²⁵ См. также: Interview with Natal'ia Zhukova, conducted by Anna Maria Tramonti // CBC Radio. November 23, 2004 / The Current. 2004.

материнство — основа, на которой держится активизм и которая позволяет мобилизовать сторонников [Zdravomyslova 2007: 219]. Эми Кайацца называет «(сознательную или нет) эксплуатацию традиционных представлений о женщине и материнстве» одной из стратегий КСМР [Caiazza 2002: 123]. Хинтерхубер считает, что «драматизация материнства» — ключевая стратегия СМСП [Hinterhuber 2001: 6]. Привлекательность эссенциалистских представлений о материнстве имеет глубокие корни в гендерных порядках как Советского Союза, так и постсоветской России.

Как обсуждалось в первой главе, Советское государство проявляло активный интерес к вопросу материнства, одновременно проводя политику гендерного равенства, которая привела большое количество женщин на рынок труда. В 1960-х и 1970-х гг. политические и общественные дебаты сместились в сторону акцента на биологической роли женщин продолжать род [Кау 1999: 18–24]. Ученые и теоретики образования утверждали, что женщины выполняют важнейшие материнские функции и несут «ответственность перед обществом и ребенком» [Attwood 1990: 140]. Значение, придаваемое ответственности женщины как матери, стало еще более выраженным в 1980-х гг. и в постсоветский период [Buckley 1989; Posadskaya 1994; Sue et al. 1996]. Здравомыслова пишет: «Модель ответственного материнства лежит в основе конструирования женственности в современной российской гендерной культуре» [Zdravomyslova 2007: 219]. В то же время сложные условия постсоветского переходного периода подорвали «способность женщин адекватно заботиться о своих детях и защищать их» [Caiazza 2002: 46]. Это подтолкнуло многих женщин к активизму, основанному на их идентичности как матерей [White 2000: 211–227]. Матери, стремящиеся защитить своих сыновей от опасностей военной службы, являются ярким примером такого развития событий.

Также Советское государство поддерживало выполнение женщинами гражданских обязанностей, несмотря на то что оно было возможно в низших эшелонах власти [Salmenniemi 2008: 56]. В постсоветский период привлечение женщин во власть больше не рассматривается публично, акцент делается на их

роли матерей и возвращении в частную жизнь. Солдатские матери могут опираться на определяемое материнством понятие женственности, при этом их активность бросает вызов идее о перерождении женщин и политической пассивности, которая лежит в основе постсоветской гендерной идеологии [Hinterhuber 2001: 9]. Солдатские матери подрывают мужское единство чрезвычайно маскулинизированной сферы военного дела и политики безопасности²⁶. Они оказываются в этой сфере с позицией, которая конструируется как «частная» (материнство), и склоняются к общераспространенным определениям женственности. Как отмечает ряд авторов, способность солдатских матерей высказывать критику в адрес военной системы тесно связана с их материнским подходом, который опирается на ответственности женщин за своих детей. Возможность говорить и вести себя как «мать» наделяет их моральным авторитетом, которого не хватает другим субъектам, взаимодействующим с армией, государством и обществом. Тот факт, что идентичность и действия солдатских матерей соответствуют доминирующим представлениям о женственности, вероятно, способствовал повышению их легитимности среди россиян и усложнил для государства и военных задачу по их нейтрализации. Возможность использовать материнство в политических целях парадоксальным образом обусловлена его восприятием как естественного и частного. Акцент на материнстве деполитизирует выглядящие абсолютно естественными действия солдатских матерей, что, в свою очередь, и позволяет им участвовать в общественной и в политической жизни [Sperling 2003: 246; Zawilski 2006: 231–233; Zdravomyslova 2007: 225].

Способность солдатских матерей использовать материнство как законную форму политического самовыражения была подкреплена их нефеминистской позицией. В России феминистские идеи непопулярны во многом потому, что они ассоциируются

²⁶ Как отмечает Куклина, КСМР была «первой женской НПО на территории бывшего СССР, которая начала действовать на территории, традиционно считающейся мужской — там, где решают военные вопросы» [Kuklina 1996].

с советским режимом и его риторикой об эмансипации женщин [Sperling 1999: 64–73]. Даже если солдатские матери трудятся, чтобы спасти жизни и остановить незаконные действия государства, они не вносят свой вклад в разрушение системы мужского господства. Более того, они не считают угнетение женщин актуальной политической проблемой [Caiazza 2002: 128–129]. Как заявила Мельникова из КСМР: «Никто в этой организации не считает, что женщины особенно угнетены» [Sperling 1999: 72]. Комитет, однако, выдвигает требование равного участия женщин в политике, в том числе в вопросах войны и мира²⁷.

Лиза Сандстром утверждает, что успех солдатских матерей был в том числе результатом их основного внимания к «телесным повреждениям», нанесенным их сыновьям. Акцент на образе страдающего сына (и страдающей матери) вызывал больше сочувствия, чем антимилитаристский, пацифистский или правозащитный дискурс. Протестуя против войн и выступая за верховенство в военной сфере закона, женщины делали это от имени своих сыновей [Sundstrom 2006b]. Они не претендовали на роль самостоятельных политических акторов. Антимилитаристские и антипризывные организации, такие как Антимилитаристская радикальная ассоциация (АРА), были менее успешными. Кайацца утверждает, что, будучи организацией, состоящей из мужчин, АРА не имела «гендерных структурных возможностей», которые определили успех солдатских матерей: «Представления о гендере сыграли основополагающую роль в политических успехах группы» [Caiazza 2002: 156]. Гендер и, в частности, конструирование ответственного материнства имели решающее значение для легитимации деятельности организаций солдатских матерей, таких как КСМР и СМСИ. Солдатские матери в Самаре также выстраивают свою работу по защите прав солдат на понятии ответственного материнства, но в то же время продвигают милитаризованные, патриотические представления о женственности и мужественности.

²⁷ Комитет солдатских матерей. 2003. История Комитета солдатских матерей России. URL: <http://ksm48.ru/history/> (дата обращения 02.04.2022).

Солдатские матери в Самаре: защита прав военнослужащих и воспроизводство военного патриотизма

Солдатские матери начали свою работу в Самаре в начале 1990-х гг. Местный комитет, созданный в 1991 г. во время первой чеченской войны, позже разделился на два региональных комитета родителей военнослужащих²⁸. Похоже, что раскол произошел по причинам личного характера, но, возможно, ему способствовали и другие причины, которые мне не известны. Судя по тому, что в разговорах со мной лидеры обеих групп критиковали друг друга, отношения между этими организациями по-прежнему напряженные. Несмотря на это соперничество, обе группы исповедуют поразительно похожую идеологию и участвуют в похожих мероприятиях. Группы получают финансовую поддержку от муниципальных и региональных администраций и поддерживают тесные контакты с правительственными и военными чиновниками. Оба Комитета отказываются быть связанными с «солдатскими матерями», чтобы охватить в своем названии всех военнослужащих (не только солдат) и всех родителей (не только матерей). Однако в действительности это типичные группы солдатских матерей, состоящие в подавляющем большинстве из женщин среднего возраста, которые борются за права своих сыновей и других призывников. На момент моей полевой работы в основном составе каждой группы среди дюжины активисток наличествовал только один мужчина. Пять из шести активисток, с которыми я беседовала, присоединились к группе, потому что они и их сыновья получали поддержку группы в прошлом. У всех женщин — опять же, за исключением одной — сыновья служили в армии, и большинство сыновей участвовали в чеченских войнах.

Один из комитетов называет своей главной целью «защиту жизни, здоровья, чести и достоинства военнослужащих и членов их семей, а также военно-патриотическое и нравственное воспи-

²⁸ Я не использую названия двух комитетов, чтобы обеспечить анонимность и безопасность их лидеров и членов.

тание молодежи допризывного возраста»²⁹. Группа оказывает юридическую помощь призывникам и организует в школах семинары по правам призывников, такие как, например, право на отсрочку по болезни. Мария, энергичный член группы в возрасте около сорока лет, объяснила: «Например, если парень болен и не согласен с решением призывной комиссии, мы объясняем ему, как он может получить отсрочку на основании закона»³⁰. В то же время большая часть работы группы направлена на поддержку ветеранов чеченских войн и их семей. Лозунги деятельности группы в период с 1997 по 2004 г. отражают сочетание правозащитной и патриотической идеологии, которой придерживается группа: «Защитим защитника Отечества», «У солдата тоже есть права», «Я еще жив», «В третье тысячелетие без призывного рабства», «Служу России»³¹. Другой комитет работает в двух направлениях, защищая права солдат и выражая поддержку вооруженным силам. Основные цели группы, по определению ее лидера, — донести до родителей призывников необходимый минимум правовых знаний, привлечь их к работе организации в воинских частях, «чтобы наши ребята служили в нормальных, достойных условиях, а не погибали»³². Деятельность группы включает в себя поездки в Чечню для оказания помощи военнослужащим, а также помощь ветеранам и дезертирам³³.

²⁹ «Краткая справка о нашей работе» — организационный материал, полученный во время посещения офиса одного из комитетов родителей военнослужащих. Самара, июнь 2006 года.

³⁰ Из интервью с Марией, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

³¹ В справочнике неправительственных организаций Самарской области данный перечень составлен именно в таком порядке. См., напр.: Дума и общественность // Информационный Сборник. 2005. Самара: Самарская губернская дума; Комитет солдатских матерей. 2003. История Комитета солдатских матерей России. URL: <http://ksm48.ru/history/> (дата обращения 02.04.2022).

³² Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

³³ Там же.

Посещение воинских частей составляет значительную часть деятельности обеих групп. Их члены участвуют в церемониях принятия присяги, военных праздниках и праздновании дней рождения, которые проходят в воинских частях. Во время посещений один из комитетов также проводит опросы призывников, в ходе которых пытается выяснить, были ли они свидетелями дедовщины, хотят ли перевестись из своей части, получили ли денежное довольствие, есть ли у них какие-либо проблемы³⁴. Цель опроса в данном случае — помочь решить проблемы, с которыми могут столкнуться призывники, или организовать их перевод в другую часть. Во время акции «Защитим защитника Отечества» члены второго комитета организовывали в воинских частях концерты и праздники, дарили призывникам книги, кассеты и фотографии. Когда этот комитет родителей военнослужащих посещает воинские части для участия в церемонии принятия присяги, его основное внимание уделяется поднятию боевого духа солдат и укреплению представлений о военной службе как о мужском долге.

Военная служба и мужественность

Председателем одного из комитетов является Ольга Т., пенсионерка, которая до сих пор работает, чтобы свести концы с концами. Она выросла в семье военного и вырастила двух сыновей, прошедших военную службу. В наших беседах Ольга Т. часто заменяла слова «сыновья» или «призывники» на «защитники Отечества». Это интересный семантический выбор, поскольку он свидетельствует о сохранении милитаризованной советской гендерной идеологии, которая определяла мужчин как защитников Отечества, а службу в армии — как священный долг мужчины и акт патриотизма. Ольга Т. полагает неправильным вовлечение женщин в решение военных вопросов: «Комитет солдатских

³⁴ «Анкета», справочный материал, полученный мной во время посещения офиса одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

матерей я считаю черной меткой на совести российских генералов, потому что не матери, а министр обороны Иванов и генералы должны наводить порядок в армии, чтобы наши дети шли туда не умирать, а становиться мужчинами»³⁵. Эта цитата показывает, что председатель комитета выступает за традиционное гендерное разделение гражданской и военной сфер, где матери не занимаются военными вопросами, а сыновья постигают, что значит быть мужественным, через военную службу. В то же время она ставит под сомнение представления о «боевой» маскулинности, поскольку поддерживает отмену воинской повинности и переход к добровольческим силам. Ольга Т. утверждала, что у людей должно быть право выбора: у каждого человека в жизни свое призвание, и поэтому он должен иметь возможность выбирать, идти ему в армию или нет. Как она сказала: «Жизнь так коротка, и мы имеем право решать, как ее провести»³⁶. Она также затронула проблему систематической дедовщины, с которой сталкиваются призывники, и рассматривала профессионализацию как способ ее решения: «Профессионала труднее обидеть, профессионал может постоять за себя, профессионал уважает себя»³⁷. То есть Ольга Т. выразила надежду на то, что переход к добровольческим силам поможет уменьшить нарушение прав военнослужащих и реабилитировать «боевую» мужественность.

Другие члены группы были не так радикальны в своем неприятии обязательной службы. Они придерживались советских представлений о военизированной мужественности, согласно которым служба в армии является гражданской обязанностью мужчины и играет определяющую роль в мужской социализации. Людмила впервые обратилась в первый комитет, когда ее сына призвали в армию и отправили на первую чеченскую войну. Она нашла утешение в разговорах с другими матерями и с тех пор ведет активную деятельность. Людмила считает военную службу

³⁵ Из интервью с Ольгой Т., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

одновременно и мужским долгом, и обрядом посвящения: «Я считаю, что долг мужчин — защищать нас». И позже добавила: «Армия дает мальчикам больше самостоятельности, учит их принимать самостоятельные решения в сложных ситуациях. В конце концов, мальчики узнают себя как мужчин. Они учатся защищать себя, своих родных и близких»³⁸. Людмила считает, что мужчины должны получить хотя бы базовую военную подготовку, если не быть обязанными служить в армии³⁹. Другой член этого комитета, Мария, считает, что «армия показывает мальчику, насколько он подготовлен к жизни». Она называла военную службу «большой школой жизни», что перекликалось с известным советским лозунгом⁴⁰. Взгляды Марии на военную службу были связаны с эссенциалистским определением мужской идентичности: «В каждом мужчине есть частичка войны. Я думаю, это запрограммировано на генетическом уровне»⁴¹. Кроме того, Мария критиковала матерей за то, что они не готовят своих сыновей к службе в армии. Она называла себя патриоткой и гордилась тем, что вырастила сына, который добровольно пошел служить. Мария отметила, что молодые люди уклоняются от призыва, потому что боятся дедовщины, а также потому, что им страшно покинуть родной дом. Роль матерей заключается в том, чтобы подготовить своих сыновей к службе:

Если мальчик приходит в армию и ему ничего не нравится, он ничего не умеет, ничего не хочет делать, если он «маменькин сынок», то конечно, ему будет тяжело. Я считаю, что это вина матери. Нужно было подготовить мальчика... У нее было восемнадцать лет, чтобы вырастить из него сильного, спортивного юношу, подготовленного к военной службе⁴².

³⁸ Из интервью с Натальей, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

³⁹ Из интервью с Людмилой, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁴⁰ Из интервью с Марией, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

Ее аргументы напоминают позднесоветские дебаты о «феминизации» советского общества, в которых «чрезмерно заботливых матерей» обвиняли в том, что они воспитывают «инфантильных сыновей», непригодных к военной службе [Jones 1985: 153]. Мария считала обязательную военную службу для мужчин важной, но допускала возможность создания дополнительной армии на контрактной основе.

Татьяна Н. — лидер второго комитета, ей около шестидесяти лет, и у нее слабое здоровье. Она считает, что профессионализация армии крайне маловероятна. Более того, она видит проблему в отношениях между военной службой как патриотическим долгом и как источником дохода. Как она утверждает:

У человека, который служит, должно быть чувство ответственности и принципы. Человек, который служит и получает за это деньги, должен служить не только ради денег — у него должны быть чувства к Родине и понимание того, что деньги не решают всего. Поэтому я сомневаюсь, что когда-нибудь призыв будет отменен⁴³.

Таким образом, Татьяна Н. видит в военной службе гражданский долг и акт патриотизма, она скептически относится к тому, что рыночные отношения могут быть этому подходящей заменой. Юлия, член группы, поддерживает идею создания вооруженных сил исключительно на контрактной основе, но также считает маловероятной ее реализацию. Она впервые пришла в эту группу, когда ее сын пропал без вести во время службы во время второй чеченской войны. Юлия подчеркнула, что людям необходимо давать выбор, идти в армию или не идти, и назвала главной проблемой отсутствие порядка в военном деле, а не военное дело само по себе. В то же время она уверяла, что военная служба важна для социализации мужчин: «Должна быть какая-то служба: мальчики, действительно, в армии взрослеют»⁴⁴. У другой участницы группы,

⁴³ Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁴⁴ Из интервью с Юлией, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

Ирины, есть сын, который на момент интервью не достиг призывного возраста. Она присоединилась к группе, разделяя ее идеи. Ирина поддерживала идею профессиональных войск и считала, что это сделает армию более подготовленной. Она также подчеркнула значение военной службы для мальчиков, которые хотят стать мужчинами: «А армия привлекает парней, которые хотят самостоятельности, которым, простите, надоели мамины фартучки и мамина забота». Ирина также подчеркнула ценность военной службы в контексте отсутствия отцов и большого количества семей, где мать выступает за главного⁴⁵. Несмотря на принятие идеи о необходимости профессионализации армии, Юлия и Ирина придерживаются мнения о том, что военная служба может служить молодым юношам обрядом посвящения в мир мужчины.

Как показывают эти примеры, матерям самарских солдат близки представления о военизированной мужественности. В мужчинах они видят патриотов-защитников, а в военной службе — мужской долг. Эти женщины также считают, что опыт военной службы играет в мужском взрослении ключевую роль. Тем не менее они признают необходимость военной службы по контракту, а в некоторых случаях поддерживают идею перехода к такой службе, но, за исключением Ольги Т., они не выступают категорически против обязательной воинской повинности.

Поддерживающее материнство

Самарские солдатские матери опираются на два понятия материнства: ответственное и поддерживающее. Понятие ответственного материнства очень похоже на то, что используют КСМР и СМСР. Как выразилась председатель одного из самарских комитетов: «Я дала им эту жизнь, я должна за нее бороться и спасти своих детей»⁴⁶. Вот какой совет она дает другим матерям:

⁴⁵ Из интервью с Ириной, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁴⁶ Из интервью с Ольгой Т., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

«Кроме вас, ваш ребенок никому не нужен. Если вы дали ему жизнь, то вы должны бороться за эту жизнь изо всех сил, любыми средствами»⁴⁷. Здесь мы снова видим аргумент в пользу того, что репродуктивные способности женщин делают их биологическими защитницами жизни. В то же время в принципах и в деятельности обеих самарских организаций понятия поддерживающего (и патриотического) материнства занимают еще более важное место. Татьяна Н., председатель другого комитета в Самаре, подчеркивает роль поддержки, которую, по ее мнению, матери должны оказывать своим сыновьям:

Матери должны помогать своим сыновьям. В день принятия присяги я всегда говорю матерям: вы не должны писать своим сыновьям письма в армию о том, что дома все плохо, что вы больны, что у вас мало денег... Пишите ему, что все хорошо. Главное, чтобы он спокойно отслужил эти два года, и именно вы должны ему в этом помочь. Мать — это опора для сына, и он возлагает на вас все свои надежды⁴⁸.

Учитывая, что Татьяна Н. определяет «хорошее» материнство через поддержку проходящего военную службу сына, роль женщины как заботливой матери приобретает в этой цитате неявный воинственный контекст. Это отражает традиционное патриархальное понимание гендерных ролей, в котором женщине отводится в основном роль помощницы. У самой Татьяны Н. два сына, оба служили в армии, один из них воевал в Чечне. Оба ее сына были явно не годны к службе, но уговорили военных врачей признать их годными, потому что они твердо верили в свой долг служить. Татьяна Н. объяснила, что она не хотела вмешиваться в выбор своих детей, а, скорее, поддерживала их в их решениях⁴⁹. Однако, будучи руководителем организации, она не ограничива-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

⁴⁹ Там же.

ется поддержкой своих сыновей-призывников, активно поощряет молодых людей следовать зову долга. Татьяна Н. описала следующий обмен мнениями:

Когда они принимают присягу, я говорю им: «Дети, вы принимаете присягу не на один день и не на два года службы — вы присягаете Родине на всю оставшуюся жизнь! Потому что, если надо, даже если вы в запасе, вы в любой момент можете пойти защищать Родину». Они говорят: «А что это такое — Родина?» А я говорю: «Родина — это мать, дом, участок земли, на котором стоит твой дом, это отец, дети, братья и сестры. Это наша Родина»⁵⁰.

Взгляды Татьяны Н. на нацию и «родину» пропитаны идеологией домашнего очага и семьи, часто встречающейся в националистических образах. Однако для анализа милитаризованной мужественности особенно интересен очевидный разрыв между ее пониманием патриотического долга и растерянностью молодых призывников. В то время как Татьяна Н. уверенно воспроизводит дискурс милитаризованного патриотизма, призывникам, которых она описывает, не хватает ясности относительно значения родины как источника патриотизма. Это отсутствие ясности отражает более широкий идеологический кризис государства и общества в постсоветской России. Именно в этом контексте государство столкнулось с серьезными вызовами своей призывной политике, выраженными в виде широко распространенного уклонения от призыва. Как видно из приведенной выше цитаты, даже те, кто служит, могут быть не совсем уверены в своей роли «защитников Родины».

Слабые места гендерной составляющей патриотической идеологии можно найти не только в поведении молодых мужчин и их запутанных отношениях с родиной. Ольга Т., председатель одного из комитетов, отметила, что они проявляются также и в том, как женщины видят себя в качестве матерей, и в их отношении к своим сыновьям:

⁵⁰ Там же.

Каждая мать в шоке. Я мать двоих сыновей. Я считаю, что, когда мальчики вырастают, родители должны испытывать чувство гордости: сыновья научились стоять на ногах, повзрослели, получили мужские профессии. Должна быть гордость за то, что ты воспитала защитника Отечества. А наши матери испытывают страх, ничего кроме страха. Я уже рассказывала, как говорят в наших роддомах: «Я родила девочку — она не пойдет в армию!»⁵¹

Ольга Т. подняла тему гордости и социального признания, которая заложена в военизированном патриотизме, точнее — отсутствия этих эмоций в постсоветской России. Матери могут испытывать чувство облегчения при рождении дочери, зная, что она не должна идти в армию. В постсоветской России ситуация в армии настолько ухудшилась, что вряд ли там можно найти причины для гордости и патриотизма. Когда призывники спрашивают: «Что это, Родина?», а матери с облегчением рожают девочку, а не будущего призывника, это подчеркивает невозможность соответствовать гендерным ролям, которые вписаны в военизированный патриотизм. Признавая эту проблему, один из комитетов проводит мероприятия, посвященные патриотическому материнству. Группа организовала мероприятие ко Дню матери «Вы служите, а мы вас ждем!», которое прошло в Доме офицеров. Матерям были вручены грамоты и памятные знаки, подтверждающие их роль «Матери защитника Отечества». Председатель группы признал, что целью таких мероприятий было укрепление морального духа матерей⁵².

В то время, как члены КСМР и СМСР призывают матерей оградить своих сыновей от военной службы, самарские активистки призывают их поддерживать своих сыновей во время военной службы и считают себя матерями защитников Отечества. Вместо того чтобы выступить против армии, они осуждают упадок

⁵¹ Из интервью с Ольгой Т., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁵² Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

военизированного патриотизма. И Ольга Т., и Татьяна Н. считают отсутствие патриотизма и престижа армии главными проблемами современной России. Указывая на нарушенный гендерный порядок, женщины выразили эту проблему, по крайней мере частично.

Чеченские войны

Матери самарских солдат не выступали публично ни за войну в Чечне, ни против нее. Но они были против того, чтобы на войну отправляли их сыновей. Член одного из комитетов Ирина рассказывала о деятельности этого комитета в начале первой войны. Сообщив, что организация была создана с целью противостояния военной кампании (чеченской войне), она быстро поправила себя, сказав, что причиной было нежелание женщин отправлять своих детей на войну:

Все началось с того, что сын Татьяны Н., младший сын, служил и воевал в Чечне. И она, очень патриотично настроенная женщина, собрала собрание женщин... родителей, чьих детей отправляли в Чечню в воинские части. Она выступала по радио и по телевидению, просто как добровольный организатор, без всякой регистрации, она просто инициировала... да, инициировала такое собрание, которое говорило: давайте будем против этой кампании... против того, чтобы наших детей отправляли служить в Чечню⁵³.

Эта еле заметная разница имеет большое значение. В случае с КСМР и СМСП, о которых говорилось выше, личная забота о благополучии сыновей вылилась в публичную антивоенную позицию. В случае с одним из комитетов в Самаре противодействие войне было публично выражено только в форме несогласия с использованием призывников в боевых действиях. Интервьюи-

⁵³ Из интервью с Ириной, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

руемая отметила патриотизм председателя группы, подчеркнув, что в нежелании отправлять своих детей на войну нет ничего непатриотичного. Продолжая воспоминания, Ирина признала очевидную хрупкость и женственность председателя, ее неспособность предотвратить отправку призывников из Самарской области воевать в Чечню: «Ну... не совсем получилось. Короче говоря, она [Татьяна Н.] все взвалила на свои хрупкие женские плечи. И потом, после этого, она не раз была в Чечне, сама ездила по местам боевой славы». Интересно, что Ирина предпочла использовать словосочетание «места боевой славы», а не «места боевых действий», которое в рассказах о зонах конфликта используется чаще. Тем самым она переопределила значение зон конфликта как мест воинской славы. В своих воспоминаниях Ирина не выражала свое противостояние войне, а, скорее, описывала сквозь линзу военизированного патриотизма. Это смысловое решение, аналогичное рассмотренному выше, когда Ольга Т. неоднократно обращалась именно к защитникам Отечества, а не к сыновьям или призывникам.

Однако использовать такой дискурс не значит бессознательно вторить военизированному патриотизму. Напротив, подобным образом солдатские матери Самары достигают нескольких целей. Во-первых, при обращении к государственным и военным чиновникам такая форма придает их требованиям легитимности. В качестве примера можно привести письмо, отправленное одним из комитетов депутату Госдумы с просьбой улучшить социальную защиту военнослужащих-сирот. В письме подчеркивается, в каком тяжелом социальном положении находятся эти мужчины после того, как они «выполнили свой долг перед Родиной»⁵⁴. Отправители письма обосновывают свою просьбу к государству патриотическим долгом. При этом важно увидеть в патриотическом дискурсе самарских солдатских матерей попытку придать смысл и ценность участию в войне своих сыновей и сыновей других матерей. Это особенно важно, учитывая идеологический

⁵⁴ Письмо, показанное мне во время посещения офиса одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

кризис периода 1990-х, в связи с которым было сложнее оправдывать войны и их человеческие жертвы. Кроме того, слабая общественная поддержка военных действий ставила в сложную ситуацию тех, кто воевал. Участвуя в акциях в поддержку военнослужащих и ветеранов, солдатские матери в Самаре пытались восполнить нехватку этой поддержки как со стороны государства, так и со стороны общества.

Когда призывников из Самары отправили воевать в Чечню, матери солдат направили свои силы на доставку гуманитарной помощи военнослужащим в зону конфликта, на помощь ветеранам в получении льгот, на похороны и на увековечивание памяти погибших солдат. Один комитет доставлял солдатам в Чечню посылки с книгами, блокнотами, ручками, бритвами, шампунем, мылом, зубной пастой, продуктами питания и многим другим⁵⁵. Другой комитет доставлял в Чечню гуманитарную помощь солдатам, создал горячую линию и поддерживал вернувшихся из Чечни раненых солдат. Председатель группы Ольга Т. особенно гордится тем, что ей удалось добиться выделения на главном самарском кладбище участка для захоронения погибших в чеченских войнах военнослужащих («чеченский квадрат»). Она также пролоббировала в региональном парламенте принятие закона о компенсации родителям погибших и помогла организовать финансовую поддержку самарским солдатам, получившим ранения⁵⁶. Обе группы сотрудничали с местными ветеранскими организациями и семьями погибших, добиваясь создания в Самаре мемориала в память о военнослужащих, погибших в Чечне. Для некоторых региональных групп солдатских матерей увековечение памяти погибших сыновей стало основным направлением их работы, о чем в своем посвященном солдатским матерям исследовании, проведенном в Барнауле (Юго-Западная Сибирь), свидетельствует Сергей Ушакин [Oushakine 2009: ch. 4].

⁵⁵ Из интервью с Ириной, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

⁵⁶ Из интервью с Ольгой Т., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

Несмотря на отсутствие публичной антивоенной позиции и поддержку ветеранов и их семей, самарские солдатские матери относились к войне критически и чувствовали межэтническую общность с чеченскими матерями. Лишь за одним исключением, опрошенные не обвиняли чеченцев в войне. Напротив, председатель организации утверждала:

Все эти войны начинаются сверху... Наши сыновья погиба-ли за эти интересы. Я ничего не знаю о мужчинах, но я встречалась с женщинами, когда мы пытались вытащить мальчиков из плена. Женщины там кормили наших детей, пытались спасти их в больницах. Мать всегда и везде оста-ется матерью. Если она убивает чужого ребенка, она уже не мать, а волчица, какой-то зверь. Сердце матери будет тре-петать независимо от этого, неважно, кто истекает кро-вью — чеченец или русский⁵⁷.

Описание Ольгой Т. заботливых чеченских матерей основано на эссенциалистском представлении о материнской ответственности за жизнь. Она говорит об универсальном материнстве, которое коренится в биологии и которое выходит за рамки этни-ческих и национальных границ. Согласно этой логике, матери везде действуют в соответствии со своей «природой»; мать, кото-рая убивает, больше не может считаться матерью. То, что Ольга Т. считает матерей-убийц нелюдями, напоминает российский воен-ный дискурс о чеченских боевиках и террористах-смертниках, о которых также говорят как о «зверях» [Russell 2007: ch. 4].

Татьяна Н. видит жертвами войны именно матерей, независи-мо с какой стороны. Вместо того чтобы рассматривать чеченские войны как этнический конфликт, она намекает, что войну разжи-гают политические или экономические интересы:

У меня есть знакомые в Тольятти — чеченцы, и женщины, и мужчины, они замечательные люди. Они абсолютно не связаны с войной. Женщины и дети в Чечне — за что они страдают? Кому это нужно? Нашим матерям это не нужно,

⁵⁷ Там же.

чеченским матерям это не нужно. Нашим сыновьям это не нужно. Но кому-то это нужно, кто-то все это раздувает и спонсирует⁵⁸.

Вопрос Татьяны Н. «Кому это нужно?» также задавала и председатель другого комитета, которая тоже ставила под сомнение цели войны: «Я задаю себе только один вопрос: для чего столько смертей, столько горя, боли, разбитых семей? Эта война посеяла столько ненависти, и потребуется много лет, чтобы она ушла. Непонятно, зачем?»⁵⁹ И Ольга Т., и Татьяна Н. признавали, что истинной причиной конфликта были политические и экономические интересы, но отказались публично выступать против войн.

В итоге оба комитета понимают свою работу как социальное служение, а не как политический акт, что характерно для менее радикальных ветвей движения солдатских матерей [Sundstrom 2006b: 182]. Один из комитетов связан с Комитетом солдатских матерей России в Москве. Однако его лидер Ольга Т. не поддерживала создание Объединенной народной партии солдатских матерей и не одобряла тот факт, что КСМР участвует в избирательной политике. Она считает, что солдатские матери должны сосредоточиться на практической работе, в которой нуждаются военнослужащие и их семьи⁶⁰. Другой комитет не является членом КСМР, но поддерживает тесные отношения с Советом родителей военнослужащих, который получает финансирование от государства. Под руководством Галины Шалдиковой работа Совета направлена на подрыв независимого движения солдатских матерей⁶¹. Способность самарских солдатских матерей занимать

⁵⁸ Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июль 2006 года.

⁵⁹ Из интервью с Ольгой Т., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Из интервью с Татьяной Н., председателем одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

критическую политическую позицию была также ограничена наличием финансовых и других (например, предоставленных офисных помещений) ресурсов, которые они получали от местных и региональных властей. Их политика определялась тесным сотрудничеством с организациями ветеранов и семей погибших солдат (а не с правозащитными группами, как в случае с КСМР и СМСП). Кроме того, на их повестку влияло то, что в войнах участвовало относительно большое количество призывников из Самарской области, включая их собственных сыновей.

Заключение

В определенной степени группы солдатских матерей в Москве, Санкт-Петербурге и Самаре преследовали одну и ту же цель: защита прав солдат и протест против службы призывников в чеченских войнах. Однако влияние этих групп на политику милитаризации в постсоветской России было совершенно разным. Независимые солдатские матери в Москве и Санкт-Петербурге внесли свой вклад в демилитаризацию российского общества. Они взяли на себя ведущую роль в выражении несогласия с ведением войны в Чечне и требовали урегулирования конфликта политическим путем. КСМР и СМСП выступали за новый порядок отношений между военными и обществом, который бы характеризовался верховенством закона, прозрачностью и гражданским контролем. Обе организации отвергали военную службу как институцию легитимации мужской гражданственности и боролись за отмену обязательной воинской повинности.

Найти место на палитре де- и ремилитаризации для солдатских матерей Самары, однако, сложнее. Отчасти их деятельность поддерживает процесс демилитаризации, например, когда они защищают права призывников или требуют от Вооруженных сил нести ответственность за определенные действия. При этом они вдохновляют на военную службу призывников и их матерей, поддерживают военные части и ведут работу по увековечиванию памяти погибших солдат, что, в свою очередь, способствует со-

хранению военизированного общественного сознания. Самарские группы опираются в своей работе на гендерно окрашенный дискурс милитаризованного патриотизма, согласно которому мужчины — защитники Отечества, а женщины — поддерживающие матери этих «боевых» мужчин⁶². Этот милитаризованный патриотический дискурс — инструмент самарских активисток для придания своим требованиям большей легитимизации, а также для придания смысла участию своих сыновей в войнах, которые они и многие другие россияне находят бессмысленными и ненужными. Их политика также способствует возрождению милитаризованного патриотизма и патриотического воспитания, которые сопровождали вторую чеченскую войну. Несмотря на то, что один из комитетов является филиалом Союза комитетов солдатских матерей России, который критически относится к милитаризованному патриотизму и выступает против призыва в армию, одной из своих целей организация видит военно-патриотическое воспитание допризывной молодежи. Руководитель другого комитета вдохновляет молодых людей на военную службу, а их матерей — на поддержку во время службы сыновей. Риторика этой организации немногим отличается от Национального московского совета родителей военнослужащих, с которым она связана: юноши должны служить в армии. Их деятельность направлена на то, чтобы убедить отдельных мужчин и их матерей подчиниться политике обязательной военной службы. Согласно этой логике, ответственное материнство — это не только защита прав сыновей призывного возраста, но и подготовка сыновей к военной службе⁶³.

Председатель Совета родителей военнослужащих Шалдикова недвусмысленно прокомментировала разницу между своей организацией и КСМР: «Мы существуем не для того, чтобы разру-

⁶² Интересно, что в своем исследовании писем, отправленных в Московский КСМР семьями солдат со всей страны, Анна Колин Лебедев обнаружила похожие отсылки к гендерированным и патриотическим смыслам [Lebedev 2007].

⁶³ По словам председателя Совета родителей военнослужащих, такая подготовка к военной службе должна начинаться со дня рождения мальчика (Чернова Н. Материнский заказ // Новая газета. 6 октября 2003).

шать военное дело, а для того, чтобы восстановить взаимопонимание между семьями и Вооруженными силами, повысить значимость военной службы в обществе» [Удманцев 2009]. Не обращая внимания на роль матерей, мы можем упустить важнейший фрагмент мозаики, необходимый для понимания военизированной мужественности в постсоветской России. Матери были в авангарде борьбы за изменение отношений между военной системой, гражданским долгом и мужественностью. Матери также играли важную роль в стремлении государства увеличить количество призывников. Как показывает анализ четырех организаций, между материнством и милитаризацией нет прямой связи. Похоже, движение солдатских матерей само по себе является частью гендерированного поля постсоветской России, на котором милитаризация общества принимает вызов и одерживает победу. Следующая глава, в которой исследуются самоидентификация и репрезентация ветеранов чеченских войн, показывает, что у ветеранов столь же сложные отношения с процессами де- и ремилитаризации. Хотя они часто фиксируют взаимосвязь между мужественностью и Вооруженными силами, их военный и послевоенный опыт демонстрирует многочисленные проблемы военизированной мужественности в постсоветской России.

Глава 5

Ветераны чеченских войн. Сомнительные бойцы или образец мужественности?¹

Россияне не поддерживали ведение чеченских войн. Только ненадолго, в самом начале второй войны большинство опрошенных россиян поддерживало эту военную операцию. В отличие от войны США во Вьетнаме, сомнительность указанных кампаний была очевидна даже в самих вопросах о роли российских войск в Чечне. Как красноречиво выразилась во время второй чеченской войны Анна Политковская:

Мы все пытались разобраться в этих солдатах и офицерах, которые каждый день убивали, грабили, пытали и насиловали в Чечне. Были ли они бандитами и военными преступниками? Или они были непоколебимыми поборниками глобальной войны с международным терроризмом, которые использовали все имеющиеся в их распоряжении оружие и благородная цель которых оправдывала используемые ими средства? [Politkovskaya 2004].

Представления о людях, сражавшихся на стороне российских федеральных сил в чеченских войнах, часто расходились с образом героического воина, который является главным для ведения и оправдания войны. В этой главе я пишу о том, как общество

¹ Укороченная версия данной главы была опубликована в [Eichler 2011].

и государство в постсоветской России относились и относятся к участникам чеченских войн, а также о том, что эти люди думают о своем военном и послевоенном опыте.

Хотя идеология войны подразумевает корреляцию мужчин с Вооруженными силами и войной, а корреляцию женщин — с потребностью в защите², мы не сможем найти прямой взаимосвязи между мужественностью и войной. Воин остается «ключевым символом мужественности», и участие мужчин в войне воспроизводит образ военизированной мужественности множеством способов [Morgan 1994: 165]. Однако война также обнажает проблемы милитаризации мужской идентичности, которые проявляются в уклонении от призыва и трудностях, с которыми сталкиваются многие страны при наборе солдат. Некоторые мужчины с трудом справляются со своей ролью воина, а высокий уровень переживаемого военными служащими и связанного с боевыми действиями стресса подчеркивает присущую милитаризованной мужественности хрупкость [Whitworth 2004: 166–171]. Приведенный в этой главе анализ показывает, как противоречивые процессы де- и ремилитаризации влияют на мужскую идентичность и представления о мужественности как во время, так и после войны.

В Советском Союзе ветераны Великой Отечественной войны были героями и окруженными почетом гражданами. В отличие от них, участники чеченских войн, число которых в 2003 г. оценивалось в 1,5 миллиона человек [Zarakhovich 2003], в большинстве своем не воспринимались россиянами ни героями, ни образцами для подражания. Чаще всего в них видели сомнительных воинов, которые и вернувшись с войны не соответствовали общим представлениям о настоящем мужчине. В результате пережитого военными служащими, их действий, общественных представлений и государственной политики возникали как различные образы мужчин, воевавших в Чечне, так и мнения о них. Российский солдат, воевавший в Чечне, мог оказаться воплощением героического воина, воином подневольным,

² См. сноску 7 во Введении.

воином свирепым, воином уязвимым и воином непризнанным. Такое восприятие российского военнослужащего только ухудшало позиции государства в ведении им войны и военной мобилизации населения. Попытки улучшить имидж «чеченцев» во время второй войны были направлены на изображение их как способных вдохновить новое поколение солдат героев-патриотов и пример для подражания.

Военная служба и сущность мужчины

В предыдущих главах я показала, что служба в армии как ключевой элемент для мужской социализации и гражданской принадлежности в постсоветской России потеряла свою актуальность в глазах многих. Примечательно, что важность военной службы для социализации мужчин сохраняет свою ценность среди людей, которые работали или служили в армии. Все мужчины-ветераны, чьими историями наполнена большая часть этой главы, полагали, что военная служба необходима каждому мужчине. Я познакомилась с этими мужчинами через ветеранские организации в Самаре, местные группы солдатских матерей или используя личные контакты³.

Приключения и романтизм военной жизни, а также желание защищать страну были для некоторых военных привлекательными⁴. Других привлек в армию интерес к военным играм и военной технике, который начался еще в детстве⁵. Ветераны подчеркивали роль армии как важного элемента мужской социализации, который помогает мужчинам повзрослеть, возмужать и быть готовым к вызовам жизни. В частности, они связывали службу в армии с мужской независимостью и ответственностью. Алексей С. — бывший командир полка в Чечне, вышедший в отставку по причине ранения, полученного во время войны, до сих пор

³ См. сноску 13 во Введении.

⁴ Из интервью с Алексеем С., Самара, июнь 2006 года.

⁵ Из интервью с Вадимом и Антоном, Самара, июнь 2006 года.

является членом местной призывной комиссии. Он отметил, что служба в армии играет важную роль в превращении призывника в мужчину:

Когда он приходит в армию, его втягивают в систему — в распорядок дня, в военную подготовку... и когда он возвращается домой через два года, он приходит мужчиной, готовым к любым трудностям. Он способен принимать решения, понимать задачи и выполнять любую работу. Он ушел в армию мальчишкой после школы, и там [в армии] ему привили самостоятельность⁶.

Это мнение разделяли и призывники, которые подчеркивали важность армии для развития мужчины. Один из призывников, с которым я беседовала, Антон, выступал за обязательную службу именно по причине ее роли в формировании характера мужчины:

Сама армейская обстановка — это чисто мужской коллектив, где человек впервые в жизни сталкивается с серьезными, ответственными вещами. В армейской среде у человека есть возможность развивать свой характер, формировать свой характер. В целом, после армии люди отличаются от своих сверстников, которые не служили. Они относятся к вещам с большей ответственностью⁷.

Даже те мужчины, которые считали, что в деле обороны России более эффективна профессиональная армия, настаивали на том, что военная служба важна для социализации мужчин. Как сказал один ветеран Афганской войны, обществу необходим институт для социализации мужчин: «Армия прививает мужчине необходимые мужчине свойства: бойцовские качества и технику выживания»⁸. Вадим, который проходил срочную службу в первую чеченскую войну, сказал, что опыт военной службы радикально

⁶ Из интервью с Алексеем С., Самара, июнь 2006 года.

⁷ Из интервью с Антоном, Самара, июнь 2006 года.

⁸ Из интервью с Романом, Самара, июнь 2006 года.

изменил его и был поворотным для его перехода во взрослую жизнь. Он выступает за обязательную военную службу не только потому, что она важна для социализации мужчин, но и потому, что помогает мужчинам осознать себя защитниками:

Необходимо, чтобы каждый молодой человек ощутил свою значимость как защитник своей Родины. Чтобы, приходя на службу в армию, он отдавал себе отчет, что он пришел сюда, чтобы охранять своих родных и близких. Если за защите Родины платить деньги, то меняется цель службы⁹.

Интересно, что Вадим признал, что роль защитника придает мужчинам особую значимость и помогает сформировать саму их сущность как мужчин. Как показывают эти примеры, мужчины, отслужившие в армии, по-прежнему находятся под влиянием представлений о милитаризованной мужественности, независимо от негативного опыта, который они могли получить в результате дедовщины или участия в боевых действиях¹⁰.

Важную роль в решении мужчин (и женщин) вступить в ряды Вооруженных сил играют семейные узы. Все ветераны, у которых я брала интервью, были профессиональными военными, выросшими в военных семьях, и всю свою взрослую жизнь служили. Двое призывников видели пример для подражания в своих родственниках-мужчинах, у которых есть опыт военной службы. Дмитрий, застенчивый и задумчивый молодой человек лет двадцати пяти, признавал это: «Может быть, на меня повлияло и то, что мой отец был военным, а дед служил во время войны»¹¹. Антон также упомянул службу своего отца как фактор, повлиявший на его решение пойти в армию: «Люди, которыми я восхи-

⁹ Из интервью с Вадимом, Самара, июнь 2006 года.

¹⁰ За исключением Анатолия, мои интервьюируемые не говорили открыто о своем собственном опыте дедовщины, а только о дедовщине как о более общей проблеме во время военной службы (Из интервью с Анатолием, Самара, июнь 2006 года). Я обсуждаю некоторые из негативных переживаний, связанных с боевыми действиями, ниже в разделе «Хрупкие воины».

¹¹ Из интервью с Дмитрием, Самара, июнь 2006 года.

щаюсь, все служили, почему я должен отличаться от них?»¹² Эти мужчины рассматривали свою военную службу как часть семейной связи между поколениями, основанной на родственных узах, соединяющих мужчин.

Иногда, однако, мужчины служат в армии или идут на войну не потому, что у них есть образец для подражания, а потому, что им нужно «соответствовать уровню» других мужчин. Такую динамику можно заметить среди служивших в Чечне милиционеров из МВД. Московский центр «Демос» провел опрос среди ветеранов второй чеченской войны из их числа. Руководитель центра Таня Локшина прокомментировала мачизм, который привел новых сотрудников милиции в Чечню: «Приезд в Чечню — это часть процесса инициации или обязательной социализации новых сотрудников милиции. Новичков окружают старшие офицеры, которые побывали в Чечне. Поэтому они не хотят отставать, они хотят, чтобы их считали крутыми» [Filippova 2007]. Для этих полицейских боевой опыт был важным шагом на пути к признанию себя «настоящим мужчиной» (и настоящим полицейским).

Военная служба и особенно опыт участия в боевых действиях создают между мужчинами новые отношения. Антон прокомментировал это так: «Я думаю, что из тех ребят, которые служили со мной, никто не пожалел, что пошел в армию. Прошло уже десять лет, как я вернулся из армии, но мы встречаемся до сих пор, потому что мы — братство, и эти люди стали для меня семьей»¹³. Военная служба и боевые действия укрепляют разделение гендерных сфер, поскольку они объединяют мужчин в той обстановке, в которой женщин по большому счету нет [Morgan 1994: 166]. В некоторых случаях сослуживцы становятся ближе друг к другу, чем к своей собственной семье, особенно к женщинам. Один призывник (он не служил в Чечне), с которым я беседовала, сообщил, что не мог поделиться своим армейским опытом с матерью. Рассказывая мне о тяготах и жестокости военной жизни, которые связывали его с однополчанами, он остановился

¹² Из интервью с Антоном, Самара, июнь 2006 года.

¹³ Там же.

и сказал: «Я никогда не рассказывал своей матери ничего из того, что рассказал вам, потому что она просто не поняла бы. Ни одна женщина не смогла бы этого понять»¹⁴. Для мужчин-ветеранов опыт службы и участия в боевых действиях положил начало их мужественности, укрепил старые мужские связи и создал новые.

Подневольные воины: моральный дух солдат и мораль войны

Чеченские войны стали ассоциироваться с образом постсоветского российского военнослужащего как безвольного солдата. Первая война, в частности, показала, что есть мужчины, которые не хотят участвовать в войне, и мужчины, которые в душе либо были против этой войны, либо не были готовы к ней. Когда мужчины не проникаются мужской обязанностью быть солдатом, а военнослужащие не хотят воевать и убивать, сама суть военизированной мужественности и способности государства вести войну ставятся под вопрос. Нежелание воевать олицетворяет снижение боеготовности Вооруженных сил в постсоветской России¹⁵.

Вооруженные силы, по сути, представляют собой подготовку одних мужчин (и некоторых женщин) к убийству других. Быть солдатом означает быть готовым от имени государства совершить физическое насилие крайней степени [Whitworth 2004: 151–152]. Подготовка мужчин к войне включает в себя тренировку таких видов мужественности, как храбрость и отвага, а также подавление качеств, стереотипно ассоциирующихся с женственностью, таких как эмоциональность и сострадание. «Подавление эмоций» и «преодоление страха», как объясняет Джошуа Голдштейн, яв-

¹⁴ Из интервью с Анатолием, Самара, июнь 2006 года. Анатолий, кажется, не осознавал иронии своего заявления. Отчасти, я думаю, мой статус иностранного исследователя затмил мой пол и поставил меня в стороне от российского гендерного порядка. С другой стороны, возможно, мой интерес к военной системе отчуждал меня от женщин.

¹⁵ Felgenhauer P. Call-up: No Professional Army Yet in Sight in Russia // Segodnia. 1995. May 4 / Current Digest of Post-Soviet Press. 1995. Vol. 47. № 18. P. 16–17.

ляются ключевыми компонентами в обеспечении способности мужчин воевать [Goldstein 2001: 266–267]. Мужчины, которые отказываются участвовать в войне или не хотят убивать, рискуют прослыть трусами и неудачниками.

Значительное число офицерского состава приняло участие в первой чеченской войне (которая началась в декабре 1994 г.) против своей воли¹⁶. Один из ветеранов, с которым мне удалось побеседовать, — пример того военнослужащего, который воевал, несмотря на свое скептическое отношение к войне. Михаил Р. был на первой войне командиром, но его беспокоили моральные дилеммы, связанные с его участием. Он командовал войсками при штурме Грозного в новогоднюю ночь 1994–1995 гг., во время которого его подразделение понесло огромные потери: 62 человека погибших и 147 раненых¹⁷. Он описал ночь на 31 декабря 1994 г. как самый страшный день в своей жизни и был особенно расстроен тем, что ему пришлось отдавать тела погибших солдат членам их семей. Михаил Р. считал войну политически мотивированной, а также результатом того, что российское и чеченское руководство не смогли прийти к соглашению. Он подчеркнул, что не питает негативных чувств к чеченцам, которых считает «такими же, как мы». По его мнению, война была «несправедливой», так как «каждый народ должен сам решать свою судьбу». Поэтому он считал «морально невозможным» вести войну против своих сограждан и рассматривал потери с обеих сторон как «бессмысленные». Михаил Р. также отметил, что у военнослужащих, участвовавших в новогоднем штурме Грозного, не было желания воевать, но это стало более очевидным, когда они вошли в Грозный в следующий раз¹⁸.

¹⁶ Меньшее количество людей противилось вторжению в Чечню. Как уже говорилось во второй главе, по причине своего несогласия с войной подали в отставку более 500 офицеров, а также несколько видных генералов.

¹⁷ В ту новогоднюю ночь в ходе штурма Грозного погибло около 1000 военнослужащих российских войск. См.: Ковальская Г. Штурм и Глулость // Ежедневный Журнал, 1 апреля 2003.

¹⁸ Из интервью с Михаилом Р., Самара, июль 2006 года.

Военные аналитики связывали неуспешность действий российских федеральных сил, особенно в первой чеченской войне, с недостаточной военной подготовкой и необученностью солдат [Trenin et al. 2004: 109]¹⁹. Также военному и государственному руководству приходилось бороться с низким боевым духом военнослужащих²⁰. Как отмечал в феврале 1995 г. генерал-лейтенант Николай Цымбал: «Солдаты и даже офицеры, то есть профессиональные военные, сдаются в плен десятками. Только по этому показателю можно судить о моральном состоянии наших войск». На ранних этапах первой войны призывники не были должным образом информированы о задании и не понимали, за что они воюют [Ливен 2019: 464]. Один майор-десантник выразил свои сомнения следующим образом: «Если речь идет о чеченских бандитах, то это совсем другое дело... Но все равно, я не знаю, зачем мы здесь» [Ливен 2019: 233]. Вторая война пользовалась большей поддержкой населения, чем первая, но боевой дух, тем не менее, был сломлен. Для иллюстрации этого Павел Фельгенгауэр приводит пример войск, которые во время второй чеченской войны отказались следовать за своим командиром. В январе 2000 года войска Министерства внутренних дел бросили командующего генерала Михаила Малофеева, который в результате был убит [Felgenhauer 2000].

Отсутствие у солдат желания воевать было одной из главных проблем, о которой также говорил Алексей С. Во время первой чеченской войны он служил командиром полка, и когда его спросили о его военных впечатлениях, он сосредоточился на недостаточной «моральной» подготовке своих солдат. Алексей С. описал солдат под его командованием как боязливых и чрезмерно озабоченных потерей собственной жизни, что подрывало их способность воевать. Он признал, что испытывать страх — не-

¹⁹ См. также, напр.: Deryugin Reserve Col. Y. Incompetents in the Science of Winning Victory Are Creating a Slaughterhouse // Rossiiskie Vesti. 1995. January 10 1995. P. 2 / Current Digest of Post-Soviet Press. 1995. Vol. 42. P. 2–4.

²⁰ В мемуарах Аркадия Бабченко подробно иллюстрируется проблема отсутствия у солдат боевого духа [Бабченко 2016: 59].

отъемлемая часть солдатской жизни, которая иногда может быть полезна на войне. Однако он добавил, что преодоление страха имеет решающее значение для способности солдата выполнять свою задачу, которая заключается в «победе над врагом»²¹. Что касается вопроса о гибели мирных жителей, Алексей С. подчеркнул, что «хорошие» солдаты должны выполнять приказы и оставить вопрос об ответственности государству. Солдаты не должны беспокоиться о том, есть ли гражданские на линии огня: «Подготовленный солдат не должен так думать, он должен выполнять свою задачу. Государство, которое послало туда солдата, должно нести за это ответственность»²². По мнению офицера, роль солдата заключается в том, чтобы просто выполнять приказы и не задумываться о моральности своих действий.

Хорошо обученный солдат будет способен нанести физический вред, если был отдан соответствующий приказ²³. По мнению Алексея С., чеченские войны указывали на изменение в способностях российских солдат убивать:

Еще один важный моральный аспект заключается в том, что человек, отправляющийся на войну, должен быть морально к ней готов. Каким образом? Когда он стреляет по цели — это одно. Но когда приходится стрелять по врагу, по живым людям, это совсем другое дело. В Афганистане наши ребята были готовы, а в Чечне, к сожалению, нет²⁴.

Противопоставление с Афганской войной обращает наше внимание на превосходящую по сравнению с постсоветским периодом мощь Советской армии и способность ее солдат вести

²¹ Из интервью с Алексеем С., Самара, июнь 2006 года. На тему страха боевых действий см. [Goldstein 2001: 253–257, 267–269].

²² Из интервью с Алексеем С., Самара, июнь 2006 года.

²³ Интересное сравнение можно найти в книге [Grossman 1995]. Автор утверждает, что во время Второй мировой войны большинство американских солдат (80–85 %) не стреляли в противника, но с тех пор произошло падение чувствительности к насилию, что повысило готовность стрелять.

²⁴ Из интервью с Алексеем С., Самара, июнь 2006 года.

войну. Оно также подчеркивает различные идеологические контексты, в которых велись эти две войны. Афганская война, в отличие от идеологического кризиса постсоветских лет, велась в последние годы существования Советского Союза, которые все еще были временем идеологической стабильности. Как отмечает Дмитрий Писаренко, солдаты, воевавшие в Афганистане, в целом принимали официальный взгляд на войну²⁵.

В чеченских войнах государству не удавалось навязать свою интерпретацию конфликта, и непонимание обществом истинных причин вторжения выливалось у воюющих солдат в моральную неопределенность²⁶. Цитата из воспоминаний Аркадия Бабченко о войне передает это чувство неуверенности: «Мы не знаем, за что воюем. У нас нет цели, нет нравственного, внутреннего оправдания. Нас отправляют умирать и убивать неизвестно за что» [Бабченко 2016: 128]. Оправдание войны осложняется тем, что «враг» живет на территории этого же государства. Чеченцы — такие же граждане России, как и воюющие с ними военнослужащие федеральных сил. Бабченко цитирует своего сослуживца, который выразил эту дилемму следующим образом: «Что-то я не пойму: чеченцы, они граждане России или враги России? Если они враги — то их надо попросту всех убить и не церемониться. А если они граждане — то как же с ними воевать?» [Бабченко 2016: 68]. Когда цель войны неясна, а враг неоднозначен, способность солдат воевать и совершать физическое насилие оказывается под угрозой.

Отсутствие ясного ответа на вопрос, зачем убивать и умирать, обнажает проблему идеологического кризиса, который сопровождал эти войны и который был связан с гендерными вопросами. Образ российского солдата как безвольного воина — часть более глобального кризиса милитаризованной мужественности в постсоветской России. Важно отметить, что российская обществен-

²⁵ Писаренко Д. Раны войны: чеченский синдром // Аргументы и факты. 21 августа 1996. С. 13.

²⁶ Более детальное описание общественного отношения к войне можно найти в главе 2.

ность с пониманием относилась к мужчинам, которые отказались участвовать в войне. В опросе, проведенном в начале 1995 г., 74 % респондентов считали несправедливым преследование военно-служащих, отказавшихся служить в Чечне²⁷. Опросы, проведенные во время второй войны, показывали, что большинство населения также поддерживало уклонившихся от призыва и дезертиров [Фонд «Общественное мнение» 2002a; Gerber, Mendelson 2003]. Ведение российским государством войны в Чечне столкнулось с сопротивлением, во-первых, со стороны мужчин, которые уклонялись от призыва, уходили со службы или проявляли такие эмоции, как страх и сочувствие во время военной службы, и во-вторых, со стороны общества, проявившего к этим мужчинам сочувствие.

Свирепые воины: убивая «другого»

Рядом с российским военнослужащим в ипостаси воина подневольного мы найдем его же, но в ипостаси воина свирепого. Международное право и, в частности, Женевские конвенции устанавливают гуманное обращение с пленными и некомбатантами и определяют ограничения на применение в их отношении насилия. Обе чеченские войны видели широкомасштабное насилие в отношении гражданского населения, о чем свидетельствуют журналисты, ученые и правозащитники. Однако во время второй войны его масштабы и систематичность применения увеличились [Human Rights Watch 2000; Politkovskaya 2001; Gilligan 2010]²⁸. Образ воина свирепого заставил усомниться в справедливости этих войн и боевых действий российских военнослужащих

²⁷ The Majority of Russia's People Are Against Putting Military Men Who Refuse to Serve [in Chechnya] on Trial // Segodnja. 1995 / Current Digest of Post-Soviet Press. 1995. Vol. 47. № 4, January 28.

²⁸ См. также: Felgenhauer P. The Russian Army in Chechnya Is Being Systematically Stripped of What Remains of Its Human Face // Ekho Moskvy. 2000. February 13 / Current Digest of Post-Soviet Press. 2000. Vol. 52. № 7. P. 5.

в Чечне, особенно во время первой войны. Обоснование второй войны как войны против терроризма привело к более широкому одобрению жестокого насилия, совершаемого некоторыми российскими военнослужащими в Чечне.

Когда солдаты совершают насилие против гражданских лиц, а не против военных, государство и общество могут интерпретировать их насильственные действия не как героизм, а как чрезмерное проявление силы. Однако феминистские исследовательницы подчеркивают, что чрезмерное насилие, совершаемое военнослужащими, не случайно и является порождением самой военной структуры, формирующей военизированную мужественность. Сандра Уитворт отмечает, что военная подготовка «состоит из тренировки и закрепления агрессивного поведения» [Whitworth 2004: 99]. Более того, утрированные идеалы мужественности, воспеваемые в ходе военной подготовки, часто основаны на унижении «другого», по гендерному, этническому и/или сексуальному признаку. Чрезмерное насилие по отношению к «другому» является результатом самого формирования военнослужащего [Whitworth 2004: ch. 4, 6]. «Другой» играет центральную роль не только в воспитании солдата, но и в воспроизводстве военизированной мужественности. Например, четкое представление о «другом» на войне помогает оправдать более агрессивное поведение по отношению к врагу²⁹.

Тесная связь между милитаризованной мужественностью, чрезмерным насилием и конструированием врага нашла подтверждение и в взятых мной интервью. Дмитрий, который во время второй войны был добровольцем, критиковал чрезмерное насилие, применяемое в Чечне некоторыми военнослужащими. По поводу войны он сказал: «Она оставила незабываемый отпечаток. Но я не испытываю ненависти к чеченскому народу. Я считаю, что солдат должен делать все хладнокровно. Если это необходимо, то он должен выполнить свою задачу, но без выплеска нега-

²⁹ Когда солдаты начинают соперничать с врагом, они теряют способность совершать физическое насилие. Этот процесс хорошо заметен в историях солдат, которые выступают против войны [Key, Hill 2007].

тивных эмоций»³⁰. Хотя он выступал против чрезмерного насилия, он считал, что определенный уровень готовности принуждения силой необходим солдату для выполнения поставленной перед ним задачи.

Однако мое интервью с Антоном, бывшим во время первой войны солдатом-срочником, продемонстрировало менее сдержанный подход. Антон был недоволен неадекватным, по его мнению, ведением войны его командирами. Он выступал за более жестокий подход к чеченским боевикам:

В самом начале, я думаю, нужно было все делать по-другому. Нужно было быть более жестким, более жестоким, просто убить всех, ну, я не имею в виду убить всех, но окружить всю территорию... и объявить, что тот, кто считает себя мирным жителем, должен уйти, мы вас не тронем... ...а всех, кто останется в городе, мы будем считать боевиками³¹.

Антон обвинял военное командование в том, что оно не разрешало солдатам проявлять больше жестокости. Он сетовал на непоследовательность подхода к военным действиям в Чечне. Больше всего Антона беспокоил тот факт, что федеральные силы проиграли первую войну: «Обидно, что мы не были более жестокими. Война есть война. Люди умирают»³². Антон явно был готов убивать и причинять физический вред, необходимый для победы в войне. Хотя в интервью со мной он старательно проводил различие между чеченскими военными и гражданскими лицами, в разговоре с ним и его друзьями, который имел место позднее, оказалось, что он придерживался в отношении чеченцев негативных стереотипов, называя их «преступниками» и «низшими существами».

Хотя Антон выступал за более жестокое ведение войны, он был разочарован тем, что СМИ изображали российские федеральные силы как свирепых воинов. В отличие от многих молодых людей,

³⁰ Из интервью с Дмитрием, Самара, июнь 2006 года.

³¹ Из интервью с Антоном, Самара, июнь 2006 года.

³² Там же.

уклоняющихся от призыва в постсоветской России, Антон пошел на военную службу по собственной воле. Несмотря на то что в армию его призвали, он подчеркивал разницу между его добровольным желанием служить и тем, каким СМИ изображали российского военнослужащего:

Я поехал добровольно, сделал все, что мне сказали, выполнил все задания. Моя помощь там действительно была нужна, я это понял, поговорив с местными. Я был очень нужен... А что я получил в ответ? Что показали по телевизору? Что мы оккупанты. Особенно НТВ³³... Что мы там убиваем всех... Что мы несчастные заблудшие бойцы. Поток информации был такой... как будто я сделал что-то плохое. Как будто не страна послала нас туда, а мы сами решили туда поехать. Это, конечно, было нелегко... Государство хочет забыть об этой войне как можно быстрее. В конце концов, все это всплывет наружу³⁴.

По мнению Антона, СМИ предали солдат. Они изображали их чрезмерно жестокими, не признавали за ними жертвенности и обвиняли в насилии в Чечне именно их, а не государство. Публичное описание первой чеченской войны очень повлияло на то, как Антон видел свое в ней участие. Он чувствовал, что война была необходима, а его роль в ней была важна, но он не нашел этому чувству общественного подтверждения. Многие ветераны называли реакцию общества и государства предательством; это обычное среди ветеранов явление, которое можно было наблюдать и во время войны США во Вьетнаме [Boose 1993] или «канадского дела» в Сомали³⁵ [Whitworth 2004: 107–108].

³³ Антон имеет в виду освещение первой войны частным телеканалом НТВ, который был весьма критичным к тому, как война освещалась на официальном уровне [Mickiewicz 1999: ch. 11].

³⁴ Из интервью с Антоном, Самара, июнь 2006 года.

³⁵ Смерть сомалийского подростка в марте 1993 года в результате издевательств и пыток, которым он подвергся со стороны канадских солдат в Сомали. — *Примеч. ред.*

Дело полковника Буданова: военный преступник или герой?

Темы «врага» и «предательства» появились и в деле полковника Юрия Буданова, яркого примера жестокого воина второй чеченской войны. Полковник Буданов участвовал в обеих чеченских войнах и получил орден Мужества. В ночь с 26 на 27 марта 2000 г. командир находящегося в Чечне 160-го танкового полка Буданов вошел в дом семьи Кунгаевых в Танги-Чу (юго-западнее Грозного) и схватил восемнадцатилетнюю Элзу Кунгаеву. Она была доставлена в воинскую часть для допроса, во время которого Буданов задушил и убил ее. Через несколько часов полковник Буданов приказал трем своим подчиненным закопать тело за пределами воинской части. Буданов был арестован на следующий день, а затем ему предъявили обвинение, и началось судебное разбирательство, которое затянулось на более чем три года. В декабре 2002 г. Северо-Кавказский военный окружной суд оправдал Буданова на основании его временной невменяемости. Верховный суд России признал этот приговор незаконным³⁶, а в июле 2003 г. повторно рассмотрел дело и приговорил Буданова к десяти годам лишения свободы за похищение и убийство Кунгаевой. Буданов был лишен воинского звания и наград. Хотя имелись веские доказательства изнасилования Кунгаевой, это обвинение было снято по причине противоречивых толкований того, произошло изнасилование до или после ее смерти³⁷.

Буданов утверждал, что арестовал Кунгаеву на основании того, что она была снайпером сепаратистских вооруженных сил. Буданов заявил, что он впал в ярость и убил ее во время допроса после того, как ему стала очевидна ее ответственность за недавнюю смерть некоторых его подчиненных³⁸. Хотя доказательства

³⁶ Maybe Guilty, Maybe Sane: Supreme Court Reviews Yury Budanov Case // *Kommersant*. 2003 / *Current Digest of Post-Soviet Press*. Vol. 55. № 9.

³⁷ URL: <http://www.starovoitova.ru/rus/texts/06/books/zashita/06.htm> (дата обращения 15.03.2022)

³⁸ Статья Амандины Регамей помогла мне определиться с рядом источников, к которым я обращаюсь в этом разделе [Regamey 2008].

причастности Кунгаевой к сепаратистским вооруженным силам так и не были найдены, сторонники Буданова подчеркивали его статус военного героя и делали из него жертву государства и судебной системы. В поддержку Буданова у здания суда в Ростове-на-Дону были организованы протесты с такими лозунгами, как «Свобода героическому офицеру!». Опросы, проведенные местными СМИ, показали, что полковника поддерживали от 70 до 80 % местных жителей³⁹. Представители ультраправых и, в меньшей степени, ультралевых сил громко требовали освобождения Буданова. За него также активно выступал губернатор Владимир Шаманов, бывший генерал, участвовавший в чеченских войнах и бывший военным начальником полковника: «Я ответственно заявляю, что Буданов не виновен, и доказать его вину не удастся. Я говорю это не из чувства корпоративной солидарности, а потому что есть надежда на беспристрастный суд»⁴⁰. Шаманов расценил суд над Будановым как «идеологическую интервенцию западных стран против России» и назвал его «настоящим офицером, командиром, [и] достоинством России»⁴¹. Буданов также получил поддержку от комитета солдатских матерей Брянска и офицеров Волгограда. Последние подытожили аргументы сторонников Буданова в армии: «[По] Буданову судят всю армию за выполнение долга в Чечне» [Соколов б/д]. Для своих сторонников Буданов был олицетворением положения Вооруженных сил в обществе и их роли в чеченских войнах. Если судили Буданова, то судили и военных, и если его репутация была запятнана, то и репутация военных была запятнана [Regamey 2008: paragraph 14].

Администрация Путина и часть военного руководства, однако, хотели использовать дело Буданова для улучшения репутации

³⁹ Yuzhny A. Trial of Col. Budanov Postponed: Atmosphere Surrounding Trial Is Becoming More and More Tense // Segodnia. 2001 / Current Digest of Post-Soviet Press. 2001. Vol. 53. № 10. P. 2.

⁴⁰ Суд должен полностью оправдать полковника Буданова // На большом посту. 2001. 7 марта. С. 2.

⁴¹ Там же.

Вооруженных сил в Чечне. Начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин после ареста Буданова заявил, что «таких подонков, как он, надо вырывать с корнем из наших Вооруженных сил»⁴². Аркадий Баскаев, депутат Госдумы от проправительственной партии «Единая Россия», бывший во время первой чеченской войны генералом, отреагировал на приговор Буданову следующим образом: «Именно из-за таких, как Буданов, многие стали говорить, что все [военнослужащие], проходящие через Чечню, такие. Я не хочу, чтобы меня добавили в этот список. Поэтому лучше, чтобы Буданов понес полную ответственность за свои действия»⁴³. Помощник президента Сергей Ястржембский отреагировал на приговор Буданову аналогичным образом: «Армия очищается от людей, которые замарали честь мундира» [Andryukhin 2003: 8]. Эти видные политические и военные деятели заботились, прежде всего, о репутации Вооруженных сил и участвовавших в боевых действиях солдат, не осмысляя в более широком смысле применение насилия против гражданского населения в Чечне⁴⁴.

Дело Буданова — одно из немногих судебных дел, возбужденных российским государством против военнослужащих, участвовавших в боевых действиях в Чечне, на основании преступлений против гражданского населения. Как отмечает Усам Байсаев, массовые убийства в Алхан-Юрте (ноябрь-декабрь 1999 г.), Старопромысловском районе Грозного (январь-февраль 2000 г.), Новых Алдах (февраль 2000 г.) и многие другие военные преступления до сих пор не расследованы [Baysayev 2009]. Самая сильная

⁴² Getmanenko O. What War Can Do to a Man // *Novye Izvestiia*. 2000. March 31 / Current Digest of Post-Soviet Press. 2000. Vol. 52. № 13.

⁴³ Вы согласны с приговором Буданову? // *Коммерсант Власть*. 4 августа, 2003. № 30. URL: www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=401110 (дата обращения 03.04.2022).

⁴⁴ Общественность также не проявляла особого беспокойства по поводу нарушений прав человека, совершаемых федеральными войсками. Как показывал один из опросов, менее 5 % населения испытывали стыд за такие нарушения в 2001–2004 гг., в отличие от почти 60 %, которые были встревожены потерями российских войск [Gerber, Mendelson 2008].

критика Буданова исходила от правозащитных групп, либерально настроенных журналистов (таких как Анна Политковская) и чеченской администрации. На фоне отсутствия судебного преследования других военных преступников, о политических причинах ареста и обличении Буданова высказывались многие. Амандина Регамей утверждает, что иск против Буданова должен рассматриваться в контексте попыток Путина после избрания его президентом в марте 2000 г. восстановить имидж России за рубежом [Regamey 2008: paragraph 3]. Другие утверждают, что осуждение Буданова было важным инструментом получения поддержки чеченским населением прокремлевского режима в Грозном [Baysayev 2009].

Общественная критика Буданова была приглушенной, и публичных призывов к его осуждению было мало. Хотя общественное мнение в целом поддерживало полковника, Регамей отмечает, что отличить общественное безразличие от сострадания к Буданову достаточно трудно [Regamey 2008]. Опрос ВЦИОМ, проведенный среди 1600 россиян в 2002 г., показал, что 32 % респондентов считают, что «дело Буданова было раскручено с целью скомпрометировать российскую армию», 24 % согласны с утверждением, что «Буданов убил чеченскую девушку, когда узнал, что она снайпер» [Левада-центр 2002] и только 14 % респондентов уверены, что «Буданов изнасиловал и убил чеченскую девушку» [Левада-центр 2002]. Как отмечает один из наблюдателей, поразительно, что более двух третей респондентов смогли обозначить свою позицию, несмотря на то что информации по этому делу было немного [Соколов б/д]. Лишь 15 % заявили, что ничего не слышали об этом деле, и еще столько же затруднились ответить. Общественное мнение по вопросу о том, были ли действия Буданова «случайным поступком, совершенным в состоянии нервного срыва» (44 %) или «типичным явлением, отражающим обстановку и нравы участников боевых действий в условиях террористической войны в Чечне» (36 %), разделилось [Левада-центр 2002]. В то же время 29 % респондентов считают, что, учитывая контекст войны и заслуги Буданова во время службы, наказание должно быть смягчено, а 19 % считают, что

он должен быть «оправдан, так как в борьбе с бандитами оправданы все средства» [Левада-центр 2002]. Только 15 % опрошенных высказались за максимально суровое наказание для Буданова [Левада-центр 2002].

В целом, к Буданову было проявлено больше сострадания, чем к его жертве, и это было достигнуто благодаря ложному преподнесению молодой чеченской женщины в качестве участницы боевых действий. Искажение образа жертвы хорошо вписывалось в доминирующий дискурс «войны с террором» во время второй чеченской войны [Regamey 2008: paragraph 26]. Михаил Соколов утверждает, что решение о достоверной версии дела принималось людьми во многом на основании их стереотипных представлений о чеченцах [Соколов б/д: 5]. Буданов стал олицетворением военных и вместе с ними российской нации, в то время как Кунгаева, несмотря на отсутствие доказательств, оказалась связана с чеченскими боевиками. Контекст войны с терроризмом был насколько доминирующим, что более важные вопросы, такие как права жертвы и ее семьи или применение Женевских конвенций, отошли на второй план. Вместо этого дебаты сосредоточились на влиянии приговора Буданову на психику нации в контексте войны с террором. Как прокомментировал один из участников русскоязычного онлайн-форума Би-би-си: «Если родина посылает солдата на войну, а потом судит его за [участие в] этой войне, то она перестает быть родиной» [Regamey 2008: paragraph 56]. С этой точки зрения лояльность государства к своим солдатам возвышается над обязательствами государства по соблюдению внутреннего и международного права. Дело Буданова стало рассматриваться как предательство государством своих солдат, а не тем, чем оно было в действительности — делом о правах человека и военных преступлениях.

Вопрос об изнасиловании Кунгаевой и вообще о сексуальном насилии на войне был отодвинут в публичных дебатах о Буданове на второй план и исключен из судебного дела. Однако тот факт, что Буданов преследовал молодую женщину, возможно, не был случайностью. Сергей Маркелов, адвокат семьи Кунгаевых, объясняет:

И искал ли Буданов женщину-снайпера, или он просто искал красивую девушку?.. Если так, то идея о том, что Буданов был героем... вся эта идеология, совершенно не имеет смысла. Нехорошо, что в психиатрическом заключении все выводы строятся на его «героизме» и «чувстве мести к снайперу». Тем более, что в деле есть характерные упоминания о многочисленных предыдущих «женщинах полковника». «Командир снова привел женщину» — это цитата из показаний одного из солдат во время предварительного следствия [Politkovskaya 2004: 70–71].

В то время как Буданов был осужден за похищение и убийство Кунгаевой, изнасилование военнослужащим гражданского лица не было рассмотрено. Это можно интерпретировать по-разному. Либо изнасилование рассматривалось как «нормальная» часть чрезмерного насилия со стороны мужчин на войне, либо этот вопрос считался слишком опасным для Вооруженных сил РФ и/или российско-чеченских отношений. То, что проблема сексуального насилия не была поставлена на повестку дня, также, вероятно, является результатом слабости современных женских и правозащитных движений в России, поскольку Политковская отмечает отсутствие после снятия с Буданова обвинений в изнасиловании протеста со стороны женских или правозащитных групп [Politkovskaya 2004: 101].

Феминистские исследовательницы, международные и неправительственные организации документально подтверждают максимальную незащищенность гражданского населения и особенно женщин в ходе военных конфликтов и эндемичность сексуального насилия на войне⁴⁵. Хотя существует множество причин учащения случаев изнасилования во время войны [Goldstein 2001: 362–371], маскулинизированная военная культура сама по себе способствует сексуальному насилию со стороны мужчин. Синтия Энлоу предположила, что давление необходимости «соответствовать стандартам “мужского” поведения» и доказать свою мужественность сослуживцам, которое испы-

⁴⁵ Например, смотри вторую главу в [The United Nations Secretary General 2002].

тывают солдаты, может побудить мужчин совершать изнасилования или каким-то другим образом в них участвовать [Enloe 1983: 35–36]⁴⁶.

По мнению Энди Найт и Тани Нарожны, документирование сексуального насилия в отношении женщин во время чеченских войн было затруднено по двум причинам: подавление этой информации российским правительством и табу, стигма, связанные с изнасилованием в чеченском обществе. В рамках одного из немногих доступных нам исследований были проведены интервью с тридцатью пятью жителями Чечни (девятнадцатью женщинами и шестнадцатью мужчинами), которые просили убежища в Великобритании. Шестнадцать женщин и один мужчина сообщили, что были изнасилованы во время войны. Тринадцать изнасилований предположительно были совершены российскими солдатами, три — российскими полицейскими и одно — чеченскими сепаратистами [Knight, Narozhna 2005: 92–93; Rouseva 2004: 7]. Хотя это всего лишь одно исследование, тот факт, что о том, что они были изнасилованы, сообщили шестнадцать из девятнадцати опрошенных женщин, указывает на ошеломляющий уровень сексуального насилия в Чечне.

Образ жестокого воина несет в себе потенциал дестабилизации милитаризма, поскольку выявляет насилие и жестокость войны. Именно безмерная воинственность способствовала тому, что чеченские войны в целом не пользовались популярностью и не считались справедливыми, особенно во время первой из них. Во время второй войны тезисы о враге-террористе, предательстве и «нескольких плохих яблоках» отодвинули серьезные вопросы о военных преступлениях и сексуальном насилии, совершенных российскими военнослужащими в Чечне, на задний план. Ни одна из войн не привела к глубокому общественному осмыслению чрезмерной жестокости военизированных мужчин.

⁴⁶ Энлоу также проводит различие между различными видами изнасилований, совершаемых мужчинами-военными: изнасилование как «расслабление», как «инструмент национальной безопасности» и как оружие войны, например, в целях этнической чистки [Enloe 2000a: 108–152].

Хрупкие воины: «чеченский синдром» и мужественность

Распространенным мнением о ветеране чеченской войны является представление о нем как о человеке, страдающем от «чеченского синдрома». СМИ, общество, группы по защите прав ветеранов и солдат, а иногда и сами ветераны используют этот термин для обозначения группы проблем, связанных с переходом военных, служивших в Чечне, от боевой к гражданской жизни. Как и в других войнах, многие ветераны испытывали во время боевых действий сильный страх и стресс, что привело к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР). Чеченский синдром влечет за собой психологические и медицинские проблемы, такие как депрессия, тревога, бессонница, а также злоупотребление алкоголем и наркотиками [Russell 2007: 12].

Уитворт изучила специфически-гендерные аспекты ПТСР. Она утверждает, что развитию ПТСР способствуют сами противоречия, заложенные в образе милитаризованной маскулинности и проявляющиеся в конфликте между этим образом и реальными представлениями мужчин о самих себе. Такие эмоции, как тревога, стыд и боль, которые некоторые мужчины испытывают на войне, обнажают противоречия и внутреннюю хрупкость милитаризованной мужественности. Эти эмоции обычно ассоциируются с женственностью и рассматриваются как противоречащие образу сильного и боевого мужчины [Whitworth 2004: 166–167]. С другой стороны, мужчины, страдающие от стресса во время боевых действий, часто снимают его через практики, которые Трейси Ксавия Карнер называет «токсичной» мужественностью: алкоголизм, наркомания и агрессивное поведение [Karner 1998: 231].

Чеченские войны повысили академический и общественный интерес к ПТСР в России, поскольку участвовавшие в них российские военнослужащие серьезно пострадали от стресса, связанного с боевыми действиями. Статистические данные об общем количестве ветеранов чеченской войны, страдающих последствиями травматического стресса, вызванного боевыми действиями, отсутствуют, хотя результаты различных медицинских

исследований показывают, что до двух третей военнослужащих могли испытывать психологические проблемы, связанные с боевыми действиями. Тимоти Л. Томас и Чарльз П. О'Хара обобщают результаты российского исследования, проведенного среди 1312 военнослужащих через четыре месяца после начала первой чеченской войны, так:

[Около] 28 % были здоровы, а остальные 72 % имели те или иные симптомы психологического расстройства, такие как бессонница, отсутствие мотивации, высокая тревожность, нервно-эмоциональный стресс, усталость и ипохондрическая фиксация (когда солдат в первую очередь беспокоится о работе сердечно-сосудистой системы. Часто это выражается в беспокойстве по поводу сердечных приступов, затрудненного дыхания и может быть диагностировано как паническая атака) [Thomas, O'Hara 2000: 49].

Другое исследование, проведенное с 453 ветеранами первой чеченской войны, показало, что только у 16,6 % военнослужащих не было обнаружено признаков боевого стресса. Остальные страдали от разной степени «дезадаптации», начиная с психологических стрессовых реакций, патологических психологических реакций, посттравматического стрессового расстройства и заканчивая патологическими психическими расстройствами [Белинский, Лямин 2000: 62–66]⁴⁷. По данным СМИ, большинство ветеранов второй войны также страдали от «чеченского синдрома»⁴⁸. Хотя убедительных данных о ПТСР среди ветеранов нет,

⁴⁷ Некоторые военные психологи сообщают о более низких показателях: только 18 % офицеров и 25 % призывников, участвующих в первой войне, страдали от посттравматического стресса (Егоров Иван. Чеченский синдром // Время Московские новости, 2000). Кроме того, сотни тысяч ветеранов получили в результате участия в чеченских войнах физическую инвалидность [Deriglazova 2005: paragraph 34].

⁴⁸ Гагина Марина. История болезни: чеченский синдром // Красный Север. 2003; Как лечат «чеченский синдром» // Свободный курс. 2001, январь; Мангазеев Игорь. Чеченский синдром // Вече Твери. 2007; Луканин Михаил. Чеченский синдром // Труд. 2009; Мякенький Андрей. После боя: второй чеченский синдром? // Московская правда. 2000; [Zarakhovich 2003].

очевидно, что значительная их часть испытывала в результате участия в боевых действиях психологические проблемы.

Злоупотребление алкоголем — один из основных способов солдат как в России, так и в других странах справиться со страхом и стрессом боевых действий [Пожидаев 1999: 71]. Как сказал один подполковник во время первой войны:

Только алкоголь помогает снять напряжение. Мы пьем перед боем, во время боя и после него. Другого способа облегчить душевное состояние нет. Но самые напряженные моменты боя все равно остаются в памяти. Взрыв мины, груда искалеченных солдат. Деревья, похожие на новогодние елки, только увешанные обрывками одежды и оторванными руками и ногами⁴⁹.

Алкоголь издавна использовался солдатами во время войны, будь то для преодоления боевого стресса, боли от разлуки с домом или для того, чтобы найти общий язык с сослуживцами. В своих мемуарах Бабченко описывает важность совместного употребления алкоголя (и сигарет) для своих сослуживцев. Он также подчеркивает постоянный и изматывающий страх, который испытывали солдаты в зоне боевых действий [Бабченко 2016: 95]. Хотя алкоголь помогает справиться со страхом и тоской по дому, переживание страха проявляется позже, через болезни уже после возвращения с поля боя: «Болезни начнутся потом, дома. Выйдет страх ночными криками и бессонницей, спадет напряжение, и полезет из них война наружу чирьями, вечной простудой, депрессией и временной импотенцией, полгода будут еще отхаркиваться соляной копотью» [Бабченко 2016: 246]. Обе цитаты рисуют хрупкую фигуру воина, зависимого от алкоголя и неспособного справиться с последствиями боя.

Мое интервью с Антоном наглядно продемонстрировало несоответствие между образом бравого воина и стрессом,

⁴⁹ Mastykina I. When I Return: Psychiatrists Know a Very Terrible Truth about the 'Chechen Conflict' // Komsomolskaia Pravda. 1995. April 25. P. 3 / Current Digest of the Post-Soviet Press. 1995. Vol. 47. № 17.

связанным с боевыми действиями. Он начал свои воспоминания о возвращении домой после срочной службы в Чечне так: «Я бы не сказал, что я сошел с ума... или что я видел какие-то вещи. Ничего особенно плохого... но, конечно, это повлияло на меня»⁵⁰. Антон подчеркнул, что он не страдал от стресса, связанного с боевыми действиями. Напротив, он утверждал, что война помогла ему понять, что он хорошо приспособлен к работе в экстремальных ситуациях. Высказав это утверждение, он вдруг вспомнил: «Я вообще не могу смотреть фильмы о войне, ни одного. До армии я с большим удовольствием смотрел фильмы о войне. А теперь, как только начинается фильм, у меня слезы, я плачу»⁵¹. Хотя Антон говорит о себе в терминах жесткой версии воинствующей мужественности, он почти забывает упомянуть о более «женственной» эмоциональной стороне своей послевоенной жизни. Отрицание психологических проблем, связанных с боевыми действиями, не является среди ветеранов редкостью. Отчасти это связано с представлениями о мужественности, которые побуждают мужчин быть сильными и стоически переносить воспоминания о войне, а не обращаться за помощью.

Другой респондент открыто признал переживание им стресса, связанного с боевыми действиями, и трудности, с которыми он столкнулся при адаптации к гражданской жизни. Михаил Р., бывший во время первой войны командиром, описал влияние войны на свою жизнь в терминах чеченского синдрома. Вот как он объяснил его значение:

После того как человек оказался в экстремальной ситуации, такой как война, он психологически по-другому смотрит на жизнь. Все делится на черное и белое, на истинное и ложное. У человека появляется чувство особой справедливости, и окружающие перестают его понимать. Он обращается внутрь себя, и этот процесс часто сопровождается злоупо-

⁵⁰ Из интервью с Антоном, Самара, июнь 2006 года.

⁵¹ Там же.

треблением алкоголем. Теперь этот человек чувствует потребность говорить правду обо всем, что он считает несправедливым, что создает конфликт с другими людьми⁵².

Эта цитата говорит об отчуждении, которое испытывают ветераны, возвращаясь к гражданской жизни, и о несовместимости военных и гражданских ценностей. Ветераны утверждают, что гражданская жизнь менее искренняя и правдивая и что те, кто не служил на войне, никогда не смогут по-настоящему понять их [Morgan 1994: 169; Бабченко 2016: 347; Пожидаев 1999: 71]. В отличие от других ветеранов, таких как американские ветераны Вьетнама, ветераны чеченских войн описывают свои психологические трудности как связанные с отсутствием понимания, с которым они сталкиваются по возвращении домой.

Отторжение, которое ветераны испытывают со стороны общества, имеет гендерный и сексуальный аспекты. Социальные коллизии, возникающие в результате связанного с боевыми действиями стресса, наиболее остро ощущаются членами семьи, особенно женами ветеранов. Исследование, проведенное московским центром «Демос» среди милиционеров, участвовавших во второй чеченской войне, и их жен, иллюстрирует некоторые проблемы, возникающие после возвращения мужчин с войны. Среди них — отчуждение, которое испытывали пары, и необходимость заново привыкать друг к другу, особенно если разлука длилась более трех месяцев. Вновь приобретенное или возросшее злоупотребление алкоголем и другими одурманивающими средствами приводило к конфликтам в семье. Отношения обострились, когда мужчины чувствовали, что их супруги не могут понять, через что им пришлось пройти в Чечне. Как минимум одна женщина отметила, что ее муж стал после окончания службы более агрессивным. Другая опрашиваемая упомянула, что часто именно жене приходится компенсировать отсутствие медицинской и психологической реабилитации, которую ее муж не полу-

⁵² Из интервью с Михаилом Р., Самара, июль 2006 года. Интервью не было записано, и цитата приведена по моим заметкам.

чил от государства [Шепелева 2007: 109–111]. Еще одна женщина сообщила, что ее муж замкнулся в себе и отгородился от семьи:

Он часами сидит перед телевизором, смотрит перед собой, ни с кем не разговаривает, не двигается. А ночью он дергается! Вначале я прыгала перед ним и пыталась его отвлечь... Но ничего не помогает, как будто он меня не видит. Тогда я кричу: «Я тоже человек! Ты со мной даже не разговариваешь!» [Шепелева 2007: 111].

Количество разводов в процентном соотношении особенно высоко среди милиционеров, которые много раз ездили в командировки в Чечню. Один из сотрудников центра социальной реабилитации отметил, что, по его опыту, мужчины, служившие в таких спецподразделениях, как СОБР и ОМОН, женились по три или четыре раза и что «семьи омовцев распадались в 80 % случаев» [Шепелева 2007: 115]. С другой стороны, исследование центра «Демос» показало, что по результатам военного опыта некоторые мужчины стали больше ценить свои семьи [Шепелева 2007: 111]⁵³. В заключение, Центр рекомендовал при принятии решения о направлении военнослужащего в Чечню ставить срок его пребывания там в зависимости от его семейного положения и включать в реабилитационные программы членов его семьи [Шепелева 2007: 116].

Ветераны испытывают проблемы не только с их адаптацией к семейной жизни, но и с созданием новых отношений. Неженатые ветераны жалуются на то, что трудно найти женщину, которая будет терпеть ветерана-чеченца. Как говорит в документальном фильме о чеченском синдроме Вадим: «Если ты появляешься в компании, девушки особенно насторожены. Они думают, что люди, вернувшиеся из Чечни, очень испорченные, что мы гранаты, которые вот-вот взорвутся. Но потом, когда они узнают

⁵³ Аналогичное наблюдение сделала мать одного из опрошенных мною ветеранов первой войны. Она утверждала, что армейская служба ее сына сблизила их с сыном из-за того, что они так много пережили вместе (из интервью с Юлией, членом организации одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года).

нас лучше, то понимают, что мы... настоящие мужчины»⁵⁴. Эта цитата указывает на то, что в целом ветераны чеченских войн не воспринимаются как желанные партнеры, хотя Вадим намекает, что в нем больше мужчины, чем в тех, кто не воевал.

Кроме того, ПТСР создает проблемы для ветеранов, пытающихся поступить в университет или вернуться на работу и выполнять «мужскую» роль кормильца. Поскольку в постсоветской России образ мужчины все больше связан с успехом в рамках рыночной экономики, экономическая маргинализация ветеранов мешает им соответствовать доминирующим представлениям о мужественности. Трудности с поиском работы после возвращения с боевой службы — частая жалоба среди ветеранов чеченских войн. Михаил Р. утверждает, что обостренное чувство добра и зла у ветеранов мешает им вписаться в коллектив, например, на рабочем месте⁵⁵. Однако большинство ветеранов описывают проблему как предвзятое отношение потенциальных работодателей. Это предубеждение заключается в том, что ветеранов чеченской войны считают психологически неполноценными⁵⁶. Как заметил один ветеран, снимавшийся в документальном фильме о чеченском синдроме: «Когда они узнают, что ты служил, они говорят, что ты не подходишь. Это случалось со мной. Из-за того, что я воевал на Северном Кавказе, люди говорят, что у меня психологические отклонения»⁵⁷. Солдатские матери в Самаре

⁵⁴ Цитата из второй части этого документального фильма: Aljazeera: Sturdee N. Chechen Syndrome. Aljazeera documentary, 2007. URL: <https://www.aljazeera.com/program/witness/2009/6/14/chechen-syndrome> (дата обращения 03.04.2022).

⁵⁵ Из интервью с Михаилом Р., Самара, июль 2006 года. Это мнение Михаила было подтверждено проводившемся среди ветеранов чеченской и Афганской войн опросом, который показал, что четверть военнослужащих испытывают трудности на рабочем месте, а половина их регулярно меняет места работы. Опрос был проведен в 1996 году среди 3144 ветеранов чеченской и Афганской войн, проживающих в Рязанской области.

⁵⁶ Из интервью с Ольгой Т., главой одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года. См. также [Кай 2006: 51].

⁵⁷ Цитата из первой части документального фильма Aljazeera [Sturdee 2007].

жаловались, что к ветеранам относятся на рынке труда несправедливо и поэтому они вынуждены идти в криминальные структуры или наркоторговлю⁵⁸. Поиск работы для бывших солдат был одним из направлений деятельности одного из самарских комитетов. Мария, член группы, объяснила:

После первой чеченской войны ребятам было трудно адаптироваться. Их никто не хотел брать на работу: они видели кровь и видели кошмары... Считалось, что они все еще на войне и ни о чем другом думать не могут... Потом общественные организации, такие как наша, стали поднимать вопрос о том, что ветеранов вооруженных конфликтов нужно брать на работу. Иначе происходило то, что такие ребята после возвращения из армии «теряли» себя: нет работы, нет денег. Они начинали пить, принимать наркотики... Мы помогли им найти работу. Для них были созданы специальные охранные фирмы⁵⁹.

Бойцовские навыки востребованы в постсоветской экономике России, и сектор безопасности, кажется, является одной из ниш, в которую могут пробиться ветераны. Хотя бывшие солдаты могут найти работу в частном охранным бизнесе, сектор государственной безопасности, скорее всего, для них закрыт [Oushakine 2009: 177]. Опрос, проведенный в 1996 г. среди ветеранов первой войны, показал, что более 50 % их намерены работать в частной охранный фирме или в структурах государственной безопасности [Пожидаев 1999: 72].

Также с трудностями адаптации к гражданской жизни ветераны справляются через общение с братьями по оружию, а еще они возвращаются в зону боевых действий. В одном опросе ветеранов первой войны 75 % выразили желание вернуться в Чечню или на другую войну [Пожидаев 1999: 72]. Бабченко так пишет о своем

⁵⁸ Из интервью с Ольгой Т., главой одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

⁵⁹ Из интервью с Марией, членом одного из комитетов родителей военнослужащих, Самара, июнь 2006 года.

решении пойти добровольцем на вторую войну после того, как отслужил срочную службу во время первой:

Много тысяч бывших солдат, таких как я, вернулись на ту вторую войну после первой. У меня нет ответа на вопрос, почему я снова пошел туда. Я не знаю. Я просто не мог удержаться. Меня непреодолимо тянуло туда. Может быть, потому что там было мое прошлое, большая часть моей жизни. Как будто с той первой войны вернулось только мое тело, но не душа. Может быть, война — это самый сильный наркотик в мире [Babchenko 2007: x].

Ностальгия по боевым действиям также связана с верой в то, что на войне мужчины разделяют тесную общность и товарищество, которых нет в гражданской жизни [Oushakine 2009: 179]. Как сказал Андрей Гребенников, психолог-исследователь Северо-Кавказского военного института: «У них одна миска, одна кружка, одна крыша над головой и товарищество братьев по оружию. Но там, в гражданской жизни, каждый сам за себя»⁶⁰. Важно отметить, что возвращение на войну и в сообщество военного братства также предоставляет ветерану получить подтверждение собственной мужественности со стороны сослуживцев. Напротив, опыт ветеранов в гражданской жизни после войны показывает, насколько трудно соответствовать представлениям о мужественности, будь это бойцовский идеал сильного и героического воина или идеал мужчины-кормильца в рамках рыночной экономики.

Чеченский синдром может также усугубляться двусмысленной природой чеченских войн для российского общества. Как отмечает Уитворт, американские исследования показали, что «частота посттравматического стрессового расстройства, по-видимому, выше среди солдат, участвовавших в вооруженных конфликтах, которые привели к неоднозначному военному исходу или в которых они столкнулись с менее одобрительной реакцией со стороны

⁶⁰ I'm Afraid That I Won't Be Able to Forget the War: Psychological Rehabilitation of Chechen War Veterans // Kommersant. 2000, May 25. P. 9 / Current Digest of Post/Soviet Press. Vol. 52. № 21.

общества, уже по окончании военных действий» [Whitworth 2004: 168]. Ближе к концу первой войны Писаренко утверждал, что она может привести к более серьезному «синдрому», чем Афганская война⁶¹. Он связывал это с тем, что для тех, кто воевал в Афганистане, «смысл войны все еще сохранялся — пропаганда была на высоте»⁶². Автор рассматривал общественное неприятие чеченской войны как основной фактор, усугубляющий чеченский синдром. Он задавался вопросом о том, как молодой призывник воспримет свое положение после возвращения: «Либо он должен считать себя неправым, что воевал в Чечне, либо он должен встать в оппозицию к целому обществу»⁶³. В то время как только 5–7 % ветеранов Афганской войны хранили в тайне свою службу в Афганистане, среди ветеранов чеченской войны, по мнению автора, это встречается гораздо чаще. Кроме того, чеченский синдром усугубляется тем, что солдат «воюет на территории своей собственной страны»⁶⁴. И, наконец, Писаренко отметил, что солдаты возвращаются в общество, переживающее постсоветский переходный период и охваченное нестабильностью, что «выглядит как уменьшенная модель военной ситуации»⁶⁵. Ветераны Афганской войны, напротив, возвращались в относительно стабильное и спокойное общество, что облегчало их переход к гражданской жизни, за исключением тех, кто вернулся в конце 1980-х⁶⁶. Таким образом, степень восстановления военнослужащих после боевых действий зависит не только от профессиональной реабилитации, но и от социального контекста, частью которого является отношение общества к связанным с войной мужчинам.

Военный психолог Александр Кучер критикует распространенное в обществе отношение к ветеранам чеченской войны как

⁶¹ Писаренко Д. Раны войны: чеченский синдром // Аргументы и факты. 21 августа 1996.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

к «убийцам, насильникам, мародерам, сексуальным извращенцам и психологически ненормальным людям»⁶⁷. В 1997 г. он утверждал, что подобное отношение затрудняет адаптацию ветеранов к гражданской жизни. Поэтому он призывал к изменению такого к ним отношения: «Решающим фактором является моральная атмосфера в обществе по отношению к тем, кто возвращается с войны. Требуется всеобщее внимание, уважение и признание»⁶⁸. Такое отношение может помочь ветеранам, но оно также затрудняет возможность критически оценить роль федеральных сил в войнах⁶⁹.

Во время второй войны широкой поддержки военных действий в Чечне было недостаточно для того, чтобы переломить сложившееся в социуме отношение к ветеранам. Как сказал в начале 2000 г. один журналист, «общество подсознательно ожидает возвращения не героев, а потенциальных преступников, бездомных, алкоголиков — одним словом, людей, живущих на задворках общества (маргиналов)»⁷⁰. Связь ветеранов с чеченским синдромом по-прежнему имела место, а нежелание государства предоставить им официальный статус еще больше усугубляло их социальную и экономическую маргинализацию.

Непризнанные воины: социальные гарантии и уважение для мужчин-военных?

Ветераны чеченской войны с трудом добивались юридического статуса ветерана войны, который они не получили до сих пор. Государство называет первую войну кампанией по восстановле-

⁶⁷ См.: Кучер А. А. Жизнь после военной службы // Независимое военное обозрение. 1997. № 43.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Как показал пример полковника Буданова, общественная оппозиция войне не перешла в критическое обсуждение военных преступлений; однако и предписания Кучера, безусловно, не привели бы к такому обсуждению.

⁷⁰ Егоров Иван. Чеченский синдром // Время Московские новости. 2000; Мякенький Андрей. После боя: второй чеченский синдром? // Московская правда. 2000.

нию конституционного порядка, а вторую — антитеррористической кампанией. Хотя оно отказывается признавать эти кампании войнами, важно отметить, что войнами называют их те, кто сражался на стороне федеральных сил [Новикова 2007]⁷¹. Ветераны чеченской войны попали под раздачу, поскольку закон «О ветеранах» (1995) признает только ветеранов Великой Отечественной войны и «участников боевых действий на территории других стран», таких как ветераны Афганской войны⁷². Письмо В. Котляровой с запросом на получение социальных льгот для ее сына, участвовавшего во второй чеченской войне, — типичный пример недоумения людей по поводу статуса ветеранов чеченской войны:

Мой сын воевал в Чечне и вернулся домой разбитым. Он не может работать, у нас нет отца. Я обращалась в различные инстанции, чтобы они помогли нам хотя бы выжить. Но оказалось, что он не имеет права на социальные льготы⁷³. Говорят, что то, что происходит в Чечне, — это не война. Как это понимать?⁷⁴

⁷¹ См. также: Odnokolenko O. Forgotten for Political Reasons: Chechen War Soldiers Denied Veteran Status // Segodnia. 2000. February 4. P. 4 / Current Digest of the Post-Soviet Press. 2000. Vol. 52. № 5. P. 5–6.

⁷² В системе социального обеспечения Советского Союза ветераны Великой Отечественной войны занимали особое место. В 1960-х и 1970-х гг. их льготы были значительно расширены, чтобы усилить поддержку режима. Они пользовались «самым разнообразным и развитым» набором предложений и, таким образом, имели исключительный и привилегированный гражданский статус [Danilova 2007: paragraph 5; Edele 2008]. Советские ветераны «локальных» войн (всех войн, кроме Великой Отечественной) так и не смогли добиться такого же признания [Danilova 2007]. Об опыте ветеранов Афганской войны можно почитать прекрасное исследование Марка Галеотти [Galeotti 1995]. Разница между ветеранами Великой Отечественной войны и «второстепенными» ветеранами имеет место и в постсоветской России.

⁷³ Социальные льготы — льготы в не денежной форме — предоставляют определенным группам населения некоторые преимущества или привилегии получить бесплатно или по сниженной цене государственные услуги. Льготы были ключевым компонентом советского социального государства и сохранились в постсоветский период, хотя многие из них в ходе реформ социального государства, проведенных Путиным в 2005 году, были монетизированы [Wengle, Rasell 2008].

⁷⁴ Чечня не война? // Аргументы и факты. 28 ноября 2001.

В 2002 г. в закон «О ветеранах» были внесены окончательные поправки, согласно которым ветераны чеченской войны получили статус «ветеранов боевых действий». В соответствии с поправками, ветераны чеченских кампаний получили право на ряд специальных льгот, таких как 50-процентные скидки на социальное жилье, бесплатные лекарства по рецептам, бесплатный проезд в общественном транспорте и т. д.⁷⁵ Новый закон вступил в силу в январе 2004 г., но ветераны утверждают, что получить льготы очень сложно⁷⁶. То, что обязанность служить, ассоциирующаяся с мужским долгом, и участие в боевых действиях не ценятся государством и не поддерживаются слаженно функционирующей и хорошо финансируемой структурой льгот, — один из аспектов более широкого постсоветского кризиса военизированной мужественности.

Среди чеченских ветеранов широко распространено мнение, что доступные для них социальные льготы — это недостаточное признание со стороны государства [Пожидаев 1999: 72–73]. Все мои собеседники жаловались на отсутствие для ветеранов адекватных льгот и связывали это с недостаточным уважением к военным в сегодняшней России. Антон, призванный на срочную службу в Чечню, сказал: «Я бы не сказал, что люди негативно относятся к тем, кто служил в армии. Но я думаю, что люди, которые служили, достойны большего внимания, большего уважения, и я бы хотел, чтобы это находило конкретное выражение»⁷⁷. Аналогичную мысль высказал Дмитрий, бывший в Чечне контрактником, который сообщил:

Государство не отнеслось к моей службе так, как она того заслуживает. Я говорю не только о себе, но и о многих других людях. Люди, которые выбирают службу в армии на

⁷⁵ С отсрочкой на год: льготы воевавшим в Чечне // Труд. 3 апреля 2003.

⁷⁶ Члены обеих групп солдатских матерей в Самаре назвали помощь ветеранам в оформлении льгот важной частью своей работы (интервью, Самара, июнь-июль 2006 года).

⁷⁷ Из интервью с Антоном, Самара, июль 2006 года.

всю жизнь, идут на многие лишения, и государство должно относиться к ним с уважением. Минимальным должно быть выделение жилья, а с этим большие проблемы. Я даже не говорю об отдыхе, санаториях и прочих вещах⁷⁸.

Оба мужчины утверждали, что проявление уважения к бывшим военнослужащим означает предоставление им адекватного социального обеспечения⁷⁹. Они подчеркивали необходимость материальной основы для возрождения бойцовской мужественности в постсоветской России.

Для решения этих социально-экономических проблем ветераны чеченских войн пошли по стопам предыдущих поколений ветеранов и создали организации, отстаивающие их конкретные интересы. Михаил Р. является председателем одной из таких ветеранских организаций в Самаре. Организация была создана в 1997 г. для решения экономических проблем, с которыми сталкиваются семьи в связи с потерей кормильца, погибшего или потерявшего способность работать. Михаил Р. описал собственную социально-экономическую ситуацию, подчеркивая, что он живет на военную пенсию, которой хватает только на аренду квартиры, но недостаточно для покрытия расходов на жизнь. Как он отметил, очень трудно найти работу, когда все, что у тебя есть — это опыт военной службы, даже с двумя дипломами о высшем образовании. Ветераны и их семьи обращаются в эту организацию за материальной помощью и психологической поддержкой. По словам Михаила Р., попытки организации повлиять на государственную политику в отношении ветеранов не увенчались успехом, что отчасти объясняется финансовым кризисом самой местной власти и тем, что эти вопросы социальной политики должны решаться на федеральном уровне. Он также отметил, что в Самаре существует множество ветеранских организаций, но ни одна из них не имеет реального влияния. Попытки объединить различные организа-

⁷⁸ Из интервью с Дмитрием, Самара, июль 2006 года.

⁷⁹ Сравни с [Oushakine 2009: 164–165].

ции в Самаре, очевидно, не увенчались успехом, и движение осталось разрозненным⁸⁰.

Для решения социальных проблем ветеранов и инвалидов локальных войн и военнослужащих, вышедших на пенсию, в 1999 году в Самаре была основана еще одна ветеранская организация. Главная проблема, которой занимается эта организация, — отсутствие социального жилья и льгот. Председатель организации Павел утверждает, что права военнослужащих полностью нарушены. Тот факт, что молодое поколение России не хочет служить в армии, связан, по мнению Павла, с социальными проблемами, с которыми сталкиваются военнослужащие. Он сформулировал это как проблему достоинства, заключающуюся «...в отсутствии пенсионного обеспечения, которое не позволяет отставному офицеру жить достойно»⁸¹. Он утверждал, что требования бывших военнослужащих находятся в рамках их законных прав, однако государство не реагирует на них адекватно. То, что мужчины с военным опытом больше не ценятся так же, как в советское время, также влияет на их статус главы семьи. Павел сравнивает отношение к военным со стороны современного и Советского государств так:

Советское правительство совершило много ошибок, но в то же время оно заботилось о нас, профессиональных военнослужащих. Оно обеспечивало нас жильем, а наших жен, по возможности, работой. Наши дети всегда ходили в детский сад или школу, и мы знали, что у них есть возможность получить бесплатное высшее образование⁸².

⁸⁰ Из интервью с Михаилом Р., Самара, июль 2006 года. Как сказал мне в интервью один ветеран Афганской войны, движение ветеранов Афганистана в Самаре также раздроблено. Первоначально единая, организация со временем распалась на несколько групп (из интервью с Романом, Самара, июль 2006 года). В 2007 году Федеральная организация ветеранов «Боевое братство» под руководством Бориса Громова пыталась объединить ветеранов чеченской и Афганской войн в Самаре, но никакой информации о воплощении этого намерения у меня нет.

⁸¹ Из интервью с Павлом, Самара, июль 2006 года.

⁸² Там же.

Павел подчеркнул важность материальной основы для функционирования идеологической структуры: «Когда я защищал свою страну [в советское время], у меня были идеи, в которые я верил. Но я не понимаю, как можно верить в какие-то идеи сегодня. Мы заботились о своих солдатах, а государство заботилось о нашем тыле»⁸³. Павел критиковал разрыв социального контракта между государством и военными, который ранее обеспечивал служащим в армии привилегированное положение.

Из-за отсутствия признания и государственной поддержки ветеранов пострадал также статус женщин как жен военных. Валентина является председателем самарской организации вдов и семей погибших военнослужащих, созданной в 1996 г. Организация начала формироваться, когда Валентина жила после гибели мужа в первой чеченской войне в гарнизонном городке под Самарой. Там было двенадцать вдов и одна пара родителей, потерявших в Чечне своих мужей/сыновей. Она вспоминает: «Давайте, — сказала я, — соберемся вместе, поддержим друг друга, решим наши проблемы»⁸⁴. Группа начала обращаться с просьбой о помощи к местной администрации. Для улучшения жизни семей погибших солдат комитет этой организации работает в трех основных направлениях: обеспечение семейным жильем, медицинские льготы и образование для детей. Кроме того, комитет работает над правовой реформой, чтобы вдовы и члены семей погибших солдат, воевавших в Чечне, имели право на льготы. Валентина также связала вопрос о льготах с вопросом о достоинстве: «Законы еще не доведены до уровня, при котором семьи погибших могут жить достойно. Почему, например, вдовы выходят замуж во второй раз? Потому что очень трудно растить детей в одиночку»⁸⁵.

По ее мнению, все проблемы возникают из-за отсутствия адекватных законов, и наиболее подходящим подходом к решению проблем, с которыми сталкиваются члены ее организации,

⁸³ Из интервью с Павлом, Самара, июль 2006 года.

⁸⁴ Из интервью с Валентиной, Самара, июль 2006 года.

⁸⁵ Там же.

она считает правовую реформу. Однако даже юридическое признание не всегда дает чеченским ветеранам экономические льготы, которые, по их мнению, они заслуживают, поскольку получение таких льгот сопряжено со сложным бюрократическим процессом.

Социальное представление о ветеранах чеченских войн как о хрупких и непризнанных воинах указывает на кризис милитаризованной мужественности в постсоветской России. При наличии такого образа российского военнослужащего, государству сложнее вести военные действия. Ресурсы, необходимые для решения многочисленных проблем, с которыми сталкиваются ветераны чеченской войны, правительство предоставляет лишь в ограниченной степени. Однако в рамках более широкой программы военного патриотизма оно проявляет к противодействию таким негативным представлениям о хрупких и непризнанных воинах активный интерес.

Ветераны чеченской войны: ролевые модели патриотизма и мужественности

Во время второй чеченской войны политическое и военное руководство, а также некоторые ветеранские группы работали на улучшение имиджа «чеченцев», описывая их как героев-патриотов, которым следует подражать. Ставка правительства на военный патриотизм привела к тому, что патриотическое воспитание стало частью государственной образовательной программы, о чем говорилось в главе 3. Одной из целей программы патриотического воспитания является подготовка детей к военной службе и защите страны. Элизабет Сика-Козловски утверждает, что программа патриотического воспитания использует педагогику, которая «прославляет солдата-героя и подвиги сильных и мужественных мужчин, а также близких друзей и родственников, отцов» [Sieca-Kozłowski 2010: 76]. По причине сокращающегося числа ветеранов Второй мировой войны государство активно поощряет участвовать в этих программах ветеранов чеченской

(и Афганской) войны [Sieca-Kozlowski 2010: 77–78]. В ветеранах видят неотъемлемую часть образовательных мероприятий и сообществ по патриотическому воспитанию, которые появляются по всей стране, их приглашают читать лекции и проводить базовые военные тренинги [Sperling 2009: 230–241; Oushakine 2009: 187–189].

Чествование ветеранов-мужчин в качестве героических воинов и воплощения патриотизма работает на усиление военной гражданственности и его гендерных оснований. Когда примером мужественности могут служить ветераны, обычно нет сомнений в обоснованности военного дела или мифа о защите, который позиционирует мужчин как военизированных защитников женщин. Своим участием в военно-патриотическом воспитании ветераны Чечни (и Афганистана) являют собой пример для молодых поколений, так же как ветераны Великой Отечественной войны служили примером для их родителей⁸⁶. В документальном фильме о чеченском синдроме рассказывается о ветеране чеченской войны Вадиме, который не мог найти после возвращения из Чечни работу, но теперь ведет в местной школе в Ярославле программу патриотического воспитания. Гендерно-направленный характер программы становится очевидным, когда директор школы (женщина) отмечает положительное влияние Вадима на детей, особенно подчеркивая то, что многие из них воспитываются матерями-одиночками и не имеют перед собой примеров мужского поведения в качестве ролевых моделей [Sturdee 2007: part II]. Это замечание вновь напоминает о позднесоветских дебатах, в которых подчеркивалась важность военной службы для социализации мужчин в контексте явно растущей «феминизации» советского общества [Jones 1985: 103, 153]. Привлечение ветеранов чеченской войны к патриотическому воспитанию помогает как реабилитировать образ «чеченца», так и возродить связь между мужественностью, военной службой и патриотизмом в обществе в целом. Это не дает возможности для критиче-

⁸⁶ Сидоренко Светлана. Вспоминая погибших // Областной телеканал РИО. 2008.

ского осмысления недавних войн России, но, скорее, заменяет непростую искушенность ветеранов простой задачей подготовки российской молодежи к новой войне. Борьбa с милитаризованной мужественностью через повествование о ветеранском опыте чеченской войны, когда сами ветераны участвуют в воспроизводстве военного патриотизма, практически невозможно⁸⁷. Сика-Козловски утверждает, что интеграция ветеранов в военно-патриотическое воспитание может также рассматриваться как государственный инструмент для более плотного их контроля, в частности, в связи с их участием после возвращения из зоны боевых действий в насильственных и преступных акциях [Sicka-Kozlowski 2010: 76].

За время работы в Самаре я поняла, что ветеранским группам очень важен образ ветеранов как героев-патриотов и защитников Родины. Это подразумевало акцент на их самопожертвовании и увековечивании памяти погибших солдат. К концу 2008 г. погибли 250 жителей Самарской области, участвовавших в чеченских войнах⁸⁸. Два комитета ветеранов, вдов и семей погибших военнослужащих сыграли важную роль в том, чтоб мемориал в честь павших солдат был установлен. Этот мемориал посвящен самарским ветеранам, погибшим в локальных войнах, включая чеченскую. В процесс его создания были вовлечены и другие ветеранские группы, а также солдатские матери. Учитывая отсутствие успехов в улучшении количества и качества финансовых льгот для ветеранов, Михаил Р. назвал возведение мемориала главным успехом своей организации. В определенной степени увековечивание памяти погибших солдат и признание жертвенности ветеранов заняли место борьбы за адекватное социально-экономическое признание. Однако ветеранские группы использовали образ ветеранов чеченской войны как патриотов-героев и для достижения своих целей по совершенствованию системы льгот. Они надеялись добиться улучшения материального обеспечения своих членов, апеллируя к подвигам ветеранов перед

⁸⁷ Ср. с [Oushakine 2009: 185–190].

⁸⁸ Стрелец Ю. Вечная память павшим // Самарские известия. 13 декабря 2008.

лицом государства и ставя вопрос взаимоотношений между военнослужащими и государством в терминах общественного договора. Во время памятных мероприятий, посвященных четырнадцатой годовщине начала первой чеченской войны, председатель комитета одной из организаций высказался о побывавших на ней военнослужащих так: «Все они достойно выполнили свой долг, и нам, их близким, нечего стыдиться перед государством. Мы надеемся, что оно нас не забудет»⁸⁹. Таким образом, практика мемориализации служит не только включением памяти о павших солдатах в память нации, но и основой для предъявления требований государству.

Образ российских ветеранов, служивших в чеченских войнах

Образ	Описание
Подневольный воин	Дезертир, уклоняющийся от призыва; низкий боевой дух
Свирепый, жестокий воин	Насилие, в том числе сексуальное, в отношении гражданских лиц, совершение военных преступлений
Хрупкий, уязвимый воин	Посттравматическое стрессовое расстройство, трудности реинтеграции в общество («чеченский синдром»)
Непризнанный воин	Государство не признает ветеранов до 2002 г., нет адекватных социальных гарантий
Патриотический герой	Примеры для подражания для мужчин, участие в военно-патриотическом воспитании

Важно отметить, что для увековечивания памяти погибших солдат и чествования ветеранов крайне важно обновленное конструирование чеченских войн, в котором сомнения в необ-

⁸⁹ Крайнова Н. В. Вечная память // РИА «Самара». 12 декабря, 2008. URL: <http://www.riasamara.ru/rus/news/region/society/article36605.shtml> (дата обращения 05.04.2022).

ходимости войн сменяются уверенностью в ней. Александр Ярославец, бывший во время первой войны командиром 81-го мотострелкового полка, на том же памятном мероприятии прокомментировал это так:

Прошло уже много времени с тех пор, как наш полк ушел из Самары в Чечню, но боль утраты не прошла. Меня часто спрашивают: нужны ли были эти жертвы? Вначале мы сами не знали, правильно ли поступили, отправившись туда. Но потом, когда мы увидели страдания мирного населения, детей, все эти ужасы, наши сомнения исчезли. Мы были обязаны защитить наших граждан. Наша память будет вечной. Никто не забудет того, что было сделано⁹⁰.

Вновь созданная память о войне — это тот вид памяти, благодаря которому стираются как совершенные федеральными силами военные преступления, так и память о тех, кто служил не по своей воле. Такая память о войне служит не основой для антивоенных действий, а, скорее, наоборот — работает на ремилитаризацию общества. Попытки переосмыслить память о чеченских войнах и представить ветеранов-чеченцев в качестве ролевых моделей патриотизма и мужественности могут изменить представление российского общества об идее войны и ее ветеранах. Однако они не решают материальных проблем, которые продолжают ослаблять милитаризованную мужественность в постсоветской России.

Заключение

Бойцовская мужественность продолжает сохранять свое значение для тех мужчин, которые работали или служили в армии. Военную службу они видят важнейшей для их социализации,

⁹⁰ Крайнова Н. В. Вечная память // РИА «Самара». 12 декабря, 2008. URL: <http://www.riamamara.ru/rus/news/region/society/article36605.shtml> (дата обращения 05.04.2022).

и считают, что все мужчины должны защищать страну. При этом первая чеченская война показала не только нежелание многих мужчин служить, но и серьезные проблемы с боевым духом среди военнослужащих. Одновременно с этим некоторые российские военнослужащие, служившие в Чечне, воплощали собой жестоких воинов, применявших неоправданное насилие и совершавших военные преступления. Важно отметить, что ни одно из этих проявлений мужественности не было идеологически полезным для ведения войны или увеличения общественной поддержки этой войны. Образ подневольного воина демонстрировал ослабленное состояние Вооруженных сил постсоветской России по сравнению с Советским Союзом. Образ свирепого воина заставлял задаваться вопросом о справедливости войны и военных действий в Чечне. В то время как мужчины, не решавшиеся убивать, часто придерживались нейтрального или неоднозначного мнения о чеченском народе, полковник Буданов оправдывал убийство Кунгаевой тем, что считал ее вражеским снайпером. Бойцовская мужественность и легитимность действий военнослужащих опираются на однозначное определение «врага». Неоднозначное отношение к чеченцам, которые и враги, и одновременно граждане Российской Федерации — именно то, что сделало эти войны такими сложными для понимания как обществом, так и самими военнослужащими.

Чеченские войны официально не были признаны войнами, и военнослужащие, воевавшие в Чечне, до 2002 года не были юридически признаны ветеранами и, следовательно, не имели права на государственные льготы. Неоднозначный статус этих войн и военнослужащих, слабая общественная поддержка затрудняли мужчинам-ветеранам процесс понимания послевоенной идентичности. Многие столкнулись с негативными психологическими последствиями своего боевого опыта, что еще больше затрудняло их социальную и экономическую реинтеграцию в общество. Ветераны часто не соответствовали идеалу сильных и героических воинов, но им также было трудно соответствовать не связанным с военными образами представлениям о мужественности, таким как кормилец или желанный муж. Некоторые

из них пытаются влиять на общественное восприятие и государственную политику, продвигая символическое признание ветеранов и погибших солдат в качестве патриотов-героев, что в свою очередь идет рука об руку с государственной политикой военного патриотизма при президенте Путине. Это влечет за собой некритический взгляд на войну и ее участников, который не видит многочисленных противоречий бойцовской мужественности, которые чеченская война смогла обнажить.

Хотя образы мужественности, рассмотренные в этой главе, были характерны для обеих войн, стоит отметить некоторые различия между ними. Образ федерального военнослужащего в Чечне как подневольного воина был более характерен для первой войны, чем для второй. Хотя низкий боевой дух (и уклонение от призыва) оставался проблемой и во время второй чеченской войны, в ней все же, как это обсуждалось в главе 2, принимало участие больше тех мужчин, которые взяли на себя роль воинов. Образ ветерана чеченской войны как героя-патриота возник во время второй войны, — это в той же степени не было возможно во время первой из-за скептического отношения Ельцина к армии и военнослужащим. Во время второй войны ветераны чеченской войны стали признаваться государством в качестве участников боевых действий, что повысило их статус, хотя ветеранами войны они так и не были признаны. Кроме того, во время второй войны общество в большей степени осознавало важность решения таких проблем ветеранов, как посттравматический стрессовый синдром. Образ жестокого воина, совершающего преступления против гражданского населения, был типичен для обеих войн, хотя в контексте второй чрезмерное насилие оправдывалось легче по причине его связи с антитеррористическими действиями и большей поддержки в российском обществе.

Многие противоречия милитаризованной мужественности, описанные в этой главе, не являются уникальными для чеченских войн, а связаны с самим построением образа идеального солдата как жестокого и героического воина. Нежелание некоторых мужчин убивать, чрезмерное применение насилия по отношению

к другим, а также посттравматический стресс у солдат встречаются гораздо чаще, чем это хотят признавать государства и военные. Что делает милитаризованную мужественность столь актуальным вопросом в российском случае, так это контекст постсоветской трансформации и кризиса. Несмотря на позиционирование президентом Путиным воюющего в Чечне героического российского солдата и другие попытки изменить образ ветеранов войны, отсутствие идеологической согласованности в отношении войн и недостаточные финансовые ресурсы для поддержки ветеранов дезавуировали образ участников чеченских войн как пример мужественности в постсоветской России.

Заключение

Мужественность, военная служба и война в постсоветской России

Объяснения мужской воинственности и женского миролюбия через биологию не теряют своей актуальности¹. Феминистская наука, которая последовательно документирует конструируемую и одновременно изменяющуюся природу гендерных идентичностей, востребована как никогда. Мужчины не рождаются воинственными, они ими становятся. Гендерная политика, такая, как, например, обязательная для мужчин военная служба, указывает на определяющую роль государства и военных структур в милитаризации мужской сущности. Государства и вооруженные силы прилагают много усилий для убеждения мужчин служить и принуждения их к службе и обеспокоены, когда те сопротивляются этим военизирующим их процессам. Изменение политических, социальных и экономических условий приводит к изменениям в отношениях между государством и обществом, что влияет как на связь между мужественностью и армией, так и на социальную поддержку военизации мужчин. Однако ведение войны и милитаризация мужчин в конечном итоге зависят от решений отдельных граждан. Принятие женщинами и мужчинами идеи о том, что военная служба является ключом к мужской идентичности и/или мужской гражданственности, имеет прямые последствия для государственной военной политики. Если мужчины не же-

¹ Недавним примером такой работы может служить книга [Potts, Hayden 2008].

лают служить, а их матери или жены/девушки/подруги/спутницы жизни не хотят, чтобы они становились частью военной системы, государство имеет меньше возможностей вести войну или легитимизировать свое правление на основе военного патриотизма.

Глобальная политика гендерной милитаризации

Мужественность играет главную роль в государственном (вос)производстве военного насилия. Вооруженные силы разных стран мира в подавляющем своем большинстве состоят из мужчин, и в основном именно они являются опорой государств в ведении войн. Лишь немногие страны, среди которых Перу, Малайзия, Тайвань, Северная Корея, Израиль, Ливия и Эритрея, призывают в свои вооруженные силы женщин [Seager 2009: 102–103]. Однако важно отметить, что призыв женщин не обязательно меняет в обществе первичную ассоциацию мужественности с армией, как показала в своем исследовании на примере Израиля Ута Кляйн [Klein 2003]. В большинстве же стран женщины не допускаются к военной службе. Некоторые страны, такие как Бразилия (1995), Аргентина (1996), Австрия (1998) и Италия (2000), относительно недавно внесли в свою политику изменения, разрешив женщинам служить в действующих войсках [Seager 2009: 102–103]. Среди стран с большим процентом военнослужащих женщин, для которых нет обязательной военной службы, такие, как Словения (40,6 %), Южная Африка (21 %), Латвия (17,4 %), Венгрия (17 %), Новая Зеландия (16,5 %), Австралия (15,7 %), Канада (14,5 %) и США (14,3 %)². Это, скорее, исключения из правил, поскольку число женщин в большинстве национальных вооруженных сил ничтожно мало.

В Вооруженных силах РФ женщины составляют около 10 % военнослужащих по сравнению с примерно 1–2 % женщин-доб-

² Данные о Южной Африке и Венгрии взяты из [Seager 2009: 102–103]. Данные о других странах взяты из следующего отчета: The Women's Research and Education Institute. 2010. Women in the Military: Where They Stand. Arlington, Virginia.

ровольцев в советских вооруженных силах в 1980-х гг.³ Этот рост не является результатом прогресса в политике гендерного равенства, а, скорее, результатом нехватки «рабочей силы», экономических потребностей женщин и сокращения численности Вооруженных сил. Несмотря на сложности милитаризации мужчин и большую зависимость от женщин-добровольцев в постсоветский период, российские государственные и военные деятели не пересматривали отождествление именно мужской гражданственности с военной службой.

Я не стремлюсь осудить здесь почти полное исключение женщин из вооруженных сил по всему миру или предположить, что более широкое представительство их там обеспечит мир на планете или большее гендерное равенство. Скорее, я хочу описать гендерный порядок, на основе которого государства выстраивают насилие. Исследователи в области международных отношений обычно не ставят под вопрос связанные с этим порядком представления о защите, хотя они лежат в основе теорий и разработки политики войны и безопасности. Милитаризованная мужественность является частью фундамента современной международной системы. Поэтому анализ милитаризованной мужественности улучшает наше понимание того, как действуют государства и международная государственная система, а также в каком направлении они могут меняться.

Хотя вооруженные силы по-прежнему являются институтами с преобладающим количеством мужчин, можно отметить ослабление связи между мужской гражданственностью и военной службой как в России, так и в других странах. Отношения между мужественностью и милитаризацией меняются во всем мире. За

³ Оценки доли женщин в Вооруженных силах в последние года существования Советского Союза варьируются от 0,5 % до 3,5 %. Цифры в 0,5 % придерживается Кристина Эйфлер [Eifler 2005: 105]. По оценкам Смирнова, женщины составляли около 3,5 % советских войск (Смирнов В. Из первых рук: проблемы осеннего призыва // Военно-промышленный курьер. 1 декабря 2004). Военный журнал «Независимое военное обозрение» считает, что около 1,6 % от всего военного персонала в 1980 г. и 1,8 % в 1985-м составляли женщины (Российской армии нужны женщины // Независимое военное обозрение. 2000. № 22 (23 июня)).

последние десятилетия все больше стран отменили воинскую повинность и перешли к полностью добровольным силам, а такие государства, как США, Великобритания и другие, все больше полагаются для ведения войны на частные военные и охранные компании. Эти события указывают скорее на преобразования в милитаризованной мужественности, чем на ее гибель. Некоторые авторы подводят теоретическую базу под новую форму «жесткой, но нежной» милитаризованной мужественности, которую представили американские солдаты во время войны в Персидском заливе [Niva 1998: 109–125]. Сегодня «жесткая» версия милитаризованной мужественности воплощается в первую очередь конкретными милитаризованными мужчинами, такими как солдаты спецназа или частные военные и охранные наемники. Как будет изменена связь между мужественностью и военным делом, в конечном счете будет зависеть от борьбы между государством и обществом, а также от политических и общественных дебатов о том, как мы, граждане, хотим определить безопасность и организовать наши вооруженные силы и силы безопасности. Включение в эту борьбу и дебаты вокруг нее женских и феминистских голосов очень важно, поскольку переопределение мужественности таким образом, чтобы она бросала вызов ведению войны, а не поддерживала ее, потребует более широкой трансформации гендерных иерархий.

Военизация мужественности в России

Слишком часто мужской милитаризм воспринимается как данность. Не менее проблематично, что воинствующая природа России и ее народа часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Неоднократно я слышала, как докладчики на конференциях или рабочих семинарах утверждали, что Россия по своей сути или культуре воинствующая страна. Такой подход помещает ведение Россией войны в Чечне в контекст давней традиции милитаризма. С такими предположениями связаны серьезные проблемы, поскольку они преподносят идею милитаризма

(и милитаризованные гендерные роли) как нечто само собой разумеющееся и не признают сложный процесс военизации. Вместо этого подход, который исторически рассматривает милитаризм и милитаризацию в рамках отношений между государством и обществом, позволяет нам более тщательно изучить, как страны становятся воинствующими и какой у них потенциал для сворачивания военных амбиций. Поэтому я исследовала милитаризм и милитаризацию в России как часть более сложных социальных отношений и политической власти, включая и гендерный порядок.

Гендер является неотъемлемой частью политики и процессов военизации. Такая политика, как призыв в армию и ведение войны, выстраивается вокруг бойцовской мужественности и материнства. Бойцовская мужественность социально и политически конструируется, а значит, по своей сути, является противоречивой и неустойчивой. Выполнение российскими мужчинами своих милитаризованных гендерных ролей зависит от множества факторов: личных (самовосприятие, жизненные цели), семейных (ролевые модели в семье, поддержка матери, социальное происхождение), общественных (экономические условия, распространенные представления о мужественности, движение солдатских матерей), военных (условия службы, роль в обществе), государственных (идеологические и материальные возможности), и, наконец, от ситуации — мирной или военной (шансы быть отправленным на войну).

Надежды на демилитаризацию российского общества то угасали, то ослабевали, поскольку бойцовская мужественность в постсоветской России как оспаривалась, так и укреплялась. Конфликт между милитаризацией и демилитаризацией можно обнаружить на всех уровнях: государственном, военном, общественном и индивидуальном. Продолжающаяся в России политика призыва в армию находится в противоречии с новыми представлениями о мужественности, определяемой классом, и слабой связью между патриотизмом и военной службой. Боевые действия и дедовщина, которые часто считаются важными для посвящения в милитаризованную мужественность, еще больше подорвали желание мужчин постсоветской России служить в армии. Война в Чечне не

привела к успешной мобилизации молодых мужчин на войну, а, наоборот, обнажила дефекты в образе сурового и героического воина. Группы солдатских матерей в Москве и Санкт-Петербурге оказались в авангарде общественной борьбы против призыва. При этом другие группы матерей воспроизводят воинственную мужественность, призывая юношей служить, а матерей — поддерживать своих сыновей во время военной службы. Призыв в армию не пользуется популярностью, а служба по контракту не считается у большинства мужчин привлекательной работой.

За последние полтора десятилетия политическое руководство России неоднократно заявляло о своем намерении модернизировать вооруженные силы и перейти к полностью профессиональной армии. Такой переход пользуется в обществе популярностью, но вероятность того, что он осуществится в обозримом будущем, невелика. Именно тот факт, что Вооруженные силы являются одним из самых надежных институтов постсоветской России, позволил политическому руководству использовать милитаризм в качестве источника легитимации и мобилизации. Российское государство поощряет своих граждан считать себя патриотами и поддерживает группы гражданского общества, пропагандирующие милитаризованный патриотизм. Во время президентства Путина правительство ввело государственную программу патриотического воспитания, направленную на возрождение милитаризованного патриотизма и на повышение готовности молодых людей к призыву в армию. Таким образом, в то время как поддержка призыва резко упала, а уклонение от него стало в постсоветской России широко распространенным, параллельно наблюдалась тенденция к ремилитаризации мужской и женской идентичностей как сверху, так и снизу.

Постсоветская трансформация бойцовской мужественности

Удастся ли российскому государству восстановить прочную связь между мужественностью, военной службой и патриотизмом, будет зависеть от идеологических и экономических факто-

ров. В результате постсоветского кризиса и идеологических изменений модель «гражданин-солдат» переживает тяжелые времена. Ключевой чертой советской милитаризации была всеобщая мужская воинская повинность. Советские представления о милитаризованной мужественности опирались не только на идею гражданского долга мужчин, но и на представления о героизме и патриотизме, а также на гендерную идеологию, которая определяла военную службу как способ сделать мальчика мужчиной. В процессе перехода от советского периода к постсоветскому закреплённая всеобщей воинской обязанностью связь мужественности и службы в армии претерпела значительные изменения. Отчасти проблемы с призывом были связаны с кризисом российской армии и систематическим насилием, которому она подвергала молодых мужчин. Однако проблемы призыва были также фундаментально связаны и с экономическими и политическими преобразованиями. Отказ авторитарной советской политической системы от закрытости и перспективы перехода к демократии позволили воинской повинности стать предметом дискуссий между государством и обществом. С другой стороны, экономические преобразования привели к нарушению социального контракта, который служил основой для всеобщей воинской повинности мужчин.

Советское государство проводило экономическую и социальную политику, направленную на перераспределение и справедливость. Предложенный им общественный договор основывался на ряде гарантий, которые не были особенно щедрыми, но обеспечивали советским гражданам необходимый минимум социальной и экономической безопасности. Посткоммунистический переходный период обещал улучшение социальных и экономических условий, однако в реальности режим социального обеспечения рухнул, экономическая нестабильность и резкий рост неравенства усилились. Воинская служба высвечивает возникшую в результате экономического и социального кризиса напряжённость в отношениях между государством и обществом, поскольку расторжение общественного договора подорвало желание молодых людей иметь дело с армией.

Взятые мной интервью демонстрируют важную связь между социальной и военной гражданственностью. Постсоветское государство большей частью не смогло поощрить милитаризацию мужчин ощутимым вознаграждением, будь то по идеологическим или экономическим причинам⁴. Интервьюируемые подчеркивали фундаментальные изменения в отношениях между гражданами и государством, произошедшие с советских времен. Один из уклонившихся от призыва утверждал, что его нежелание служить в армии было отчасти результатом отсутствия социальных гарантий со стороны государства. Бывший офицер объяснил, что советское обеспечение жильем и образованием было главным стимулом привлечения мужчин в армию в качестве профессиональных военных. Ветераны чеченских войн чаще всего оказывались социально и экономически маргинализированы и до 2002 г. не были юридически признаны ветеранами и, соответственно, не имели права на государственные льготы. С другой стороны, организации ветеранов и солдатских матерей обозначали военную гражданственность как основу социальной гражданственности. Они пытались претендовать на существующие льготы или ходатайствовать от имени солдат об их расширении, подчеркивая выполнение мужчинами своего военного долга перед Родиной.

Переход к капитализму оказал на военизированную мужественность постсоветской России неоднозначное воздействие. Он усугубил проблему военного призыва, начавшуюся еще в конце 1980-х гг., и подорвал советские представления о мужественности, базирующейся на патриотизме и службе в армии. Напряженность между военизированной мужественностью

⁴ Несмотря на то что в период президентства Путина зарплаты офицеров немного поднялись, глубокие социальные проблемы, с которыми сталкивались военные, не были решены. Кроме того, офицеры столкнулись с новыми социальными проблемами, такими как необходимость самостоятельно оплачивать жилье и коммунальные услуги, а также тем, что они больше не освобождены от уплаты налогов [Golts 2004a: 78–79]. Военная реформа, начатая в октябре 2008 года, обещала улучшения в жизни военнослужащих, такие как повышение заработной платы и пенсий, а также помощь в обеспечении жильем.

и капиталистической мужественностью указывает на проблемы призыва в армию в условиях рыночной экономики. Многие молодые люди считают службу в армии несовместимой с быстро развивающейся рыночной экономикой и конкурентным рынком труда. Развитие черного рынка, обслуживающего тех, кто хочет (и имеет ресурсы для того, чтобы) купить себе способ освободиться от службы, значительно усилило призывное неравенство. С другой стороны, склонная к кризисам и хаотичная экономика переходного периода 1990-х годов породила большой спрос военизированных мужчин в частном секторе. Множество частных охранных компаний, в которых, как правило, работают бывшие солдаты, заполнили пустоту в обеспечении безопасности, оставленную ослабленным постсоветским государством.

Между антимилитаризмом и ремилитаризацией

Чеченские войны еще больше подорвали российскую модель «гражданин-военный». Война привела к всплеску уклонения от призыва и укрепила всенародную поддержку контрактной армии. Для многих призывников и офицеров, служивших на войне, их собственное участие в ней не было неоднозначным. Данное исследование выявило широкий спектр видов мужественности: мужчины, которые не были готовы убивать или в душе выступали против войны, и мужчины, которые оправдывали жестокое применение силы. Ветераны часто сталкивались с тяжелыми психологическими, экономическими и социальными последствиями своего участия в войнах. Таким образом, российский общественный кризис милитаризованной мужественности проявляется не только в широко распространенном уклонении от призыва, но и в опыте самих ветеранов.

Несмотря на то что вторая война в самом ее начале пользовалась широкой поддержкой, сегодня большая часть россиян не считает чеченские войны справедливыми. В ходе опроса, проведенного в начале 2010 г., их спросили, какую из войн прошлого века они считают такой. Единственной войной, которую большая

часть (75 %) респондентов считает справедливой и которая сохраняет свой особый статус в российской истории, оказалась Великая Отечественная⁵. Большинство россиян определяют справедливую войну как войну, которая ведется «для защиты своего дома, своих близких и родных, своей страны от нападения»⁶. Для рядовых граждан России чеченские войны часто выглядят как войны, которые велись из политической и экономической корысти, а не как необходимые для защиты страны и ее народа.

Существует значительный разрыв между военной политикой государства и связанным с ней милитаризованным патриотизмом, с одной стороны, и скептическим отношением большей части населения к недавним войнам, которые ведет российское государство, с другой. Однако критическая позиция населения по отношению к войне редко переходит в политическую активность, исключением здесь оказались только некоторые организации солдатских матерей. Сложно обнаружить и критическое общественное обсуждение чрезмерной жестокости военных, таких как полковник Буданов. Ветераны, полагавшие, что моральных оснований для войны не было, не составляли политическую оппозицию (в отличие, например, от некоторых ветеранов Вьетнама и Ирака в США) [Oushakine 2009: 132]. Такая деполитизированная, закрытая и пассивная антивоенная позиция, вероятно, недостаточна, чтобы противостоять согласованным усилиям государственного и военного руководства по возрождению милитаризованного патриотизма в постсоветской России. Даже если россияне примут милитаризованный патриотизм, будут ли они готовы пожертвовать собой или своими близкими родственниками в будущих войнах, остается под вопросом, учитывая множество проблем, препятствующих милитаризации мужчин в постсоветской России.

⁵ Levinson Alexei. Russia's People: What Is a Just War? // OpenDemocracy Russia. 2010. April 13. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/alexei-levinson/russia's-people-what-is-just-war> (дата обращения 07.04.2022).

⁶ Там же.

Источники

Бабченко 2016 — Бабченко А. А. Война. М.: Альпина Паблшер, 2016.
Вахнина 2002 — Людмила Вахнина. Защитить сыновей: об организации солдатских матерей // Информационный бюллетень правления общества «Мемориал». 25 мая 2002.

Геворкян и др. 2000 — Геворкян Н. П., Колесников А. В., Тимакова Н. А. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. Вагриус, 2000.

Ельцин 1994 — Ельцин Б. Н. Обращение к гражданам России // Российская газета. 14 декабря 1994.

Ельцин 1994а — Ельцин Б. Н. Обращение Бориса Ельцина в связи с ситуацией в Чечне // Российская газета. 28 декабря 1994.

Ельцин 1995 — Ельцин Б. Н. О действенности государственной власти в России: Послание Президента РФ Собранию Российской Федерации. 1995.

Ельцин 1996 — Ельцин Б. Н. Россия, за которую мы в ответе: Послание Президента РФ Собранию Российской Федерации. 1996.

Ельцин 2000 — Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000.

Левада-центр 2002 — Дело полковника Буданова: Чечня // Левада-центр. 31 июля 2002.

Левада-центр 2006 — Дедовщина — «болезнь» армейской системы // Левада-центр. 15 февраля 2006. URL: <https://www.levada.ru/2006/02/15/dedovshhina-bolezn-armejskoj-sistemy/> (дата обращения 09.04.2022).

Левада-центр 2019 — Рекордное число россиян назвали службу в армии обязанностью мужчины // Левада-центр. 18 июня 2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/18/rekordnoe-chislo-rossiyan-nazvali-sluzhbu-v-armii-obyazannostyu-muzhchiny/> (дата обращения 09.04.2022).

Мороз 2012 — Мороз О. П. Ельцин. Лебедь. Хасавюрт. М.: ООО «ИПЦ “Маска”», 2012.

Стрелец 2008 — Стрелец Ю. Вечная память павшим // Самарские известия. 13 декабря 2008.

Ткачук 2005 — Ткачук С. Я. Воюю не спеша // Новые известия. 8 июля 2005.

Трошев 2001 — Трошев Г. Н. Моя война. М.: Вагриус, 2001.

Удманцев 2009 — Удманцев В. Н. Реформа по Сердюкову глазами матери солдата // Сегодня. 17 марта 2009.

Фельгенгауэр 2010 — Фельгенгауэр П. А служить вновь придется два-три года. Призывная армия победила контрактную // Новая газета. № 21. 1 марта 2010. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2010/03/01/4455-a-sluzhit-vnov-prividetsya-dva-tri-goda> (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 1994 — С января по октябрь доля доверяющих президенту России снизилась до 12 пунктов. 11 декабря 1994. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/eltzin_/rating_eltzin/of19943308 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 1995 — Большинство россиян одобряют солдатских матерей, пытающихся забрать своих детей из частей, воюющих в Чечне. 3 февраля 1995. URL: https://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/%20/finfo/finfo1995/of1995_04/of19950404 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 1995а — Большинство россиян полагают, что создание профессиональной армии — наилучший способ усиления ее боеспособности. 24 февраля 1995. URL: https://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/%20/finfo/finfo1995/of1995_07/of19950702 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 1995б — Если год назад на одного доверяющего президенту приходилось два недоверяющих, то сейчас — десять. 10 марта 1995. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pres/eltzin_/rating_eltzin/of19950902 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 1998 — Как вы считаете, призывники должны обязательно проходить службу в армии или лучше предоставить им возможность альтернативной службы в гражданской сфере (работа на предприятиях, в больницах и т. п.)? 6 мая 1998. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/t8035714> (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2000 — В. Путин самый популярный российский политик 1999 года. 13 января 2000. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/putin_/rating_putin/of000107 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2000а — «Потерянные годы» в «школе жизни». 23 ноября 2000. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/of004703> (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2002 — Главная неудача В. Путина — «не утихла Чечня». 21 марта 2002. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/chech_/of021102 (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2002а — Срочная служба в армии. 3 октября 2002. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd023930> (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2004 — О службе в армии. 8 июля 2004. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd042729> (дата обращения 09.04.2022).

Фонд «Общественное мнение» 2008 — Политик года — снова Путин. 15 июля 2008. (в настоящее время ресурс недоступен).

Babchenko 2007 — Babchenko A. A. *One Soldier's War in Chechnya*. London: Portobello Books, 2007.

Baysayev 2009 — Baysayev U. *The Yuri Budanov Case // Prague Watchdog Kavkaz Center*. January 9, 2009.

Felgenhauer 2000 — Felgenhauer P. *Russia's Forces Unreconstructed // Perspective*. Institute for the Study of Conflict, Ideology, and Policy, 2000. Vol. 10. № 4. P. 4–5.

Felgenhauer 2003 — Felgenhauer P. *The Russian Army in Chechnya // Crimes of War Project: The Magazine*, 2003. P. 6–9.

Felgenhauer 2010a — Felgenhauer P. *Medvedev Acknowledges Problems in the 'New Look' Armed Forces // Eurasia Daily Monitor*. 2010. March 11.

Felgenhauer 2010b — Felgenhauer P. *Personnel Problems Impact on Russian Military Reform // Eurasia Daily Monitor*. 2010. Vol. 7. № 83.

Felgenhauer 2010c — Felgenhauer P. *Russian Military Personnel Crisis: Medvedev and the General Staff Join the Fray // Eurasia Daily Monitor*. 2010. May 6.

Human Rights Watch 2000 — Human Rights Watch. *“Welcome to Hell”: Arbitrary Detention, Torture, and Extortion in Chechnya*. Vol. 2156. New York: Human Rights Watch, 2000.

Human Rights Watch 2002 — Human Rights Watch. *Conscription through Detention in Russia's Armed Forces*. New York: Human Rights Watch, November 2002. URL: <https://www.hrw.org/reports/2002/russia/> (дата обращения 09.04.2022)

Human Rights Watch 2003 — Human Rights Watch. *World Report 2003*. New York: Human Rights Watch, 2003.

Human Rights Watch 2004 — Human Rights Watch. *The Wrongs of Passage: Inhuman and Degrading Treatment of New Recruits in the Russian Armed Forces*. New York: Human Rights Watch, October 2004. URL: <https://>

www.hrw.org/report/2004/10/19/wrongs-passage/inhuman-and-degrading-treatment-new-recruits-russian-armed-forces (дата обращения 09.04.2022).

Human Rights Watch 2006 — Human Rights Watch. Widespread Torture in the Chechen Republic: Human Rights Watch Briefing Paper for the 37th UN Committee against Torture, New York: Human Rights Watch, November 2006. URL: <http://www.hrw.org/backgrounder/eca/chechnya1106/> (дата обращения 09.04.2022).

Ipsa-Landa 2003 — Ipsa-Landa S. Russian Preferred Self-Image and the Two Chechen Wars // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2003. Vol. 11. № 2. P. 305–319.

Kuklina 1996 — Kuklina I. Acceptance Speech // Right Livelihood Award. December 9, 1996.

Liborakina n.d. — Liborakina Marina. Women Fight to Be Heard in Chechen Dialogue. Undated Manuscript.

Shreeves 1990 — Shreeves R. Mothers against the Draft: Women's Activism in the USSR // RFE/RL Report on the USSR. 1990. Vol. 2. № 38.

The United Nations Secretary General 2002 — The United Nations Secretary General. Women, Peace and Security. New York: United Nations, 2002. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/public/eWPS.pdf> (дата обращения 03.04.2022).

Uzzell 2005 — Uzzell L. A. Hero of Russia... // *The Jamestown Foundation's Chechnya Weekly*. 2005. Vol. 8. № 1.

Vallance 2000 — Vallance B. J. Russia's Mothers: Voices of Change // *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*. 2000. Vol. 18. № 3–4. P. 109–128.

Vanderheeren 2002 — Vanderheeren H. Methods of 'The Soldiers' Mothers of St. Petersburg' in Conflict Resolution. Unpublished Report by a Volunteer at The Soldiers' Mothers, VIII. 2002.

Wagensohn 2000 — Wagensohn T. Krieg in Tschetschenien // *Aktuelle Analysen*. № 18. München: Hans-Seidel-Stiftung, 2000.

Библиография

Белинский, Лямин 2000 — Белинский А. Б., Лямин М. В. Медико-психологическая реабилитация участников боевых действий в многопрофильном госпитале // Военно-медицинский журнал. 2000. № 321 (1).

Бреслауэр 2021 — Бреслауэр Дж. Горбачев и Ельцин как лидеры. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021.

Волков 2012 — Волков В. В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Данилова 2004 — Данилова Н. Право матери солдата: инстинкт заботы или гражданский долг? // Семейные узы: модели для сборки / под ред. С. Ушакина. М.: НЛО, 2004. С. 188–210.

Докторов и др. 2002 — Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян // Социологические очерки. Москва: Институт Фонда Общественное мнение, 2002.

Еременко 1997 — Еременко И. Н. Россия и Чечня: 1990–1997 годы: документы свидетельствуют. Ереван: РАУ-Университет, 1997.

Журженко 2001 — Журженко Т. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков: Фолио, 2001.

Здравомыслова 1999 — Здравомыслова Е. А. От социальной проблемы к коллективному действию: правозащитная организация «Солдатские матери» // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию / под ред. В. В. Костюшева. Москва: Российская академия наук, 1999. С. 51–64.

Зверева 2002 — Зверева Г. «Работа для мужчин?» Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2002. № 6(26).

Клямкин, Тимофеев 2000 — Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: экономико-социальное исследование. М.: РГГУ, 2000.

Кон 2007 — Кон И. С. Дедовщина в свете исследований закрытых мужских сообществ // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. СПб.: Индрик, 2007. С. 84–90.

Коннелл 2015 — Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. И. Н. Тартаковской, Т. В. Барчуновой. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Ливен 2019 — Ливен А. Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2019.

Никонова 2005 — Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 40–41. С. 282–289.

Новикова 2007 — Новикова А. Реабилитация ветеранов Чечни // Милиция между Россией и Чечней. Ветераны конфликта в российском обществе. Москва: Центр «Демос», 2007.

Пожидаев 1999 — Пожидаев Д. Д. От боевых действий — к гражданской жизни // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 70–74.

Попкова 2003 — Попкова Л. Н. Миссия невыполнима: женские стратегии политического участия // Гендерные отношения в современной России: Исследования 1990-х годов / под ред. Л. Н. Попковой и И. Н. Тартаковской. Самара: Издательство «Самарский университет», 2003. С. 221–241.

Саркисова 2002 — Саркисова О. Ю. Скажи мне, кто твой враг... Чеченская война в российском кино // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2002. № 6(26).

Скотт б/д — Скотт Дж. В. Гендер: полезная категория исторического анализа / пер. с англ. Сергея Драпико. URL: <https://www.twirpx.com/file/2379111/> (в настоящее время ресурс недоступен).

Смирнов 2000 — Смирнов А. И. Женщина на службе в российской армии // Социологические исследования. № 11. С. 128–133.

Соколов б/д — Соколов М. М. Пределы применения доктрины прав человека в современной российской культуре: суд над полковником Будановым и его противники. <http://www.starovoitova.ru/rus/texts/06/books/zashita/06.htm> (дата обращения 09.04.2022).

Сталин 1951 — Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 29–42.

Тикнер 2007 — Тикнер Д. Э. Мировая политика с гендерных позиций: проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. Бакаловой Е. В., Воробьевой Н. А., Дугиной Г. А., Демина Н. В., Шишковой А. В., Будановой И. А. под ред. Д. И. Польшванного. М.: Культурная революция, 2007.

Ферретти 2005 — Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 40–41.

Фурман 1999 — Фурман Д. Е. (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. Выпуск серии «Мир, прогресс, права человека». Публикации музея и общественного центра имени Андрея Сахарова. М.: Полиформ-Талбури, 1999.

Шепелева 2007 — Шепелева О. Семьи ветеранов: до и после конфликта // *Милиция между Россией и Чечней. Ветераны конфликта в российском обществе*. Москва: Центр «Демос», 2007.

Юрчак 2001 — Юрчак А. В. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // *О мужественности* / под ред. С. А. Ушакина. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.

Abdullayeva et al. 2000 — Abdullayeva A., Dobinskaya S., Kuklina I., Vinogradova L, Yandieva F. *Civil Society and Peace-Building in the North and South Caucasus* [Transcript]. Cambridge, MA: Caspian Studies Program, Harvard University, 2000.

Abu-Laban 2008 — Abu-Laban Y. (ed.). *Gendering the Nation-State: Canadian and Comparative Perspectives*. Vancouver: University of British Columbia Press, 2008.

Alexseev 2006 — Alexseev M. A. Back to Hell: Civilian-Military 'Audience Costs' and Russia's Wars in Chechnia // *Military and Society in Post-Soviet Russia*. 2006. P. 97–113.

Altinay 2004 — Altinay A. G. *The Myth of the Military Nation: Militarism, Gender, and Education in Turkey*. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Andryukhin 2003 — Andryukhin A. Officer's Last Word // *Izvestiia*. July 23, 2003 / *Current Digest of Post-Soviet Press*. Vol. 55. № 30. P. 8.

Ashour 2004 — Ashour O. *Security, Oil, and Internal Politics: The Causes of the Russo-Chechen Conflicts* // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2004. Vol. 27.

Ashwin 2000a — Ashwin S. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000.

Ashwin 2000b — Ashwin S. *Introduction: Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / ed. by Sarah Ashwin. London: Routledge, 2000.

Atkinson et al. 1977 — Atkinson D., Dallin A., Lapidus G. W. *Women in Russia*. Stanford: Stanford University Press, 1977.

Attwood 1985 — Attwood L. *The New Soviet Man and Woman — Soviet Views on Psychological Sex Differences* // *Soviet Sisterhood: British Feminists on Women in the USSR* / ed. by Barbara Holland. London: Fourth Estate, 1985.

Attwood 1990 — Attwood L. *The New Soviet Man and Woman: Sex-Role Socialization in the USSR*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

Baev 2001 — Baev P. K. *The Russian Armed Forces: Failed Reform Attempts and Creeping Regionalization* // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17. № 1. P. 23–42.

Baev 2004 — Baev P. K. *Putin's War in Chechnya: Who Steers the Course?* // *PONARS Policy Memo*. 2004. Vol. 345. P. 1–6.

Baev 2012 — Baev P. K. *The Targets of Terrorism and the Aims of Counter-Terrorism in Moscow, Chechnya and the North Caucasus* // *Volatile Borderland: Russian and the North Caucasus* / ed. by Glen E. Howard. Washington, DC: The Jamestown Foundation, 2012.

Balzer 2005 — Balzer H. *The Implications of Demographic Change for Russian Politics and Security* // Paper presented at the Health and Demography in the States of the Former Soviet Union Conference, Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University, Cambridge, MA, April 29–30, 2005.

Bannikov 2004 — Bannikov K. L. *Regimented Communities in a Civil Society* // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2004. № 1 (July 2004).

Barany 2007 — Barany Z. *Democratic Breakdown and the Decline of the Russian Military*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Barylski 1998 — Barylski R. V. *The Soldier in Russian Politics: Duty, Dictatorship, and Democracy under Gorbachev and Yeltsin*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998.

Baysayev 2009 — Baysayev U. *The Yuri Budanov Case* // *Prague Watchdog Kavkaz Center*, January 9, 2009.

Bazarya 2006 — Bazarya I. *The Phenomenon of Chechen 'Black Widows': Becoming a Suicide Terrorist*. Paper presented at the Midwest Political Science Association Annual Conference, Chicago, April 20–23, 2006.

Bertrand 2009 — Bertrand E. *Les Militaires Ne Savent plus Comment Travailler sans Les Comités de Mères de Soldats* // Interview with Valentina Melnikova, Union of Soldiers' Mothers Committees in Russia, Moscow, April 30, 2008 (in French) / *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2009. № 9.

Betz, Plekhanov 2004 — Betz D. J., Plekhanov S. *Civil-Military Relations in Post-Soviet Russia: Rebuilding the 'Battle Order'?* // *The Evolution of Civil-Military Relations in East-Central Europe and the Former Soviet Union* / Natalie L. Mychajlyszyn and Harald von Riekhoff (eds.). Westport, CT: Praeger, 2004.

Bickford 2001 — Bickford A. Male Identity, the Military, and the Family in the Former German Democratic Republic // *Anthropology of East Europe Review*. 2001. Spring. Vol. 19. № 1.

Blum 2006 — Blum D. W. Official Patriotism in Russia: Its Essence and Implications // *PONARS Policy Memo* 420. 2006. P. 163. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/pm_0420.pdf (дата обращения 09.04.2022).

Boose 1993 — Boose L. E. Techno-Muscularity and the 'Boy Eternal': From the Quagmire to the Gulf // *Gendering War Talk* / ed. by M. Cooke and A. Woollacott. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 67–106.

Borenstein 2008 — Borenstein E. *Overkill: Sex and Violence in Contemporary Russian Popular Culture*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.

Brown 1997 — Brown S. Modern Tales of the Russian Army // *World Policy Journal*. 1997. Vol. 14. № 1. P. 61–70.

Bruce Ware 2005 — Bruce Ware, Robert. Revisiting Russia's Apartment Block Bombs // *Journal of Slavic Military Studies* 18. № 4 (2005). P. 599–606.

Brudny 1997 — Brudny Y. M. In Pursuit of the Russian Presidency: Why and How Yeltsin Won the 1996 Presidential Election // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. Vol. 30. № 3. P. 255–275.

Buckley 1989 — Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989.

Burawoy, Verdery 1999 — Burawoy M., Verdery K. Introduction // *Uncertain Transitions: Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / Burawoy and Verdery (eds.). Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1999. P. 14.

Caiazza 2002 — Caiazza A. *Mothers and Soldiers: Gender, Citizenship, and Civil Society in Contemporary Russia*. New York: Routledge, 2002.

Cockburn 1998 — Cockburn C. *The Space between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict*. London: Zed books, 1998.

Cockburn 2004 — Cockburn C. *The Continuum of Violence: A Gender Perspective on War and Peace* // *Sites of Violence: Gender and Conflict Zones* / ed. by Giles W. and Hyndman J. Berkeley: California University Press, 2004. P. 24–25.

Cockburn 2007 — Cockburn C. *From Where We Stand: War, Women's Activism and Feminist Analysis*. London: Zed Books, 2007.

Colton 1984 — Colton T. J. *The Impact of the Military on Soviet Society* // *The Soviet Polity in the Modern Era* / ed. by E. P. Hoffmann, R. F. Laird. New York: Aldine Publishing Company, 1984. P. 393–412.

Connell 1987 — Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Connell 2000 — Connell R. W. *The Men and the Boys*. Berkeley: University of California Press, 2000.

Cooper 2010 — Cooper J. *The Security Economy // The Politics of Security in Modern Russia* / ed. by M. Galeotti. Surrey: Ashgate Publishing Limited, 2010. P. 145–170.

Cottam 2003 — Cottam K. J. *Hero of the Soviet Union, Women Recipients // Amazons to Fighter Pilots: A Biographical Dictionary of Military Women* / ed. by Reina Pennington. Westport, CT: Greenwood Press, 2003.

Danilova 2007 — Danilova N. *Veterans' Policy in Russia: A Puzzle of Creation // Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2007. № 6/7. Paragraphs 12–16.

Danilova 2010 — Danilova N. *The Development of an Exclusive Veterans' Policy: The Case of Russia // Armed Forces and Society*. 2010. Vol. 20. № 10.

Daucé et al. 2007 — Daucé F., Sieca-Kozłowski E. *Introduction // Dedovshchina in the Post-Soviet Military: Hazing of Russian Army Conscripts in a Comparative Perspective* / ed. by Daucé F., Sieca-Kozłowski E. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007.

Deriglazova 2005 — Deriglazova L. *To Fear or to Respect? Two Approaches to Military Reform in Russia // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2005. № 3.

Dunlop 1998 — Dunlop J. B. *Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Dunlop 2005 — Dunlop J. B. *Do Ethnic Russians Support Putin's War in Chechnya? // Chechnya Weekly*. 2005. Vol. 6. № 4.

Dunlop 2006 — Dunlop J. B. *The 2002 Dubrovka and 2004 Beslan Hostage Crises. A Critique of Russian Counter-Terrorism*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2006.

Edele 2008 — Mark Edele. *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Eichler 2006 — Eichler M. *Russia's Post-Communist Transformation: A Gendered Analysis of the Chechen Wars // International Feminist Journal of Politics*. Vol. 8. № 4. P. 486–511.

Eichler 2008 — Eichler M. *Gender and Nation in the Soviet / Russian Transformation // Gendering the Nation-State: Canadian and Comparative Perspectives* / ed. By Abu-Laban Y. Vancouver: University of British Columbia Press. 2008. P. 46–59.

Eichler 2011 — Eichler M. *Russian Veterans of the Chechen Wars: A Feminist Analysis of Militarized Masculinities // Feminism and Interna-*

tional Relations: Conversations about the Past, Present and Future / ed. by J. Ann Tickner, Sjoberg L. London: Routledge, 2011. P. 123–140.

Eifler 2001 — Eifler Ch. The Armed Forces as a Place of Social Construction of Gender: Women in the Russian Military // Gender in Transition: Eastern and Central Europe Proceedings / ed. by Jähnert G. et al. Berlin: Trafo Verlag, 2001. P. 274–277.

Eifler 2004 — Eifler Ch. 'Weil Man Nun Mit Ihnen Rechnen Muss...': Frauen in Den Streitkräften Russlands // Gender Und Militär: Internationale Erfahrungen Mit Männern Und Frauen in Den Streitkräften / Hg. von Seifert R., Eifler Ch. Königstein: Ulrike Helmer, 2004. S. 103–137.

Elkner 2004 — Elkner J. Dedovshchina and the Committee of Soldiers' Mothers under Gorbachev // Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2004. № 1.

Elshtain 1995 — Elshtain J. B. Women and War. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Elshtain 2000 — Elshtain J. B. War // Routledge International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge / ed. by Kramarae Ch., Spender D. New York: Routledge, 2000. P. 2027–2032.

Engel 2003 — Engel Ch. Kulturelles Gedächtnis, Neue Diskurse: Zwei Russische Filme Über Die Kriege in Tschetschenien // Osteuropa. 2003. Vol. 53. № 5. P. 604–617.

Enloe 1983 — Enloe C. Does Khaki Become You? The Militarization of Women's Lives. London: Pandora, 1983.

Enloe 1989 — Enloe C. Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. Berkeley: University of California Press, 1989.

Enloe 1993 — Enloe C. The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War. Berkeley: University of California Press, 1993.

Enloe 2000a — Enloe C. Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives. Berkeley: University of California Press, 2000.

Enloe 2000b — Enloe C. Masculinity as a Foreign Policy Issue // Foreign Policy in Focus. 2000. Vol. 5. № 36.

Enloe 2000c — Enloe C. Military // Routledge International Encyclopedia of Women: Global Women's Issues and Knowledge / ed. by Ch. Kramarae and D. Spender. New York: Routledge, 2000. P. 1373–1374.

Enloe 2004 — Enloe C. The Curious Feminist: Searching for Women in a New Age of Empire. Berkeley: University of California, 2004.

Eremitcheva, Zdravomyslova 2001 — Eremitcheva G., Zdravomyslova E. Die Bewegung der Soldatenmütter — Eine Zivilgesellschaftliche Initiative:

Der Fall St. Petersburg // M. Ritter (ed.). *Zivilgesellschaft und Gender-Politik in Rußland*. Frankfurt: Campus Verlag, 2001. P. 224–246.

Evangelista 2002 — Evangelista M. *The Chechen Wars: Will Russia Go the Way of the Soviet Union?* Washington, DC: Brookings Institution Press, 2002.

Felgenhauer 2000 — Felgenhauer P. *The Russian Army in Chechnya Is Being Systematically Stripped of What Remains of Its Human Face* // Ekho Moskvy, February 13, 2000. *Current Digest of Post-Soviet Press*, 52. № 7 (March 15, 2000). P. 5.

Felgenhauer 2010c — Felgenhauer P. *Russian Military Personnel Crisis: Medvedev and the General Staff Join the Fray* // *Eurasia Daily Monitor*, May 6, 2010.

Felshitskiy et al. 2007 — Felshitskiy Y., Litvinenko A., Andrews G. *Blowing up Russia: Terror from Within*. London: Gibson Square Books, 2007.

Filippova 2007 — Interview with Tanya Lokshina, President of the Demos Center, conducted by Olga Fillipova, Moscow, 11 May 2007 // *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. № 6/7 (2007).

Fish 1990 — Fish M. S. *Reform and Demilitarization in Soviet Society from Brezhnev to Gorbachev* // *Peace and Change* 15. № 2 (April 1990). P. 150–172.

Foley 2003 — Foley M. S. *Confronting the War Machine: Draft Resistance during the Vietnam War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.

Fowkes 1998 — Fowkes B. (ed.). *Russia and Chechnia: The Permanent Crisis*. London: Macmillan Press, 1998.

Gal, Kligman 1997 — Gal S., Kligman G. *Reproducing Gender: Politics, Public, and Everyday Life after Socialism*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Galeotti 1995 — Galeotti M. *Afghanistan: The Soviet Union's Last War*. London: Frank Cass, 1995.

Gall, de Waal 1997 — Gall C., de Waal T. *Chechnya: A Small Victorious War*. London: Pan, 1997.

Gapova 2004 — Gapova E. *Conceptualizing Gender, Nation, and Class in Post-Soviet Belarus* // K. Kuehnast, C. Nechemias (eds.). *Post-Soviet Women Encountering Transition: Nation Building, Economic Survival, and Civic Activism*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2004. P. 85–102.

Gerber, Mendelson 2003 — Gerber T. P., Mendelson S. E. *Strong Public Support for Military Reform in Russia* // *PONARS Policy Memo* 288 (May 2003).

German 2003 — German T. C. *Russia's Chechen War*. New York: Routledge/Curzon, 2003.

Gill 1997 — Gill L. Creating Citizens, Making Men: The Military and Masculinity in Bolivia // *Cultural Anthropology* 12. № 4 (1997). P. 527–550.

Gillespie 2006 — Gillespie D. Confronting Imperialism: The Ambivalence of War in Post-Soviet Film // S. L. Webber, J. G. Mathers (eds.). *Military and Society in Post-Soviet Russia*. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 80–93.

Gilligan 2010 — Gilligan E. *Terror in Chechnya: Russia and the Tragedy of Civilians in War*. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Glasser 2005 — Glasser J. United People's Party of Soldiers' Mothers: An Analysis of a Grassroots Movement // *Stanford's Student Journal of Russian, East European, and Eurasian Studies* 1 (Spring 2005).

Goldstein 1997 — Goldstein L. J. Russian Civil-Military Relations in the Chechen War, December 1994 — February 1995 // *Journal of Slavic Military Studies* 10. № 1 (March 1997). P. 109–127.

Goldstein 2001 — Goldstein J. S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Golts 2004a — Golts A. The Social and Political Condition of the Russian Military // S. E. Miller, D. Trenin (eds.). *The Russian Military: Power and Policy*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 73–94.

Golts 2004b — Golts A. Putin and the Chechen War: Together Forever // *Moscow Times*. February 14, 2004.

Golts, Putnam 2004 — Golts A. M., Putnam T. L. State Militarism and Its Legacies: Why Military Reform Has Failed in Russia // *International Security* 29. № 2 (Fall 2004). P. 121–158.

Gomart 2008: — Gomart T. *Russian Civil-Military Relations: Putin's Legacy*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2008.

Gross 1990 — Gross N. Youth and the Army in the USSR in the 1980s // *Soviet Studies* 42. № 3 (July 1990). P. 481–498.

Grossman 1995 — Grossman D., Lt. Col. *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*. Boston: Little, Brown and Company, 1995.

Gudkov 2006 — Gudkov L. The Army as an Institutional Model // S. L. Webber, J. G. Mathers (eds.). *Military and Society in Post-Soviet Russia*. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 39–60.

Handelman 1995 — Handelman S. *Comrade Criminal: Russia's New Mafiya*. New Haven: Yale University Press, 1995.

Herspring 2005 — Herspring D. R. Dedovshchina in the Russian Army: The Problem That Won't Go Away // *Journal of Slavic Military Studies* 18. № 4 (2005). P. 607–629.

Herspring 2006a — Herspring D. R. Undermining Combat Readiness in the Russian Military, 1992–2005 // *Armed Forces and Society* 32. № 4 (2006). P. 513–531.

Herspring 2006b — Herspring D. R. The Kremlin and the High Command: Presidential Impact on the Russian Military from Gorbachev to Putin. Lawrence: University Press of Kansas, 2006.

Higate 2003 — Higate P. R. (ed.). *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport, CT: Praeger, 2003.

Hinterhuber 2001 — Between Neotraditionalism and New Resistance—Soldiers' Mothers of St. Petersburg // *Anthropology of East Europe Review* 19. № 1 (Spring 2001).

Holloway 1984 — Holloway D. War, Militarism, and the Soviet State // E. P. Hoffmann, R. F. Laird (eds.). *The Soviet Polity in the Modern Era*. New York: Aldine Publishing Company, 1984. P. 359–391.

Hooper 1998 — Hooper C. Masculinist Practices and Gender Politics: The Operation of Multiple Masculinities in International Relations // M. Zalewski, J. Parpart (eds.). *The “Man” Question in International Relations*. Boulder, CO: Westview Press, 1998. P. 28–53.

Hooper 2001 — Hooper C. *Manly States, International Relations, and Gender Politics*. New York: Columbia University Press, 2001.

Ilyina 2006 — Ilyina M. Critical Life Events and Downward Trajectories // Sarah Ashwin (ed.). *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behaviour*. New York: Routledge, 2006. P. 193–212.

Ipsa-Landa 2003 — Ipsa-Landa S. Russian Preferred Self-Image and the Two Chechen Wars // *Demokratizatsiya* 11. № 1 (Winter 2003). P. 305–319.

Isakova 2007 — Isakova I. The Russian Defense Reform // *China and Eurasia Forum Quarterly* 5. № 1 (2007). P. 75–82.

Issoupova 2000 — Issoupova O. From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia // S. Ashwin (ed.). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000. P. 30–54.

Jeffords 1989 — Jeffords S. *The Remasculinization of America: Gender and the Vietnam War*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Jones 1985 — Jones E. *Red Army and Society: A Sociology of the Soviet Military*. Boston: Allen and Unwin, 1985.

Jones 1990 — Jones E. Social Change and Civil-Military Relations // T. J. Colton, T. Gustafson (eds.). *Soldiers and the Soviet State: Civil-Military Relations from Brezhnev to Gorbachev*. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 239–284.

Kagarlitsky 2003 — Kagarlitsky B. Ethnic Problems and National Issues in Contemporary Russian Society // J. L. Twigg, K. Schecter (eds.). *Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2003. P. 55–73.

Karner 1998 — Karner T. X. *Engendering Violent Men: Oral Histories of Military Masculinity* // L. H. Bowker (ed.). *Masculinities and Violence*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. P. 197–232.

Kay 1999 — Kay R. *Russian Women and Their Organizations: Gender, Discrimination, and Grassroots Women's Organizations, 1991–96*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Key, Hill 2007 — Key J., Hill L. *The Deserter's Tale: The Story of an Ordinary Soldier Who Walked away from the War in Iraq*. Toronto: House of Anasi, 2007.

Kirschenbaum 2000 — Kirschenbaum L. A. 'Our City, Our Hearths, Our Families': Local Loyalties and Private Life in Soviet World War II Propaganda // *Slavic Review* 59. № 4 (Winter 2000). P. 825–847.

Klein 2003 — Klein U. *The Military and Masculinities in Israeli Society* // P. R. Higate (ed.). *Military Masculinities: Identity and the State*. London: Praeger, 2003. P. 191–200.

Knight, Narozhna 2005 — Knight W. A., Narozhna T. *Rape and Other War Crimes in Chechnya: Is There a Role for the International Criminal Court?* // *spacesofidentity* 5. № 1 (2005). P. 92–93.

Kreisky 1997 — Kreisky E. *Diskreter Maskulinismus: Über geschlechtsneutralen Schein politischer Idole, politischer Ideale und politischer Institutionen* // E. Kreisky, B. Sauer (eds.). *Das geheime Glossar der Politikwissenschaft: Geschlechtskritische Inspektion der Kategorien einer Disziplin*. Frankfurt am Main: Campus, 1997. P. 161–213.

Krylova 2004 — Krylova A. *Women Fighters in 1930s Stalinist Russia* // *Gender and History* 16. № 3 (November 2004). P. 626–653.

Kryshtanovskaya, White 2009 — Kryshtanovskaya O., White S. *The Sovietization of Russian Politics* // *Post-Soviet Affairs* 25. № 4 (2009). P. 283–309.

Kukhterin 2000 — Kukhterin S. *Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia* // S. Ashwin (ed.). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000. P. 71–89.

Kuklina 1996 — Kuklina I. *Acceptance Speech* // *Right Livelihood Award*. December 9, 1996.

Kwon 2000 — Kwon I. *A Feminist Exploration of Military Conscription: The Gendering of the Connections between Nationalism, Militarism and*

Citizenship in South Korea // *International Feminist Journal of Politics* 3. № 1 (April 2000). P. 26–54.

Lambeth 1996 — Lambeth B. S. *The Warrior Who Would Rule Russia: A Profile of Aleksandr Lebed*. Santa Monica, CA: RAND, 1996.

Lapidus 1993 — Lapidus G. W. *Gender and Restructuring: The Impact of Perestroika and Its Aftermath on Soviet Women* // V. M. Moghadam (ed.). *Democratic Reform and the Position of Women in Transitional Economies*. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 138–161.

Lapidus 1998 — Lapidus G. W. *Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya* // *International Security* 23. № 1 (1998). P. 5–49.

Lapidus 2002 — Lapidus G. W. *Putin's War on Terrorism: Lessons from Chechnya* // *Post-Soviet Affairs* 18. № 1 (2002). P. 41–48.

Laruelle 2009a — Laruelle M. *Introduction* // Laruelle (ed.). *Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia*. New York: Routledge, 2009. P. 1–10.

Laruelle 2009b — Laruelle M. *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Lebedev 2007 — Lebedev A. C. *The Test of Reality: Understanding Families' Tolerance regarding Mistreatment of Conscripts in the Russian Army* // F. Daucé, E. Sieca-Kozłowski (eds.). *Dedovshchina in the Post-Soviet Military: Hazing of Russian Army Conscripts in a Comparative Perspective*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007. P. 47–74.

Lentini 1996 — Lentini P. *Hegemonic Masculinities in Russia* // V. Tikhomirov (ed.). *In Search of Identity: Five Years since the Fall of the Soviet Union*. Melbourne: University of Melbourne Centre for Russian and Euro-Asian Studies, 1996. P. 157–169.

Levinson 2004 — Levinson A. G. *The Role of Gender in Russians' Attitudes toward the Second Chechen Campaign* // *Sociological Research* 43. № 2 (2004). P. 79–95.

Liborakina n.d. — Liborakina M. *Women Fight to Be Heard in Chechen Dialogue*. Undated manuscript.

Light 2007 — Light M. *Russia and the War on Terror* // C. Ankersen, M. O'Leary (eds.). *Understanding Global Terror*. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 95–110.

Litovkin 1996 — Litovkin V. *Draftees Name the War in Chechnya, Hazing and Bad Food as Their Reasons for Refusing to Serve* // *Izvestiia*. 1996. April 5. P. 1–2 / *Current Digest of Post-Soviet Press*. 1996. Vol. 48. № 15. P. 1–2.

Lokshin, Yemtsov 2008 — Lokshin M., Yemtsov R. *Who Bears the Cost of Russia's Military Draft?* // *Economics of Transition* 16. № 3 (2008). P. 359–387.

Mann 1987 — Mann M. The Roots and Contradictions of Modern Militarism // *New Left Review*. № I/162 (March-April 1987). P. 35–50.

Markwick 2002 — Markwick R. D. Stalinism at War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3. № 3 (Summer 2002). P. 509–520.

Marsch 1998 — Marsh R. Women in Contemporary Russia and the Former Soviet Union // R. Wilford, R. L. Miller, eds. *Women, Ethnicity and Nationalism: The Politics of Transition*. London: Routledge, 1998. P. 75–103.

Mathers 2000 — Mathers J. G. Women in the Russian Armed Forces: A Marriage of Convenience? // *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military* 18. № 3–4 (2000). P. 129–143.

Mathers 2006 — Mathers J. G. *Women, Society and the Military: Women Soldiers in Post-Soviet Russia* // S. L. Webber, J. G. Mathers (eds.). *Military and Society in Post-Soviet Russia*. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 207–227.

Matloff 1999 — Matloff J. Russia's Army Faces Battle within Its Ranks // *Christian Science Monitor*, February 1, 1999.

Matloff 2000 — Russia's Powerhouses of Dissent: Mothers. The Soldiers' Mothers Committee Takes on the Military in Ways Others Can't // *Christian Science Monitor*, February 24, 2000.

Matthews 1984 — Matthews J. J. *Good and Mad Women: The Historical Construction of Femininity in Twentieth-Century Australia*. Sydney: George Allen and Unwin, 1984.

Mendelson 1998 — Mendelson S. E. *Changing Course: Ideas, Politics, and the Soviet Withdrawal from Afghanistan*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Meshcherkina 2000 — Meshcherkina E. New Russian Men: Masculinity Regained? // S. Ashwin (ed.). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge, 2000. P. 105–117.

Mickiewicz 1999 — Mickiewicz E. *Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia*, 2nd ed. Durham, NC: Duke University Press, 1999.

Moon 2005 — Moon S. Trouble with Conscription, Entertaining Soldiers: Popular Culture and the Politics of Militarized Masculinity in South Korea // *Men and Masculinities* 8. № 1 (July 2005). P. 64–92.

Morgan 1994 — Morgan D. H. J. *Theater of War: Combat, the Military, and Masculinities* // H. Brod, M. Kaufman (eds.). *Theorizing Masculinities*. London: Sage, 1994. P. 165–182.

Nagel 2004 — Nagel J. *Masculinities and Nation* // M. S. Kimmel, J. Hearn, R. W. Connell (eds.). *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. P. 397–413.

Niva 1998 — Niva S. *Tough and Tender: New World Order Masculinity and the Gulf War* // M. Zalewski, J. Parpart (eds.). *The “Man” Question in International Relations*. Boulder, CO: Westview Press, 1998. P. 109–125.

Nivat 2005 — Nivat A. *The Black Widows: Chechen Women Join the Fight for Independence—and Allah* // *Studies in Conflict and Terrorism* 28. № 5 (2005). P. 413–419.

O’Brian, Jefferies 1982 — O’Brien M., Jefferies C. *Women and the Soviet Military* // *Air University Review* 33. № 2 (January-February 1982). P. 76–85.

Oushakine 2009 — Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.

Pain 2005 — Pain E. *The Chechen War in the Context of Contemporary Russian Politics* // R. Sakwa (ed.). *Chechnya: From Past to Future*. London: Anthem Press, 2005. P. 67–78.

Pennington 1996 — Pennington R. ‘Do Not Speak of the Services You Rendered’: Women Veterans of Aviation in the Soviet Union // *Journal of Slavic Military Studies* 9. № 1 (March 1996). P. 120–151.

Peterson 1992 — Peterson V. S. *Security and Sovereign States: What Is at Stake in Taking Feminism Seriously?* // S. V. Peterson (ed.). *Gendered States: Feminist (Re) Visions of International Relations Theory*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1992. P. 31–64.

Petrone 2002 — Petrone K. *Masculinity and Heroism in Imperial and Soviet Military-Patriotic Cultures* // B. E. Clements, R. Friedman, D. Healey (eds.). *Russian Masculinities in History and Culture*. Houndsmills: Palgrave, 2002. P. 172–193.

Pickel et al. 2002 — Pickel A., Bönker F., Müller K. (eds.). *Postcommunist Transformation and the Social Sciences: Cross-Disciplinary Approaches*. Boulder, CO: Rowman and Littlefield, 2002.

Pinnick 1997 — Pinnick K. *When the Fighting Is Over: The Soldiers’ Mothers and the Afghan Madonnas* // M. Buckley (ed.). *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 143–156.

Pohl 2007 — Pohl M. *Anna Politkovskaya and Ramzan Kadyrov: Exposing the Kadyrov Syndrome* // *Problems of Post-Communism* 54. № 5 (September/October 2007). P. 30–39.

Politkovskaya 2001 — Politkovskaya A. *A Dirty War: A Russian Reporter in Chechnya*. London: Harvill Press, 2001.

Poroskov 2004 — Poroskov N. *Call to Arms Barely Heard: Young Men in Russia Are Now Trying to Even Evade Alternative Service* // *Vremia novostei*.

October 1, 2004. P. 4 / Current Digest of the Post-Soviet Press 56. № 40 (November 3, 2004). P. 16.

Posadskaya 1994 — Posadskaya A. (ed.). *Women in Russia: A New Era in Russian Feminism*. London: Verso, 1994.

Potts, Hayden 2008 — Potts M., Hayden T. *Sex and War: How Biology Explains Warfare and Terrorism and Offers a Path to a Safer World*. Dallas, TX: Benbella Books, 2008.

Racioppi, See 1997 — Racioppi L., See K. O. *Women's Activism in Contemporary Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1997.

Rakowska-Harmstone 1990 — Rakowska-Harmstone T. *Nationalities and the Soviet Military* // L. Hajda, M. Beissinger (eds.). *The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society*. Boulder, CO: Westview Press, 1990. P. 72–94.

Reese 2000 — Reese R. R. *The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991*. London: Routledge, 2000.

Regamey 2008 — Regamey A. *L'Opinion Public Russe et l'Affair Boudanov* // *Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. № 8 (2008).

Renz 2006 — Renz B. *Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics* // *Europe-Asia Studies* 58. № 6 (2006). P. 903–924.

Reuveny, Prakash 1999 — Reuveny R., Prakash A. *The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union* // *Review of International Studies* 25. № 4 (1999). P. 693–708.

Riabov, Riabova n.d. — Riabova T, Riabov O. 'U nas seksa net': Gender, Identity and Anti-Communist Discourses in Russia. Undated manuscript.

Rivkin-Fish 2003 — Rivkin-Fish M. *Anthropology, Demography, and the Search for a Critical Analysis of Fertility: Insights from Russia* // *American Anthropologist* 105. № 2 (2003). P. 289–301.

Roget 1995 — Roget O. *Eyewitness: Grozny under Siege. The Unheated City Is Short of Food and Medical Supplies* // *Segodnia*. 1995. December 24. P. 3 / *Current Digest of the Post-Soviet Press*. 1995. January 18. Vol. 46. № 51. P. 8–9.

Rousseva 2004 — Rousseva V. *Rape and Sexual Assault in Chechnya* // *Culture, Society and Praxis* 3. № 1 (November 2004).

Russell 2002 — Russell J. *Mujahedeen, Mafia, Madmen: Russian Perceptions of Chechens during the War in Chechnya, 1994–1996 and 1999–2001* // *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 18. № 1 (2002). P. 73–96.

Sakaida, Hook 2003 — Sakaida H., Hook C. *Heroines of the Soviet Union, 1941–45*. Oxford: Osprey Publishing, 2003.

Sakwa 2008 — Sakwa R. *Russian Politics and Society*, 4th ed. London: Routledge, 2008.

Sanborn 2003 — Sanborn J. A. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

Sapper 1994 — Sapper M. *Auswirkungen des Afghanistan-Krieges auf die Sowjetgesellschaft: Eine Studie zum Legitimitätsverlust des Militärischen in der Perestrojka*. Münster: LIT, 1994.

Sarin, Dvoretzky 1992 — Sarin O. L., Dvoretzky L. *The Afghan Syndrome: The Soviet Union's Vietnam*. Novato, CA: Presidio, 1993.

Sasson-Levy 2003 — Sasson-Levy O. *Military, Masculinity, and Citizenship: Tensions and Contradictions in the Experience of Blue-Collar Soldiers // Identities: Global Studies in Culture and Power*. № 10 (2003). P. 319–345.

Seager 2009 — Seager J. *The Penguin Atlas of Women in the World*, 4th ed. New York: Penguin Books, 2009.

Seely 2001 — Seely R. *Russo-Chechen Conflict, 1800–2000: A Deadly Embrace*. London: Frank Cass, 2001.

Service 1997 — Service R. *A History of Twentieth-Century Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

Sharoni 2008 — Sharoni S. *De-Militarizing Masculinities in the Age of Empire // Austrian Political Science Journal* 37. № 2 (2008). P. 147–164.

Shaw 1991 — Shaw M. *Post-Military Society: Militarism, Demilitarization and War at the End of the Twentieth Century*. Cambridge: Polity Press, 1991.

Shenfield 2001 — Shenfield S. D. *Chechnya at a Turning Point // Brown Journal of World Affairs* 8. № 1 (Winter-Spring 2001). P. 63–69.

Shlapentokh 2006 — Shlapentokh V. *Trust in Public Institutions in Russia: The Lowest in the World // Johnson's Russia List*. № 9186 (June 27, 2005).

Shreeves 1990 — Shreeves R. *Mothers against the Draft: Women's Activism in the USSR // RFE/RL Report on the USSR*. № 38 (1990). P. 6.

Shvedova 2009 — Shvedova N. *Gender Politics in Russia // L. Racioppi, K. O. See (eds.). Gender Politics in Post-Communist Eurasia*. East Lansing: Michigan State University Press, 2009. P. 147–167.

Shevtsova 1999 — Shevtsova L. *Yeltsin's Russia: Myths and Reality*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.

Shevtsova 2003 — Shevtsova L. *Putin's Russia*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2003.

Sieca-Kozłowski 2010 — Sieca-Kozłowski E. *Russian Military Patriotic Education: A Control Tool against the Arbitrariness of Veterans // Nationalities Papers* 38. № 1 (January 2010). P. 73–85.

Sil, Chen 2004 — Sil R., Chen C. State Legitimacy and the (In)significance of Democracy in Post-Communist Russia // *Europe-Asia Studies* 56. № 3 (2004). P. 347–368.

Simonsen 2000 — Simonsen S. G. Putin's Leadership Style: Ethnocentric Patriotism // *Security Dialogue* 31. № 3 (2000). P. 377–380.

Sivaeva 2000 — Sivaeva T. Women NGOs and the War in Chechnya // Paper prepared for the Global Network for Women's Advocacy and Civil Society, 2000. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/sit03/sit03.pdf> (дата обращения 11.04.2022).

Sjoberg, Gentry 2007 — Sjoberg L., Gentry C. Mothers, Monsters, Whores: Women's Violence in Global Politics. London: Zed Books, 2007.

Salmenniemi 2008 — Salmenniemi S. Democratization and Gender in Contemporary Russia. London: Routledge, 2008.

Sapper 1997 — Sapper M. Diffuse Militanz in Rußland: Ein Erbe des militarisierten Sozialismus? // *Berliner Debatte* Initial 8. № 6 (1997). P. 93–107.

Smirnov 2007 — Smirnov A. From Military Butcher to Political Loser: A Portrait of General Shamanov // *North Caucasus Analysis* 8. 3 14 (April 5, 2007).

Soldner 1999 — Soldner M. Rußlands Čečnja-Politik seit 1993: Der Weg in den Krieg vor dem Hintergrund innenpolitischer Machtverschiebungen. Hamburg: LIT, 1999.

Sperling 1999 — Sperling V. Organizing Women in Contemporary Russia: Engendering Transition. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Sperling 2002 — Sperling V. The Gender Gap in Russian Politics and Elections // *PONARS Policy Memo*. № 259 (October 2002).

Sperling 2003 — Sperling V. The Last Refuge of a Scoundrel: Patriotism, Militarism and the National Idea // *Nations and Nationalism* 9. № 2 (2003). P. 235–253.

Sperling 2009 — Sperling V. Making the Public Patriotic: Militarism and Anti-Militarism in Russia // M. Laruelle (ed.). *Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia*. New York: Routledge, 2009. P. 218–271.

Spivak, Pridemore 2004 — Spivak A., Pridemore W. A. Conscription and Reform in the Russian Army // *Problems of Post-Communism* 51. № 6 (2004). P. 33–43.

Stiehm 1982 — Stiehm J. The Protected, the Protector, the Defender // *Women's Studies International Forum* 5. 1982. Vol. 3–4.

Sturdee 2007 — Sturdee N. Chechen Syndrome // *Aljazeera* documentary. 2007.

Sue et al. 1996 — Sue B., Ra K., Pinnick K. No More Heroines?: Russia, Women and the Market. London: Routledge, 1996.

Sundstrom 2006 — Sundstrom L. M. Funding Civil Society: Foreign Assistance and NGO Development in Russia. Stanford: Stanford University Press, 2006.

Sundstrom 2006b — Sundstrom L. M. Soldiers' Rights Groups in Russia // Soldiers' Rights Groups in Russia: Civil Society through Russian and Western Eyes / ed. by A. B. Evans, L. A. Henry Jr., L. Mc. Sundstro. London: M. E. Sharpe, 2006. P. 178–196.

Tëmkina, Zdravomyslova 2001 — Tëmkina A. D., Zdravomyslova E. Die Krise der Männlichkeit im Alltagsdiskurs: Wandel der Geschlechterordnung in Rußland // Berliner Debatte Initial. 2001. Vol. 12. № 4.

Thomas, O'Hara 2000 — Thomas T. L., O'Hara Ch. P. Combat Stress in Chechnya: The Equal Opportunity Disorder // U.S. Army Medical Department Journal. 2000. Vol. 49. P. 46–59.

Tickner 1992 — Tickner J. A. Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving Global Security. New York: Columbia University Press, 1992.

Tishkov 2004 — Tishkov V. Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkeley: University of California Press, 2004.

Tkachuk 2005 — Tkachuk S. Voiui ne spesha // Novye izvestiia, July 8, 2005. P. 2.

Trenin et al. 2004 — Trenin D., Malashenko A., Lieven A. Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia. Washington, DC: Carnegie Endowment, 2004.

True 1996 — True J. Feminism // Theories of International Relations / ed. by S. Burchill, A. Linklater. New York: Macmillan, 1996. P. 225–236.

True 2003 — True J. Gender, Globalization, and Postsocialism: The Czech Republic after Communism. New York: Columbia University Press, 2003.

Tumarkin 1994 — Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994.

Tumarkin 2003 — Tumarkin N. The Great Patriotic War as Myth and Memory // European Review. 2003. Vol. 11. № 4. P. 598–599.

Uzzell 2005 — Uzzell L. A. Hero of Russia... // Jamestown Foundation's Chechnya Weekly 6. № 1. January 5, 2005. P. 1.

Vakhnina 2002 — Vakhnina L. 'Zashchitit' synovei: Ob organizatsii soldatskikh materei // Informatsionnyi biulleten' pravleniia obshchestva "Memo-rial". № 25 (May 2002).

Vallance 2000 — Vallance B. Russia's Mothers: Voices of Change // *Mi-nerva: Quarterly Report on Women and the Military* 18. № 3–4 (2000). P. 109–128.

Van Bladel 2003 — Van Bladel J. Russian Soldiers in the Barracks: A Portrait of a Subculture // A. Aldis, R. N. McDermott (eds.). *Russian Military Reform, 1992–2002*. Portland, OR: Frank Cass, 2003.

Van Bladel 2004 — Van Bladel J. The All-Volunteer Force in the Russian Mirror: Transformation without Change. Ph.D. diss. (Proefschrift). Rijksuni-versiteit Groningen, June 2004.

Vanderheeren 2002 — Vanderheeren H. Methods of 'The Soldiers' Mothers of St. Petersburg' in Conflict Resolution. August 2002 — January 2003. URL: www.soldiersmothers.ru/pages/english/books.htm (в настоящее время ресурс недоступен).

Wagensohn 2000 — Wagensohn T. Krieg in Tschetschenien // *Aktuelle Analysen*. № 18. München: Hans-Seidel-Stiftung, 2000.

Wagner 2000 — Wagner C. Rußlands Kriege in Tschetschenien: Politische Transformation Und Militärische Gewalt. Münster: LIT, 2000.

Ware 2005 — Ware R. B. Revisiting Russia's Apartment Block Bombs // *Journal of Slavic Military Studies*. 2005. Vol. 18. № 4. P. 599–606.

Webber, Zilberman 2006 — Webber S. L., Zilberman A. The Citizenship Dimension of the Society-Military Interface // *Military and Society in Post-Soviet Russia* / ed. by S. L. Webber, J. G. Mathers. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 159–206.

Weir 2002 — Weir F. In Russia, an Army of Desertion // *Christian Science Monitor*. September 30, 2002.

Wengle, Rasell 2008 — Wengle S., Rasell M. The Monetisation of I'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. № 5. P. 739–756.

White 2000 — White A. New Mothers' Campaigning Organizations in Russia // *Feminisms and Women's Movements in Contemporary Europe* / ed. by C. A. Bull, H. Diamond, R. J. Marsh. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 159–206.

Whitworth 2004 — Whitworth S. Men, Militarism and UN Peacekeeping: A Gendered Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2004.

Young 2003 — Young I. M. The Logic of Masculinist Protection: Reflections on the Current Security State // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2003. Vol. 29. № 1.

Yuval-Davis 1997 — Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: Sage Publications, 1997.

Zalewski, Parpart 1998 — Zalewski M., Parpart J. The “Man” Question in International Relations. Boulder, CO: Westview Press, 1998.

Zalewski, Parpart 2008 — Zalewski M., Parpart J. Rethinking the Man Question: Sex, Gender and Violence in International Relations. London: Zed Books, 2008.

Zarakhovich 2003 — Zarakhovich Y. Chechnya’s Walking Wounded // Time Europe. September 28, 2003.

Zawilski 2006 — Zawilski V. Saving Russia’s Sons: The Soldiers’ Mothers and the Russian-Chechen War // Military and Society in Post-Soviet Russia / ed. by S. L. Webber, J. G. Mathers. Manchester: Manchester University Press, 2006. P. 228–240.

Zdravomyslova 1999 — Zdravomyslova E. Peaceful Initiatives: The Soldiers’ Mothers Movement in Russia // Towards a Women’s Agenda for a Culture of Peace / ed. by I. Breines, D. Gierycz, B. Reardon. Geneva: UNESCO Publishing, 1999. P. 165–180.

Zdravomyslova 2007 — Zdravomyslova E. Soldiers’ Mothers Fighting the Military Patriarchy: Re-Invention of Responsible Activist Motherhood for Human Rights’ Struggle // Gender Orders Unbound: Globalisation, Restructuring and Reciprocity / ed. by I. Lenz, Ch. Ullrich, B. Fersch. Opladen: Barbara Budrich, 2007. P. 207–227.

Zuckerman 1992 — Zuckerman F. S. To Justify a Nation: Inter-War Soviet Nationalism // History of European Ideas. 1992. Vol. 15. № 1–3.

Zurcher 2007 — Zurcher Ch. The Post-Soviet Wars: Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. New York: NYU Press, 2007.

Предметно-именной указатель

- 40-я общевойсковая армия
(СССР) 53
- 81-й мотострелковый полк
(Россия) 224
- Аахенская премия мира 157
- Австралия 128
- Австрия 229
- агрессивность
- Азербайджан 47
- активизм 13, 154, 156, 161; см.
также антивоенные протесты;
группы солдатских матерей
агрессивность злоупотребле-
ние алкоголем
- СПСР и КМСР 154
- материнство и А. 156, 161
- группы солдатских матерей
(Советский Союз) 13
- женский 161
- активизм против обязательного
призыва 170; см. Антивоенная
Радикальная Ассоциация;
группы солдатских матерей
- Александр II 38
- Алексеев Михаил А. 76, 82
- Алханов Алу 95
- Алхан-Юрт, резня в 94, 199
- Амандин Регамей 197, 200
- аналитический центр Юрия
Левады 109; см. также Левада-
Центр
- Андропов Юрий Владимиро-
вич 54
- антивоенные протесты 58, 150;
см. также группы солдатских
матерей
- Марш матерей за жизнь
и сострадание 155
- женщины и П. 150
- антимилитаризм 236, 237
- Антимилитаристская Радикаль-
ная Ассоциация (АРА) 163
- антитеррористическая кампания
215; см. также контртерро-
ризм; терроризм
- антитеррористическая кампа-
ния, Путина. см. также
контртерроризм; терроризм
- Антифашистский Комитет
Советских Женщин 39, 41
- Аргентина 229
- «афганки», женщины-ветераны
Афганской войны 58
- «афганцы», мужчины-ветераны
Афганской войны 26, 57, 58

- Афганская война 11, 26, 28, 32, 52–59, 62, 63, 79, 80, 146, 185, 191, 192, 210, 213, 215, 218, 221; см. Советско-Афганская война
- Бабичев Иван Ильич 79
- Бабченко Аркадий 132, 133, 190, 192, 208, 211
- Баев Павел 93
- Байсаев Усам 199
- Баланс Вооруженных Сил, выпуск Международного Института Стратегических Исследований The Military Balance 107
- Банников Константин 122
- Барани Золтан 82
- Барыльский Роберт 80, 81
- Басаев Шамиль 69, 70, 84, 97
- Баскаев Аркадий Георгиевич, генерал–полковник 199
- беженцы, российско-чеченских войн 94, 130, 131
беззаконие 74, 76
Ельцин и Б. 74
- безопасность 16, 17, 23, 75, 82, 83, 87, 100, 102, 125, 127, 132, 162, 164, 203, 211, 230, 231, 234, 236
ельцинский дискурс 75, 87
- Бетц Давид мл. 67
- Бикфорд Эндрю 43
- биологическое воспроизводство 44
- боевая готовность 19, 20, 54, 56, 86, 113, 127, 130, 132, 133, 137, 141, 145, 188, 191, 233
- Боевое Братство 78, 218
- боевое напряжение 206. см. посттравматическое стрессовое расстройство
- боевой дух 80, 166, 190, 223, 225, 226
военизированной мужественности 166
солдат 80, 166, 190, 223, 225, 226
- боевые действия 9, 10, 12, 39, 40, 42, 56, 59, 69, 70, 80, 82, 111, 127, 129, 133, 134, 136–138, 151, 153, 155, 157, 158, 174, 175, 183, 186–188, 191, 193, 199–201, 204–208, 211–213, 215, 216, 222, 226
- большевики 34
- Большевистская революция 33, 35
- Боренштайн Элиот 98
- Бразилия 229
- Браун Сара 116
- Брежнев Леонид Ильич 31, 36, 37, 53, 54
- Бреслауэр Джордж 72
Горбачев и Ельцин как лидеры 72
- Буданов Юрий Дмитриевич 197–203, 214, 225, 237
- Буйнакск, взрывы в 84
- Буравой Майкл 21
- Ван Бладель Йорис 113, 114
- Вахнина Людмила 107, 146, 153, 154, 156
- Веббер Стивен Л. 138
- Великая Отечественная война (Вторая мировая война) 31, 33, 35, 36, 39, 51, 62, 140, 183, 215, 221, 237
- Венгрия 55, 229
- Вердери Кэтрин 21

- ветеранская организация (Самара) 176, 179, 184, 217, 218
- ветераны войны 26, 27, 29, 31, 36, 37, 54, 55, 57, 58, 78, 93, 165, 176, 177, 179, 181–227, 235–237. см. также боевое братство;
- ветераны Российско-Чеченской войны
- ветераны Великой Отечественной войны 31, 183, 215, 221
- ветераны Афганской войны 26, 55, 57, 58, 185, 213, 215, 218
- ветераны Российско-чеченских войн 182–227
- чеченский синдром 90, 204–214, 221, 223,
- ветераны войны в Ираке 237
- ветераны Вьетнамской войны 58, 196, 208, 237
- взрывы террористов-смертников 70, 84, 86, 87, 89, 95
- взятие заложников в Беслане 70, 96
- взятие заложников в Буденновске 69, 97
- военизированная гражданственность 139, 221235
- военизированная мужественность 20, 25, 28–30, 63–145, 150, 154, 167, 170, 181, 183, 188, 194, 216, 228–237; см. также гражданин-солдат; военная служба; воины
- военизированные гендерные роли 11, 15, 18, 21, 29, 32, 40, 43, 63, 146, 148, 150, 171, 173, 232; см. также военизированная мужественность; военная служба
- военный патриотизм 12, 13, 78, 85, 87, 88, 90–92, 97, 101, 139, 150, 164, 173–175, 220, 222, 226, 229; см. также патриотизм
- Вторая чеченская война (1999–2009 гг.) 84–99
- Первая чеченская война (1994–1996) 72–78
- группы самарских солдатских матерей 9, 26, 28, 29, 119, 147, 148, 163–180, 209–211, 216–218
- группы солдатских матерей 10, 13, 25, 26, 28, 29, 59, 119, 147, 148, 151, 152, 164, 176, 179, 184, 216, 233
- военные: привилегии 18, 36, 37, 48, 57, 121, 122, 215, 219; см. также мужественность; ветераны войны; воины
- военная логика Советского Союза 33, 38
- военная подготовка 36, 42, 51, 67, 168, 185, 190, 194
- военная служба 7, 9–12, 14, 19, 20, 27, 30–32, 38–43, 48–53, 56–59, 63, 81–83, 100, 101, 103–106, 108, 109, 112, 113, 116–119, 123–129, 133–135, 138–146, 149, 151, 152, 154, 161, 166–171, 173, 179–181, 184–187, 193, 196, 217, 220, 221, 224, 228–237
- военное дело 20, 40, 48, 55–58, 61, 84, 127, 129, 145, 162, 169, 181, 221, 231
- военное образование 42, 43; см. образование

- военное руководство 13, 55, 67, 78, 88, 90, 91, 101, 142, 153, 198, 220, 237; см. также российские генералы
- военнопленные 155
- военнослужащие 12, 26, 27, 29, 33, 39, 56, 57, 59, 82, 107, 110, 111, 119, 128, 129, 132, 147, 154, 164–171, 173–176, 178, 180, 183, 184, 188–190, 192–194, 196, 199, 202–205, 209, 211, 213, 217–220, 222, 223, 225, 226, 229, 235
- военные добровольцы 38, 41, 82, 104, 126–129, 132, 136, 137, 212, 230; см. также добровольческая армия; контрактники
- военные преступления 94, 201, 203, 214, 223–225
- военные расходы 110
- военные чиновники 113, 164, 175
- военный профессионализм 64, 65, 81, 82, 91–93, 102, 114, 126, 133, 136, 152, 169, 170, 186, 190, 218, 233, 235; см. также добровольческая армия; контрактники; военные добровольцы
- Война в Персидском заливе 131, 231
- война с терроризмом 25, 70, 160, 182, 194, 201; см. контртерроризм; терроризм
- война 8, *passim*; см. также Великая Отечественная война; Советско-Афганская война; Российско-Чеченские войны
- воинская повинность 11, 12, 20, 26, 29, 32, 34, 38, 41, 82, 91, 101–109, 129–137, 144, 167, 170, 179, 231, 234; см. также гражданин-солдат; дедовщина; военная служба
- воины 15, 18, 29, 30, 66, 73, 76, 77, 148, 149, 182–184, 188–197, 203–221, 223, 225, 226, 233; см. также военизированную мужественность свирепые 193–196 хрупкие 204–214 как патриоты 73, 77 непризнанные 214–220; подневольные 188–193
- Волгодонск, взрывы в 84
- Вооруженные силы РФ 23, 61, 67, 68, 78, 79, 88, 91, 93, 104, 106–116, 119, 124, 126, 127, 129, 131, 138, 141, 143, 144, 152, 155, 179, 181, 183, 186, 188, 198, 199, 202, 225, 229, 230, 233; см. также воинская повинность; уклонение от призыва; военная служба личный состав 79 реформа 32, 33, 38, 126, 144, 152, 235 социальный состав 122
- Вооруженные Силы СССР 10–12, 32–38, 41, 43, 52, 55, 57, 58, 62
- Воробьев Эдуард Аркадьевич 78
- воспроизводство 12, 16, 29, 42, 44, 146–181, 194, 222
- враги, конструирование 18, 66, 75, 86–88, 191, 192, 194, 197, 203, 225
- Всесоюзный/Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 109
- Вторая мировая война 41, 140

- ВЦИОМ 57, 76, 109, 200
 ВЦИОМ-А 109
 выборы 68, 81–84, 85, 95, 96, 102;
 см. президентские выборы
 Вьетнамская война (США) 56,
 182, 196
- Гаити, вмешательство США 73
 Галеотти Марк 54, 57, 58, 215
 Гапова Елена 49
 геи 17, 18, 124
 гендерная милитаризация, ее
 глобальная политика 8, 11, 13,
 18, 43, 56, 148, 150, 229–232
 гендерное равенство 39, 43,
 161, 230
 гендерные властные отношения
 15, 16
 гендерные отношения 16–18, 20,
 27, 32, 129; см. также гендер-
 ные роли, женственность/
 женственности; гендерный
 порядок; мужественность/
 мужественности; милитаризи-
 ванная мужественность;
 материнство
 гендерный порядок 16, 17, 28, 42,
 43, 46, 49, 52, 56, 127, 128, 174,
 230, 232
 генералы: «кризис генералов» 51,
 64, 65, 78–80, 84, 90, 93, 94, 98,
 101, 102, 108, 111, 167, 189, 190,
 198, 199
 Герман Трейси К. 24
 Германская Демократическая Рес-
 публика, милитаризация в 43
 героизм 31, 32, 36, 40, 58, 81, 91,
 93, 101, 102, 194, 202, 234; см.
 также героический воин
- герои-патриоты 184, 220, 222, 226
Герой России, высшее звание РФ
 80, 93, 95, 101
Герои Советского Союза, высшее
 звание СССР 40
 гласность 11, 28, 54, 55, 58, 59, 62
 глобальная политика гендерно-
 обусловленной милитариза-
 ции 229–231
 Голдштейн Джошуа 188
 Гольц Александр Михайлович
 33, 96
 Гомарт Томас 91, 100
 Горбачев Михаил Сергеевич 11,
 28, 32, 52, 54, 61, 87, 146
 государственная легитимность 8
 государственная политика 12, 14,
 19, 20, 29, 30, 44, 45, 48, 52, 183,
 217, 226
 государственное строительство
 33, 72
 государственные структуры,
 военный порядок в 138, 211
 Гофман Ирвинг 113
 граждане 11, 12, 15, 29–31, 35, 36,
 39, 41, 48, 53, 54, 56, 57, 74, 75,
 77, 81, 85, 87, 89, 96, 97, 105,
 109, 118, 130, 131, 138, 139, 142,
 143, 153, 155, 157, 183, 192–195,
 224, 225, 228, 231, 233–237
 гражданин-солдат 34, 103, 129,
 139, 234
 Гражданская война (1918–1921)
 33, 34, 38
 гражданственность 50, 51, 105,
 125, 129, 139, 145, 179, 221, 228,
 230, 235
 Грачев Павел Сергеевич, генерал
 армии 78, 80, 90

- Гребенников Андрей 212
- Грозный, город 69, 70, 77, 79, 94, 95, 105, 130, 131, 133, 189, 197, 199, 200
- Громов Борис Всеволодович, генерал–полковник 78, 79, 218
- группы гражданского общества 157; см. группы солдатских матерей
- группы солдатских матерей 10, 13, 25, 26, 28, 29, 59, 147, 148, 151, 152, 164, 176, 179, 184, 216, 233
- группа московских солдатских матерей 25, 29, 147, 148, 179, 233; см. Комитет солдатских матерей России
- группа солдатских матерей в Санкт-Петербурге 25, 29, 147, 148, 179, 233; см. Солдатские матери Санкт-Петербурга
- Гудков Лев 35
- гуманитарная помощь 155, 176
- Дагестан 69, 70, 84
- движение ветеранов 26, 37, 218
- Дворецкий Лев 55
- дедовщина 10–12, 33, 57–60, 63, 109–116, 118, 132, 142, 144, 146, 151, 166–168, 186, 232
- деды 110, 112, 115, 132
- дезертирство 33, 34, 39, 103, 104, 111, 133, 134, 144
- делать козлом отпущения* 75
- демилитаризация 14, 33, 34, 63, 144, 149, 179, 232
- демография 32, 41, 45–47, 49, 51, 52, 108
- демократизация 22
- демократия 21, 22, 81, 88, 128, 234
- Демос-Центр 187, 208, 209
- День Победы 36
- депортация 24
- держава 36, 56, 62, 72, 89
- Дериглазова Лариса 110, 159
- Десятилетие женщины Организации Объединенных Наций 60
- дети 16, 39, 44–49, 94, 133, 148, 161, 162, 167, 170–172, 174, 175, 177, 218–221, 224
- дефицит 109, 113, 127
- Джонс Эллен 41, 50
- добровольцы 38, 41, 82, 104, 126–129, 132, 136, 137, 194, 212, 230
- долг граждан мужского пола (военная служба) 20, 41, 53, 59, 81, 125, 169, 181, 234
- доминирующая мужественность 20, 210
- доход 22, 45, 169
- Дудаев Джохар 68, 69, 74, 75, 77, 80
- Дума 68, 72, 89, 100, 106, 158, 165
- Егорычев Николай Григорьевич 31
- Егоров Иван 205, 214
- Единая народная партия солдатских матерей 158
- Единая Россия*, партия 97, 199
- Ельцин Борис Николаевич 22, 64–70, 72–77, 79–85, 87, 89–93, 97, 98, 101, 107, 134, 226
- Емцов Руслан 122

- Женевские конвенции 193, 201
женские правозащитные группы
150, 159, 202
женское движение 40, 129
женственность/женственности
15–18, 27, 32, 33, 40, 43, 44, 46,
52, 53, 62, 86, 114, 127, 128, 147,
149, 150, 161–163, 175, 188, 204
женщины 7–9, 15–20, 25–27, 30,
32, 35, 39–49, 52, 56, 58–60, 63,
65, 74, 79, 86, 94–96, 99–101,
104, 115, 119–121, 125–129,
145–150, 154, 155, 158, 160–164,
166, 170–172, 174, 177, 180, 183,
186–188, 201–203, 208, 209, 219,
221, 228–230
в СССР 41–44
женщины-военные 39, 128, 229
жены 48, 149, 208, 218, 219, 229
жертвы 19, 31, 35, 52, 53, 57, 71,
87, 97, 114, 131, 149, 151, 153,
176, 177, 198, 201, 224; см.
также пострадавшие.
- Закон о воинской обязанности
и военной службе*, в редакции
1998 года 39, 105, 125
зарплаты, военным офицерам 82,
111, 112, 126, 137, 235; см.
также доход
захват заложников 69, 70, 96, 97
захват заложников в Театре на
Дубровке 70
захват заложников в школе №1,
город Беслан 70, 96
защитник, роль мужчины 18, 48,
75, 76, 87, 147, 148, 165, 166,
170, 172, 173, 175, 180, 186,
221, 222
- Здравомыслова Елена 151, 153,
155, 156, 160, 161
землячество 58
Зильберман Алина 138
злоупотребление алкоголем 118,
124, 204, 206, 208
злоупотребление наркотиками
124, 204, 208
Зольднер Маркус 24
зрелость 19, 60, 115; см. также
мужественность/мужествен-
ности; военизированная
мужественность
Зюганов Геннадий Андреевич 82,
83, 85
- Иванов Сергей Борисович 134,
159, 167
идентичность 12, 15, 17, 19, 20,
36, 38, 48, 50, 51, 75, 104, 120,
140, 160–162, 183, 225, 228, 233
идеология 13, 14, 16, 17, 30, 33, 34,
37, 40, 55, 91, 100, 115, 146, 153,
162–166, 172, 183, 202, 234
гендерная 40, 100, 162, 166, 234
милитаризм 13
издательства 10, 57, 110, 115,
116, 124, 196; см. также
дедовщина.
изнасилование 72, 149, 197, 201–203
Израиль 229
Ильина Марина 118
империализм российский 23
Имперская Россия 38
ингуши, депортация 24
индивидуализм 121, 141, 144
индустриализация 34
интернациональный долг 53
Ипса-Ланда Симоне 75

- ислам 47, 53, 96; см. также
 Мусульмане
- исламские фундаменталисты 86
- Исламское Государство Даге-
 стан 84
- Италия 229
- Кадыров Ахмат Абдулхамидович
 95, 102
- Кадыров Рамзан Ахматович 95,
 96, 102
- кадыровцы 72,
- Казанцев Виктор Германович,
 генерал армии 93, 94
- Казахстан 47
- Кайацца Эми 134, 161
- Канада 128, 229
- капитализм 13, 21, 36, 88, 97,
 144, 235
- Карнер Ксавия 204
- карьера 117, 127, 144
- Квашнин Анатолий Васильевич,
 генерал армии 93, 199
- КГБ 65
- Кей Ребекка 117
- Киргизия 47
- Кизляр, Дагестан 69
- класс 9, 18, 22, 29, 38, 39, 57, 104,
 116, 120–125, 133, 232
- Кляйн Ута 229
- «Кока-Кола», завод в Самаре 111
- Колтон Тимоти Мл. 41
- Комитет советских женщин 41
- Комитет солдатских матерей 9,
 59, 61, 134, 150, 156–158, 163,
 165–167, 178
- коммунизм 31, 44, 48, 49, 81; см.
 также Коммунистическая
 партия Советского Союза,
- Кондратьев Георгий Григорьевич,
 генерал-полковник 79
- Коннелл Рэйвин 16–18
- конституционный референдум
 (Чеченской Республики,
 2003) 95
- Конституция Российской
 Федерации в редакции 1993
 года 74, 105, 106
- Конституция СССР в редакции
 1977 года 41
- контрактная служба 136
- контрактники 11, 104, 126, 134,
 136, 137, 143, 144, 216; см.
 добровольцы
- коррупция 73, 74, 113, 136
- Котлярова В. 215
- Красная Армия 31, 36, 38, 39
- Кремль 80, 95, 97
- Крылова Анна 39
- КСМР 150, 151, 153–163, 170, 173,
 174, 178–180; см. Комитет
 солдатских матерей России.
- Куйбышев, город 25; см. Самара
- Куклина Ида 157, 158, 162
- Кунгаева Эльза 197, 198, 201,
 202, 225
- Кухтерин Сергей 48
- Кучер Александр 213, 214
- Лapidус Гейл 44
- Латвия 229
- Лебедев Анна Колин 180
- Лебедь Александр Иванович,
 генерал-лейтенант 80, 82–
 84, 94
- Левада Юрий Александрович 109
- Левада-центр 108, 109, 138,
 200, 201

- Левинсон Лев 106
Ленин Владимир Ильич 34, 38
Лентини Питер 73
Либоракина Марина 74
Ливен Анатолий 51, 68, 79, 120, 121, 139, 190
Ливия 229
лозунги 62, 81, 131, 154, 157, 165, 168, 198
самарских групп солдатских матерей 154, 157
Локшин Михаил 122
Локшина Таня 27, 187
льготы 36, 58, 176, 215, 216, 218–220, 222, 225, 235
- Малайзия 229
Малофеев Михаил Юрьевич, генерал-майор 190
Мальцева Ольга 128
Манн Майкл 37, 41
Марквик Роджер Д. 35
Маркелов Сергей 201
Марков Николай Дмитриевич, генерал-лейтенант 108
Марш матерей за жизнь и страдание, марш мира 155
маскулинизация 49, 99
советских женщин 49
бюрократической и политической элиты России 99
Масхадов Аслан 70, 83, 94
матери 7, 10, 11, 13, 19, 25–29, 32, 40, 44, 46, 52, 53, 57, 59–63, 71, 111, 119, 131, 134, 146–181, 184, 188, 198, 210, 216, 222, 229, 232, 233, 235, 237; см. также материнство; группы солдатских матерей
- материальное вознаграждение 136
материнство 18, 32, 40, 44, 46, 48, 53, 60, 63, 100, 146–150, 152, 154, 155, 159–163, 170–174, 177, 180, 181, 232; см. также матери; группы солдатских матерей
МВД, Министерство внутренних дел РФ 187
медицинская помощь 10, 110, 144, 208
Международные отношения (МО) 14–21, 147, 230; см. феминистские международные отношения
Мельникова Валентина Дмитриевна 159, 163
Мемориал, правозащитная группа 107
места боевой славы 175
места боевых действий 175
Мещеркина Елена 121
милитаризация 7–63, 65, 99, 138, 139, 142, 148–150, 179–181, 183, 228–237; см. также демилитаризация; ремилитаризация
милитаризм зрителей 139
милитаризм 8, 13, 14, 18, 22–24, 30, 32–34, 37, 41, 53, 65, 66, 138, 139, 147, 149, 150, 203, 231–233
милитаризованная мужественность 19, 20, 29, 30, 43, 49, 60, 65–68, 78, 94, 125, 137, 148, 152, 172, 183, 186, 192, 194, 204, 220, 222, 224, 226, 227, 230–232, 234, 236
милитаризованный социализм 33–38, 42, 62

- Милютин Дмитрий Алексеевич,
граф 38
- Министерство обороны РФ 12,
69, 94, 105, 107, 136, 147, 159
- Министерство обороны
СССР 147
- мирные жители 86, 93, 94, 156,
191, 195
- Миронов Валерий Иванович,
генерал-полковник 79
- миротворчество 82
- мобилизация 31, 32, 34–37, 39, 40,
58, 88, 104, 132, 135, 141, 145,
153, 158, 184, 233
- антивоенная 158
- за Великую Отечественную
войну 31, 35, 39
- мужская 32, 141
- на Российско-чеченские
войны 104, 135, 145, 153,
184, 233
- Могила Неизвестного Солдата*,
мемориал 31, 155
- модернизация, советская 24,
51, 120
- мораль войны 188–193
- моральный авторитет, материн-
ства 61, 162
- Москва, взрывы в 70, 84
- Московский военный округ 126
- Московский комитет Коммуни-
стической партии 31
- мужественность 12–20, 25,
27–30, 32, 33, 41, 43, 48–53,
55–58, 60, 62–150, 152, 154,
163, 166–170, 172, 181–184,
186, 188, 192, 194, 202, 204–
214, 216, 217, 220–237
- мужской коллектив 115, 185
- мужчины 7, *passim*
мужчины из рабочего класса
18, 38, 104, 123
- мусульмане 44, 47, 51, 52, 75
- женственность 44
- как обозначение националь-
ности 47
- воинская повинность в СССР
51, 52
- женщины 47
- Мэтьюс Джилл Мл. 16
- Найджл Джоан 66
- Найт Энди 203
- Нарожна Таня 203
- население 13, 25, 33–35, 39, 42,
45–47, 51, 62, 67, 73, 76–81, 85,
96, 97, 101, 104, 122, 123,
130–135, 140, 145, 153, 184, 190,
193, 199, 200, 202, 215, 224,
226, 237
- насилие 16, 18, 24, 29, 34, 57, 59,
61, 71, 95, 102, 104, 109,
111–116, 124, 132, 154, 188,
191–196, 199, 201–203, 223, 225,
226, 229, 230, 234
- чрезмерное 194, 195, 202, 226
- сексуальное 112, 114, 201–203
- НАТО 73, 88, 131
- национализм 22, 66, 89
- национальная политика совет-
ская 23, 67
- национальное строительство 17,
29, 66
- национальности 22, 32, 47, 49, 55,
58, 75; см. также этничность
- нацистская Германия 24, 35, 36,
39; см. также Великая Отече-
ственная война

- непризнанные воины 184, 214–220, 223
- Новая Зеландия 128, 229
- новое мышление 54
- Новые Алды, бойня в 199
- новые русские 121
- НТВ 131, 196
- О ветеранах*, закон 1995 год 215, 216
- О’Хара Чарльз П. 205
- оборонная промышленность 34, 37
- образование 24, 26, 32, 34, 42, 43, 49, 51, 103, 120, 123, 161, 217–219, 235; см. также патриотическое воспитание
- Общественная палата Минобороны 159
- общественное мнение 18, 57, 76, 77, 84, 86, 99, 109, 142, 143, 158, 200
- общественные дебаты 54, 161, 231
- общественный договор 139, 223, 234
- обязательная военная служба 10, 19, 20, 42, 52, 57, 82, 109, 123, 125, 135, 140, 143, 144, 169, 180, 186, 229; см. воинская повинность
- Октябрьская Революция 33
- ОМОН 209
- организованная преступность 74
- орден Мужества, государственная награда РФ 9, 197
- освобождение от призыва 103
- освобождение от военной службы 151, 152
- ответственность, в Советском Союзе 60, 62
- ответственность женщины 40, 160–162, 177
- отдел государственной безопасности 211
- отказ по убеждениям 106
- отношение к военной службе 143
- отсрочка 103, 106, 135, 152, 165, 216
- отчуждение 208
- охранные фирмы 125, 211
- Патнэм Тоня Л. 33
- патриархальный 48, 171
- патриотизм 12, 13, 19, 22, 31, 34–36, 48, 51, 53, 66, 78, 85, 87–92, 97, 99, 101, 105, 135, 137–145, 150, 157, 160, 164, 166, 169, 172–175, 180, 220–222, 224, 226, 229, 232–237; см. также военный патриотизм
- патриотическое воспитание 7, 51, 141, 142, 180, 220–223, 233
- пацифизм 40, 50, 147, 153; см. также антимилитаризм.
- Пеннингтон Рейн 40
- пенсии 82, 217, 218, 235; см. льготы
- Первая мировая война 33, 34
- переговоры 69, 70, 77, 83, 94, 96, 97
- Черномырдин и 97
- перестройка 52, 58, 59, 63
- Перу 229
- Петр Великий 33, 38
- Петроне Карен 43
- Пинник Кэтрин 58
- Писаренко Дмитрий 192, 213

- Плеханов Сергей 67
- Пограничная служба 105
- подневольные воины 183,
188–193, 223, 225, 226
- подчиненная мужественность 17
- полевая работа в Самаре 8, 26,
109, 151, 164
- Политбюро ЦК КПСС 61
- политика 9–16, 19–25, 28–30, 32,
34, 37–40, 42–49, 52, 54, 59, 62,
63, 65–68, 70, 74, 75, 79, 80, 83,
85, 86, 94–100, 102, 104, 107,
129, 135, 137, 140, 144, 146–148,
150, 152, 153, 158, 160–163, 172,
178–180, 183, 217, 226, 228–232,
234, 237; см. государственную
политику
- политическая власть 20, 21, 23,
24, 30, 100, 232
- политические процессы 30, 48
- политическое руководство
и милитаризм 24, 28, 35, 36, 40,
55, 64–102, 144, 233
- Политковская Анна 93, 95, 159,
182, 200, 202
- полиция 114
- Полякова Элла 151
- Попкова Людмила 148
- популярность 22, 66, 67, 73, 77,
78, 84, 85, 87, 96, 99, 140, 203,
233; см. общественное
мнение
- Поросков Николай 136
- поствоенное общество 138–143
- посткоммунистическая транс-
формация 21–25, 105
- пострадавшие 153
- права военных 164–167, 218
- права женщин 96
- права человека 27, 71, 72, 102,
110, 113, 151, 152, 157, 159,
199, 201
- Правительство СССР 54
- правовая реформа 219, 220
- Пракаш Асиим 55
- предательство 84, 90, 196, 197,
201, 203
- предпринимательство 121
- президентские выборы 68, 81–85,
96, 102
- Чечено-Ингушская Республи-
ка (1990) 68
- Россия (1996) 81–84
- Россия (2000) 85, 102
- Премия Фонда Фридриха Эберта
(2000 г.) 157
- Приволжско-Уральский военный
округ 126
- призыв 10–14, 26, 29, 33, 39, 41,
57, 67, 82, 103–110, 113,
115–123, 126, 130, 132–134, 137,
138, 140–146, 148, 151, 152, 154,
159, 168, 169, 172, 180, 183, 193,
196, 223, 226, 229, 230, 232–236.
см. призыв на военную
службу, воинская повинность
- производство 18, 37, 44
- пропавшие без вести солдаты 53,
151, 169
- пропаганда 32, 39, 41, 49, 60,
213, 233
- протест против призыва 146, 179
- протесты 58, 59, 109, 134, 136,
150, 159, 179, 198, 202; см.
активизм; антивоенные
протесты
- психологические проблемы
205–207

- Пуликовский Константин
Борисович, генерал-лейтенант
93, 94
- Пэйн Эмиль 88
- рабочая сила 32, 39, 42, 44, 45, 49,
111, 112, 135, 230
- Рабоче-Крестьянская Красная
Армия 38
- равенство в Советском Союзе 32,
39, 42, 43, 129, 161, 230; см.
гендерное равенство
- равноправие женщин в Совет-
ском Союзе 145; см. также
гендерное равенство
- Радуев Салман 69, 86
- развод 118, 209
- Раковска-Хармстоун
Тереза 49
- реабилитация 101, 121, 208,
209, 213
- религия 47, 74, 149; см. также
мусульмане
- республики Центральной Азии
47, 58, 76
- Реувени Рафаэль 55
- Риз Роджер Р. 54
- Роман Мередит Л. 76
- российские генералы: «кризис
генералов» 78, 167
- российские солдаты 69, 71, 74, 81,
113, 130, 135, 154, 183, 191, 192,
203, 227
- Российско-чеченские войны 13,
23, 28, 29, 68–78, 86, 101
- Россия (постсоветская) 7, *passim*;
см. также имперская Россия;
Российско-чеченские войны;
Советский Союз
- Рохлин Лев Яковлевич, генерал-
лейтенант 79, 80
- руководство 13, 24, 28, 31, 35–38,
40, 45–47, 54, 55, 64–102, 142,
144, 153, 159, 178, 190, 198, 218,
220, 233, 237; см. Государствен-
ное руководство
- рыночная экономика 13, 116–125,
139, 144, 210, 212, 236; см.
также капитализм
- Рябов Олег 99
- Рябова Татьяна 99
- Салменниemi Суви 45
- Самара, полевые работы 8, 26,
109, 151, 164
- самарские ветеранские организа-
ции 176, 184, 217, 218, 222
- Самарские группы солдатских
матерей или родителей
военнослужащих 28, 29, 170,
175, 177, 178, 180
- Самарский государственный
университет 110
- Самарский комитет вдов и семей
погибших военнослужащих
219, 222
- Самарский областной парла-
мент 26
- самопожертвование 81, 92,
121, 222
- граждан 121
- военных 81, 92, 222
- самоубийства 61, 111, 144
- Саплер Манфред 33
- Сарин Олег 55
- Северная Корея 229
- Северо-Кавказский военный
институт 212

- Северо-Кавказский военный окружной суд 197
- сексуальное насилие 114, 201–203
- сельская местность, военная служба мужчин из 123
- семейная жизнь 209
- семья 8, 10, 44, 46, 48, 118, 119, 128, 133, 152, 153, 166, 172, 187, 197, 201, 208, 209, 217–219, 232; см. также дети; мужья; матери; жены
- Сербия, война НАТО с 88, 131
- Сергеев Игорь Дмитриевич, маршал 93
- Сердюков Анатолий Эдуардович 144
- Сиваева Татьяна 88, 158
- Сика-Козловски Элизабет 220, 222
- силовики 100
- силовые структуры 11, 12, 58, 65, 68, 95, 99, 100
- Симонсен Свен Гуннар 86
- синдром вины 90
- синдром Кадырова 95
- система социального обеспечения 37, 215
- Скотт Джоан 15
- славянские республики (СССР) 46, 58
- Словения 229
- службы безопасности 11, 65, 94, 100, 127
- службы государственной безопасности 211
- СМИ 54, 91, 96, 110, 112, 116, 128, 131, 135, 142, 153, 157, 158, 195, 196, 198, 204, 205
- дедовщина и 110, 112
- Российско-Чеченские войны 91, 131
- группы солдатских матерей и 153, 157, 158
- Советско-Афганская война и 54
- женщины-военные 128
- Смирнов А. И. 107, 127, 230
- СМСП 150–154, 156–161, 163, 170, 173, 174, 179; см. Солдатские матери Санкт-Петербурга
- СОБР 209
- Совет матерей и вдов военнослужащих 147
- Совет родителей военнослужащих 147, 178, 180
- Советский Союз 10, 11, 28, 31–33, 37, 40, 41, 47, 50, 53, 55, 56, 60, 62, 63, 79, 88, 107, 120, 127, 161, 183, 192, 215, 225, 230; см. также Великая Отечественная война; Россия; Советско-Афганская война
- развал 55, 63, 66, 88, 89, 91, 92, 107, 127
- статья 63 Конституции (1977 г.) 41
- Министерство обороны СССР 147
- военизированный социализм 33–38, 42, 62
- Советско-Афганская война 11, 26, 28, 32, 52–59, 62, 63, 79, 80, 146, 185, 191, 192, 210, 213, 215, 218, 221
- соглашение о прекращении огня (1996 г.) 69, 83
- Соколов Михаил Михайлович 198, 200, 201

- Солдатские матери Санкт-Петербурга (СМСП) 111, 113, 115, 148, 150–154, 156–161, 163, 170, 173, 174, 179; см. также группы солдатских матерей
антивоенная позиция 153, 159, 174
военный патриотизм и война 90–92, 101, 150–152
- солдаты 11, 12, 18, 26, 31, 34, 38, 42, 49, 53, 56, 57, 59–61, 69–71, 74, 80, 81, 83, 90, 92, 93, 101, 104, 105, 111, 113–116, 125, 130–132, 134, 145, 147, 150, 153, 156, 163–166, 170, 174, 176, 179, 180, 183, 184, 189–192, 194, 196, 199, 201–206, 211–213, 219, 222, 223, 226, 227, 231, 234–236
героизм и 31, 32, 36, 40, 58, 81, 91, 93, 101, 102, 194, 202, 234
боевой дух 80, 166, 190, 223, 225, 226
сообщество, ощущение 212
- сопротивление войне 193
- социализация 11, 19, 42, 48, 51, 59, 167, 169, 184–187, 221, 224; см. также женственность/женственности; пол; мужественность/мужественности; военизированная мужественность; военная служба
- социализм, военизированный 33, 37, 42, 62
- социальная гражданственность 235
- социально-экономическое неравенство, воинская повинность и 104, 122, 124, 234
- социальные издержки воинского призыва 122
- социальные отношения 23, 30
- социальные пособия 44, 48
- социальные процессы 30
- социальный лифт 123
- сочувствие 120, 133, 137, 163, 193
- Сперлинг Валерии 100
- спецназ 112, 231
- стадион Динамо, город Грозный 95
- Сталин Иосиф Виссарионович 24, 34–36
- Старопромысловский район 199
- статья 59 Конституции РФ 1993 года 105
- статья 63 Конституции СССР 1977 года 41
- Степашин Сергей Вадимович 65
- стереотипы 76, 188, 195, 201
- стратегия развития в сталинский период 34
- страх 67, 86, 87, 95, 105, 144, 173, 188, 190, 191, 193, 204, 206
воинская мужественность и 87
материнский 173
терроризма 67, 86, 87, 101
- стресс 183, 204–208, 227 см.
посттравматическое стрессовое расстройство
- студенты 28, 110, 122, 130, 146
- суверенитет 16, 68
- Сундстром Лиза 26
- суперпрезидентство 72
- супруги, посттравматическое стрессовое расстройство и 208
- США 37, 56, 66, 70, 73, 128, 130, 182, 196, 229, 231, 237
- Сычев Андрей Сергеевич 10

- Таджикистан 47
 Тайвань 229
 Танги-Чу, город 197
 территориальная целостность 73,
 74, 77, 85, 89, 92
 терроризм 25, 70, 85-87, 89, 92, 95,
 157, 160, 182, 194, 201
 товарищество, боевое братство
 и 212
 токсичная мужественность 204
 Томас Тимоти Л. 205
 транспортные маршруты 24
 Трошев Геннадий Николаевич,
 генерал-полковник 90, 93, 94,
 Тумаркин Нина 51
 Туркменистан 47, 58
- убийства, нежелание мужчин 226
 уважение 31, 48, 68, 91-93, 214,
 216, 217
 Узбекистан 47
 Уитворт Сандра 7, 194, 204, 212
 указы 2166 и 1360 69
 уклонение от призыва 7, 11, 12,
 33, 39, 57, 103, 104, 107, 108,
 118-120, 122, 123, 132-134, 138,
 142, 145, 172, 183, 226, 233, 236
 унижение 63, 66, 67, 88, 89, 91,
 101, 114, 116, 194
 урбанизация 120
 участники боевых действий 40,
 200, 201, 215, 226
 Ушакин Сергей Александрович
 26, 71, 176
- федерализм, этнотерриториаль-
 ный 23, 24
 Федеральная служба безопасно-
 сти (ФСБ) 11, 65, 94, 100, 127
- Фельгенгауэр Павел 12, 71, 190
 феминизация 49, 50, 52, 60,
 169, 221
 феминизм 7, 19, 20, 27,
 40, 41, 43, 67, 148, 149,
 162, 231
 феминистское направление
 международных отношений
 (МО) 14, 15, 18
 физическое насилие 111, 188,
 192, 194
 Фонд *Общественное мнение* 73,
 77, 83, 85, 96, 116, 123, 133, 143,
 156, 193
 формирование политической
 партии, КСМР
 ФСБ-изация 100
- Хасавюртовское соглашение
 о прекращении огня (1996г.)
 69, 83
 Херспринг Дейл Р. 123
 Хинтерхубер Ева М. 153, 161
 Холодная война 37, 53
 Хрупкие воины 204-214
 Хрущев Никита Сергеевич
 36, 37
- ценности 36, 46, 48-50, 120-122,
 170, 175, 184, 208
 Цымбал Николай Андреевич 190
 Цюрхер Кристоф 71, 131
- частные охранные предприятия
 125, 211, 231, 236
 Черненко Константин Устино-
 вич 54
 Черномырдин Виктор Степано-
 вич 74, 75, 97

- чеченизация 94, 95, 102
Чечено-Ингушская Республика 68
чеченский «квадрат» 176
Чеченский национальный конгресс 68
чеченский синдром 90, 204, 205, 207, 209, 210, 212–214, 221, 223
чеченцы 23, 24, 69, 71, 75, 76, 86, 88, 136, 154, 157, 159, 177, 184, 189, 192, 195, 201, 209, 220, 221, 224, 225
Чечня 9, 11, 13, 23, 24, 27, 66, 68–85, 88–90, 92–96, 102, 110, 131, 132, 134, 136, 141, 144, 145, 148, 153–155, 157, 165, 171, 174–177, 179, 182–184, 187, 189, 191, 193–200, 203, 204, 207–209, 211, 213–216, 219, 221, 224–227, 231, 232
- Шалдикова Галина Ильинична 178, 180
Шаманов Владимир Анатольевич, генерал-полковник 93, 198
Шевцова Лилия Фёдоровна 65, 87, 89
Шенфилд Стивен 136
Шлапентох Владимир Эммануилович 138
Шоу Мартин 138
- Эйфлер Кристин 127, 230
экономическая политика 22
экономическая трансформация 104, 110, 117, 121, 139
социальные расходы призыва в армию 122
экономические условия 22, 36, 45, 228, 232, 234
экономическое развитие 24, 47, экстремизм 75, 85
Элкнер Джулии 59, 60, 62
Энлоу Синтия 7, 9, 17, 60, 65, 66, 89, 128, 148, 202, 203
Эритрея 229
эссенциалистские идеи 148, 150, 160, 161, 168, 177
этнические чистки 203
эффект восприятия 55
- ЮАР 229
Юваль-Дэвис Найра 46, 47
юридическая помощь групп солдатских матерей 151, 165
Юшенков Сергей Николаевич 73
- Янг Айрис Марион 96
Ярославец Александр 224
Ястржембский Сергей Владимирович 199
- Human Rights Watch 72, 107, 110–115, 122, 135, 151, 193

Оглавление

Пролог к русскому переводу	7
Введение. Политика милитаризации мужчин: личное и общественное	9
Глава 1. Гендер и милитаризация в Советском Союзе	31
Глава 2. Политическое руководство и военизированная мужественность в российско-чеченских войнах	64
Глава 3. Социальный кризис военизированной мужественности. Воинская повинность, экономические реформы и российско-чеченские войны	103
Глава 4. Движение солдатских матерей. Отрицание и воспроизводство военизированных гендерных ролей	146
Глава 5. Ветераны чеченских войн. Сомнительные бойцы или образец мужественности?	182
Заключение. Мужественность, военная служба и война в постсоветской России	228
Источники	238
Библиография	242
Предметно-именной указатель	262

Научное издание

Майя Эйхлер
ИЗОБРЕТАЯ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
Армия, война и гендер в постсоветской России

Директор издательства *И. В. Немировский*
Ответственный редактор *И. Белецкий*
Куратор серии *В. Кучерявенко*
Заведующая редакцией *О. Петрова*

Дизайн *И. Граве*
Редактор *А. Тюрин*
Корректор *А. Филимонова*
Верстка *Е. Падалки*

Подписано в печать 25.10.2022.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,5.

Academic Studies Press
1577 Beacon Street, Brookline, MA 02446 USA
<https://www.academicstudiespress.com>

Эксклюзивные дистрибьюторы:
ООО «Караван»
ООО «КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6»
<http://www.club366.ru>
Тел./факс: 8(495)9264544
e-mail: club366@club366.ru

Книги издательства можно купить
в интернет-магазине: www.bibliorossicapress.com
e-mail: sales@bibliorossicapress.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*